

НАДЕЖДА АМАЕВА

У ВОЛШЕБСТВА
ЗАПАХ КОРИЦЫ

Annotation

Одни заводят личный дневник, потому что скучно, иные — когда нет друга, я она — чтобы выжить и не сойти с ума. Угодить в мир, где главенствует магия, живут эльфы и драконы. Занять на время место дочери придворного алхимика. Выйти замуж помимо воли и стать свидетельницей убийства. Оказаться связанной клятвой мести и попытаться не только выжить в водовороте интриг, но и не потерять себя. Когда тайна и опасность становятся постоянными спутниками, единственным якорем в чужом мире становится любовь... А вы готовы окунуться в мир придворных тайн?

- [Надежда Мамаева](#)
 - [ДЕНЬ ПЕРВЫЙ](#)
 - [ДЕНЬ ВТОРОЙ](#)
 - [ДЕНЬ ТРЕТИЙ](#)
 - [ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ](#)
 - [ДЕНЬ ПЯТЫЙ](#)
 - [ДЕНЬ ШЕСТОЙ](#)
 - [ДЕНЬ СЕДЬМОЙ](#)
 - [ДЕНЬ ВОСЬМОЙ](#)
 - [ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ](#)
 - [МЕСЯЦ СПУСТЯ](#)
-

Надежда Мамаева

У ВОЛШЕБСТВА ЗАПАХ КОРИЦЫ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

13.02.2016 по римскому календарю

16 травня 9785 года по веремскому летоисчислению

Здравствуй, дорогой дневник! Ни разу в жизни не вела личных записей, а вот сегодня поняла — накопилось, и если не выскажу всего, не человеку, а хотя бы бумаге, то не выдержу. Поэтому-то сейчас и строчу гусиным пером, царапая пергамент, хотя еще пару дней назад держала в руках шариковую ручку. Но обо всем по порядку.

* * *

Практикумы по аналитической химии, которые вел Лихославский, всегда проходили в тишине. Не потому, что предмет был скучен, вовсе нет. Скорее наоборот: звучный голос молодого обаятельного аспиранта, объясняющий основы качественного анализа, увлекал, затягивал. Сложные уравнения, в которых перечисление реагентов порою занимало не одну строчку, при разборе из его уст оказывались просты и понятны, как дважды два. Доска, испещренная формулами и условиями проведения реакций, скрип шариковых ручек, стрельба глазами в сторону симпатичного аспиранта — атмосфера практикумов была на удивление располагающей. На занятиях Лихославского, проходивших, к слову, с восьми утра, не было опоздавших и не пришедших. Наоборот, девичья часть группы являлась вовремя и при полном параде. Девушек не пугали зимние морозы — миниюбки и декольте правили модным балом, а лабораторные халатики были до неприличия коротки и всегда распахнуты, попирая тем самым все требования безопасности.

Я не любила быть на глазах у преподавателей, но и галерка не прельщала: половину не услышишь, поэтому обычно садилась за средними столами. В тот день за окном кружила метель, и мороз рисовал на стекле замысловатые узоры. Пушистые сугробы, что намела заботливая хозяйка-зима, были в половину человеческого роста.

Лабораторный практикум закончился, и студенческая братия в едином порыве рванула со своих мест, не снимая халатов. Большая перемена — успеть бы в буфет очередь занять, пока народ не набежал. Я слегка

замешкалась. В новую сумочку, доверху набитую, никак не хотела влезать толстая тетрадь. Впрочем, сегодня многое, помимо сумочки, было новым: прическа, макияж, одежда. Накануне мы с подружкой в преддверии четырнадцатого февраля решили поменять мне имидж. А что? Если валентинкой порадовать некому, можно и самой себе подарок организовать, вот такой, необычный.

Утром, правда, чуть было не пожалела о принятом накануне решении: непривычно было видеть себя огненно-рыжей и с ярким макияжем. Короткое легкомысленное платьице. Не умею носить такие, но Ангела настояла: «Надень, ты в нем просто супер!» Оно довершило образ барышни, ждущей с нетерпением весны. И вот я, вся такая «супер», сейчас страдала от результатов персонального «ребрендинга», на который, между прочим, ушли все мои скромные сбережения.

Жертвой противостояния логики (невозможно впихнуть не влезающее) и моего упорства стала злополучная сумочка — у нее просто оторвалась ручка. Как оказалось, китайские «Дольче Габбаны» держатся буквально на одном стежке. Содержимое тут же разлетелось по полу. Я начала быстро собирать упавшее и, посмотрев вверх, поймала взгляд преподавателя, обращенный на меня.

Непроницаемая маска безразличия. Мужчина наблюдал за мной без каких-либо эмоций: ни раздражения, ни нетерпения, ни сочувствия. Вообще ничего. Даже на миг показалось, что все очарование аспиранта, завораживающее девушек на лекциях, какое-то нереальное, искусственное и сейчас передо мной настоящий Лихославский: расчетливый и циничный. Но это был только миг.

Аспирант побарабанил пальцами по столешнице и вновь глянул в мою сторону. Когда он заговорил, его голос был тихим, напоминающим дуновение ветра, шорох осенних листьев:

— Вам никто не говорил, что вы сегодня по-весеннему красивы... — Мягкая, обезоруживающая улыбка, и только для меня. Это насторожило.

Зажимая стопку собранных тетрадей перед собой, поднялась, поправляя юбку, которая в этот момент по ощущениям была вопиюще короткой. Мужчина меж тем решительно подошел к двери кабинета и запер ее, убрав ключ в карман. Мне это совсем не понравилось, и я неосознанно начала пятиться.

Лихославский обернулся. Его обаяния как не бывало. Безумные глаза, непроизвольно сжимающиеся руки, губы, которые он постоянно облизывал.

В голове мысли мелькали калейдоскопом: Янка, бывшая

однотруппница. Яркая, эффектная, в октябре она как-то разом увяла, замкнулась в себе, а потом и вовсе перевелась на заочное отделение. А она ведь тоже была без ума от этого Лихославского. Сообщение о пропавшей в декабре студентке с первого курса. Ее так и не нашли.

В несколько шагов аспирант приблизился и резко схватил за плечи. Рывок в сторону оказался для меня полной неожиданностью. Лихославский буквально запихнул меня в узкий простенок между шкафом и вытяжкой.

— Ну же, будь хорошей девочкой, не упрямься. Я же знаю, ты специально для меня так оделась, и осталась наедине тоже специально. Вы все так делаете, провоцируете, а потом ноете, что не хотели. Хотели, еще как хотели. — Его жаркий шепот прямо в лицо напугал. Еще больший страх я испытала, когда руки мужчины бесцеремонно проникли под юбку и начали жадно шарить в районе живота, все выше задирая подол платья.

— Что вы делаете? — Происходящее настолько не укладывалось в голову, что я в первый момент растерялась.

— Ну что тут такого. Доставим друг другу немного удовольствия. Ты вроде ничего, а я тебе нравлюсь, я всем нравлюсь... — Это был голос одержимого, маньяка.

Первый шок прошел, и я начала отчаянно сопротивляться. Осознание, что меня сейчас банально изнасилуют, придало сил. Заорала, но Лихославский тут же приложил меня затылком о стену так, что едва не потеряла сознание, а потом заткнул рот одной рукой. Этот ненормальный же, не теряя времени даром, стаскивал с меня колготки. Его штаны уже были приспущены, и оттопыренный член подрагивал в возбуждении.

В этот момент я ненавидела все и вся: идею сменить прическу, короткое платье, эту двуличную аспирантскую заразу. Тяжесть его тела и ощущение, что сейчас он овладеет мной, были невыносимы.

Кто-то дернул дверь с той стороны, проверяя: открыто ли? На мгновение Лихославский отвлекся и я, толкнув его, рванула из простенка. Не успела. Он нагнал буквально через пару шагов. Яростное сопротивление, звон разбивающегося стекла и полет.

Все было как в замедленной киносъемке. Я, летящая спиной вниз, и падающие сверху в лицо осколки. Все медленнее и медленнее. Стекло застывало, вязло в воздухе, как в смоле, и мое тело вместе с ним. На уровне подоконника второго этажа, когда до земли осталось совсем чуть-чуть, я и вовсе зависла в воздухе, не в состоянии пошевелиться. Только скосила глаза сначала в одну, потом в другую сторону. Сюрреалистичность происходящего пугала даже больше, чем то, что я сейчас разобьюсь. Потому как падение с четвертого этажа и его итог — хотя бы подчиняется

законам физики и, что уж говорить, неприятно до летальности, но типично, а вот то, что происходило сейчас...

Здоровенного таракана (с ладонь, не меньше, не иначе родственник мадагаскарских), прыгнувшего мне на грудь, в этой ситуации я уже восприняла спокойнее, а вот то, что он говорящий, — нет. Захотелось банально заорать, но не могла — губы не слушались.

Меж тем усатый родственник пруссаков изрек:

— Жить хочешь? — и, привстав на заднюю пару лапок, словно сурикат, потер перед собой передними.

Возможность говорить вернулась. Орать, кстати, тоже, чем я незамедлительно воспользовалась.

Таракан недовольно пошевелил усами после того, как звуковая волна иссякла.

— И почему мне всегда достается роль парламентаря? — сам себе пробурчал таракашка. А потом, обращаясь уже ко мне, добавил: — Еще раз спрашиваю: жить хочешь?

— Дддаа, — выдавила из себя. Насколько бы нереальной ни была ситуация, близко знакомиться со льдом и асфальтом мне все же не хотелось. Как и превращаться в отбивную.

— Тогда у меня к тебе есть деловое предложение: ты помогаешь мне уладить одно дельце в другом мире, а я возвращаю тебя в этот. В эту же самую точку.

— И какая мне от этого выгода — разобьюсь же? — подытожила я.

— За это можешь не волноваться. Смягчу падение, отделаешься сломанной рукой или ногой. Окружающие посчитают это чудом, а ты будешь рассказывать, что вся жизнь пронеслась перед глазами.

В этот момент я поняла, не важно, соглашусь я или нет, клиентом доктора мне быть. Эскулап нацепит на меня ярлык обязательно, вот только кто это будет: патологоанатом или психиатр? Мозгоправ был как-то привлекательнее (все-таки говорящий таракан — пусть и шиза, но с ней жить проще, чем с пробитым черепом), и я решилась.

— Хорошо, я согласна. Только сразу предупреди, что от меня требуется. Некоторые вещи я физически выполнить не смогу.

Тут я не лгала. На шпагат, например, садиться не умею, базу Пентагона тоже не взломаю.

— Да от тебя особо ничего и не требуется, пару часов поизображаешь дочь придворного алхимика и вернешься сюда, долетать остаток пути. — Таракашка зашевелил усами, описал круг на моей груди, а потом по шее забежал на лицо. Его усы начали щекотать мне ноздри.

Меня не стошнило лишь по одной причине — двигаться не могла.

— Ну, раз ты согласна... — протянуло насекомое, а потом патетично прогнусавило: — *Прентуриармус эолирмис*.

Тело окутало сияние. В мозгу не к месту возникла мысль: «А каков спектр его свечения? Без радиоактивных волн, надеюсь?» Постепенно свет становился все ярче, настолько нестерпимый, что вызывал физическую боль, от которой я и отключилась.

Пришла в себя, лежа на чем-то твердом, жестком и холодном. Булыжная мостовая? По ощущениям так оно и было.

— Как похожа! Просто отражение в зеркале, вылитая Кесси... — Незнакомый мужской голос с характерными старческими нотками. Вроде и нет в нем явного брюзжания, визгливых интонаций, а слушаешь и понимаешь — не молодой, совсем не молодой человек говорит.

— Я старался, хозяин. — А это, судя по всему, мой недавний членистоногий знакомый.

— Старался он. А почему тогда девица без сознания?

— Переход был осуществлен с ее согласия. Если бы не согласилась, портал бы ее вообще сжег. И вообще, вы же сами знаете, проще перенести из другого мира душу. Может, надо было подождать, пока она разобьется, а уже потом...

«Ну, паразит усатый, я тебе покажу „разобьется“, дай только в себя приду», — подумалось мне.

— Душа — это хорошо, но мне нужно именно тело, живое и целое. Поэтому давай, приводи девушку в чувство и объясни ей ее задачу.

Шаркающие шаги, скрип несмазанных петель, сквозняк, стелющийся по полу, а затем тишина. Чувство, что мою голову использовали вместо наковальни, все усиливалось. Я застонала и тут же ощутила, как по лицу кто-то бежит. Маленький, перебирая шустрыми лапками.

— Очнулась? — Голос настолько заботливый, что навевает ассоциации о тапках и мухобойках.

— Да, — выдавила я из себя через силу.

— Ну, вот и хорошо! Судя по тому, что говоришь ты на местном языке, тебя при переходе еще об адаптационную сферу приложило.

Поскольку внятно ответить этой членистоногой заразе я не могла, она продолжала разглагольствовать:

— Обычно, когда порталом протаскиваешь кого-то из другого мира, сфера на него не реагирует, и приходится вешать коммуникационный амулет или накладывать заклинание транслингвы, в самом крайнем случае учить язык по старинке, зубря слова, но ты у нас, похоже, везучая... —

Последнее слово он протянул так, что сомнений не оставалось, какого рода это самое «везение».

Я же попыталась принять сидячее положение. Удалось задуманное попытки с седьмой, а может, десятой, не считала специально. Таракан в это время нарезал вокруг меня круги, шевеля усами.

— Ну, давай, выкладывай мне про эту вашу сферу или что мне там знать нужно?

Шевелиться боялась, чувствуя, что одно неверное движение, и голова разлетится на мелкие осколки.

Судя по всему, тараканище дорвался до благодарного слушателя (а мне-то что — пусть болтает, я его все равно сейчас адекватно воспринимать не могла).

— В этом мире живет несколько рас, у каждой свой язык. Чтобы не заучивать их все сразу, маги придумали сферы — ими накрыты большинство городов. Проходя через такую, твой словарный запас переводится на язык, на котором принято разговаривать под этой сферой.

Я представила себе такие гигантские купола, а-ля мыльный пузырь, накрывающий территорию Франции, например. Впечатлилась.

— Кстати, они невидимы и не ощущаются при проходе, хотя в твоём случае ничего точно сказать нельзя. Они же рассчитаны на жителей этого мира.

Судя то тому, что вопросов я не задавала, таракан решил, что в моей голове в принципе легко укладывается то, что, по сути, не лезет ни в какие ворота, и продолжил:

— Но это к делу не относится. А вот то, зачем ты понадобилась моему господину, великому придворному алхимику Микелису Глиберусу... У него есть дочь, Кассандриола, Кесси. Тебе выпала честь быть на нее до неприличия похожей. Так вот, она на днях слегла. Ее прокляли — наложили заклятие, побочный эффект которого, помимо прочего, и абсолютное безмолвие. Сейчас ей уже лучше, но встать с постели она никак не может, как и говорить. А сегодня день объявления ее помолвки.

— Ну и в чем проблема, перенесли бы, — невольно вырвалось у меня.

— Проблема в том, что помолвка эта политического плана, о ней была договоренность, и именно ради этого приехало посольство.

— Ради дочери придворного алхимика? — Сомнение в моем голосе можно было черпать ложкой.

— Не ради одной, конечно, ради двух дюжин. Просто принцесс и принцев королю жаль, да и штучный товар — королевские особы. Укреплять же межрасовую дружбу надо, за счет браков в том числе. А с

драконами мы сейчас начали дружить особенно рьяно — как-никак, только что война закончилась, вот и заверяет наш король в своей искренней дружбе бывших противников, как может.

От тараканьей трескотни голова разболелась еще сильнее, но я стоически терпела.

— Кесси прочили за драконьего князя рода Дирриетгинга, и сегодня — церемония объявления помолвки. Не явиться на нее — значит, не просто впасть в немилость короля, это может послужить началом конфликта.

— Ну да, уважительной причиной неявки на лекцию может быть только смерть студента, — процитировала я слова грозы нашего факультета Алоизии Эриховны, декана и жуткой стервы в одном лице.

— Точно. Поэтому сейчас я позову служанку, которая приведет тебя в надлежащий вид, и мы отправимся на церемонию. Там тебе нужно будет произнести только одно слово: «согласна», и ты, считай, свободна.

Все сказанное тараканом было хотя и абсурдным, но логичным. Да и выбирать мне особо не приходилось. Эх, знала бы я, чем все это обернется...

* * *

Садиста, придумавшего корсеты, надо было самого засунуть в это пыточное устройство и заставить совершить марш-бросок через пустыню Гоби. Чтобы это зараза умирала долго и мучительно. Служанка шнуrowала меня, безбожно сжимая ребра пластинами, бюски впивались в талию, я скрежетала зубами.

— Еще немного выдохните, госпожа, — произнес голос, не отличающийся теплотой, но с должной долей почтения, — ваша талия чуть шире, надо ее еще затянуть.

«Куда еще-то? Вы сейчас мне печень выдавите в грудину вместе с желудком, один позвоночник останется», — про себя завопила я. Резкий рывок (хорошо, что я вцепилась в столбик спинки кровати — иначе бы точно упала), и служанка с чувством выполненного долга выдохнула:

— Все, теперь можно и платье надевать.

Глядя на бархат, расшитый серебряной нитью, я поняла, насколько сильно мое представление о данном предмете гардероба отличается от местных. Если знаменитое черненькое творение Коко Шанель умещалось на ладони, это произведение местных кутюрье не в каждый чемодан, полагаю, удалось бы запихнуть. А когда я его надела, то поняла, что не зря

ходила в спортзал — весило оно не меньше десяти килограмм, давая столько же простору для маневра, как и плащ-палатка.

Стук в дверь и вежливое:

— Можно? — Знакомый голос, кажется, это Микелис Глиберус?

— Да, пожалуйста. — Что отвечать на подобный вопрос в этом мире, я не знала, так что выдала земной вариант.

Дверь открылась, явив мужчину. Уже в годах, с шевелюрой, в которой седина порезвилась вволю, с небольшим горбом, но уверенного в себе, с пытливым взглядом.

— Мой помощник, Фирселий, уже объяснил вам суть сегодняшнего действия и то, что от вас требуется? Как вас, к слову, зовут?

Столько вопросов и сразу. И тон — этот человек привык получать ответы.

— Да, таракашка объяснил, что нужно только дать согласие. А мое имя Наташа.

Мужчина усмехнулся в усы.

— Ответ неверный. Здесь и сейчас вы — Кассандриола Глиберус, моя дочь. Что же до «таракашки» — не называй его так, он обижается. — На этих словах алхимик хитро прищурился. — Ну да время не терпит, прием уже совсем скоро. Пройдем к порталу.

— А я думала, вы не маг, а алхимик... — не к месту уточнила я.

— Не просто алхимик, а один из сильнейших чародеев королевства. И да, держись весь прием подле меня, никуда не уходи. Если что-то спросят, постарайся отвечать как можно более размыто, а лучше вообще молчи.

Доходчивая и подробная инструкция, ничего не скажешь. Ну да делать нечего. Уцепилась за галантно подставленный локоток «отца» и пошла, как в приснопамятном «Служебном романе», от бедра.

Увидев мои потуги в дефиле, Глиберус закашлялся, словно откусил бутерброд, на котором вместо масла был намазан скипидар. Наконец, обретя возможность говорить, «папенька» выдал:

— Я понимаю, наши миры весьма различны, как и понятия об этикете, но не стоит задирать юбку до колена.

«Лучше пробороздить носом пол, наступив на подол», — мысленно закончила я речь за алхимика. Ну что тут такого? Я всего лишь приподняла передний край юбки так, чтобы не зацепить его. Ну, вышло чуток выше, и оказались видны ноги до середины икры. Так никто же, кроме «папеньки», не видит. Но, как оказалось, месье Глиберус был иного мнения.

— Приличные девушки ведут себя целомудренно, — проворчал он, назидательно подняв палец вверх, — глаза опускают долу, говорят лишь

тогда, когда их о чем-то спрашивают, и юбок не задирают ни в коем разе.

— Хорошо, поняла. — Я чувствовала себя продавцом «Макдональдса», который всегда улыбочив, понятлив и все схватывает на лету, каким бы самодуром ни был клиент.

— Вот и славно. — Глиберус похлопал меня по запястью той руки, которой я за него держалась.

Больше мы не обменялись ни звуком, только ткань платья шуршала по полу. Даже таракашка перебирал лапами по паркету абсолютно бесшумно, периодически поднимая свою лобастую морду на меня и выразительно шевеля усами.

Портал больше всего напомнил мне зеркало. Большое такое, чтобы можно было без труда рассмотреть себя в полный рост, в массивной металлической раме. Только вместо отражающей поверхности — свет. Не яркий, он струился, переливался и был в каком-то постоянном, одному ему ведомом, движении.

— Это портал перехода? А почему в раме?

Фирселий оказался на редкость словоохотливым насекомым:

— Материальная рамка нужна для того, чтобы контур заклинания оставался стабильным. Без него велика вероятность того, что при переходе тебя выкинет не в том месте, где рассчитывал появиться. — Протараторив все это, таракашка серьезно, по-командирски, прибавил: — Замри и не шевелись.

Я сначала не поняла, к чему это он, а когда по моему платью, а потом и по плечу Фирселий начал проворно перебирать лапками, орать было уже поздно. Таракан, подобно покорителям Эвереста, не остановился на достигнутом и начал штурмовать мою прическу, как неприступный бастион.

Служанка постаралась на славу, укладывая мою рыжую копну в высокую прическу. Локоны образовали нагромождение завитков и волн, увеличив рост на голову, не меньше. В этом стогу Фирселий, похоже, и зарылся. Его повелительное: «Теперь можно идти», — свидетельствовало о том, что усатый чувствует себя на своем месте и не раз проделывал подобный трюк. Следующая фраза членистоногого подтвердила мои догадки:

— Не переживай, я с Кесси кучу раз такое проделывал. Зато, если что, смогу тебе помочь и подсказать.

Да уж, фраза «неприятности подстерегают повсюду, но самые хитрые из них путешествуют вместе с тобой» сегодня для меня приобрела новый смысл. Буквальный.

Алхимик, наблюдавший всю эту картину, лишь усмехнулся, а потом сказал:

— Я первый, вы — следом. Не бойтесь, это все равно что перешагнуть через порог.

Подавая пример, он так и сделал — просто шагнул в раму, скрывшись в пелене света. Я на всякий случай обошла «зеркало» с другой стороны. Вот уж дитя века научно технического прогресса, воспитанное на шоу Дэвида Копперфильда: легче поверить в гений инженерной мысли, чем в чудо, даже если волшебство — априори.

— Давай, пошли уже, хватит круги нарезать. — Нетерпеливый голос, раздавшийся прямо над головой, заставил выдохнуть и мужественно шагнуть в светящееся нечто.

«Переступить через порог, как же!» — очумело подумала я. Ощущения были такие, словно шагнула с этажа небоскреба, находящегося на краю кратера вулкана: пока летишь до «пункта назначения», успеешь превратиться в качественно прожаренный бифштекс. Благо все это длилось недолго. Пара мгновений, и я оказалась в сумрачном зале. Напротив меня уходила вверх лестница. Признаться, впервые видела такую. Пресловутые красные ковровые дорожки, постеленные на беломраморных ступенях, теряли по сравнению с ней всю свою привлекательность. Эта лестница была отдельным произведением искусства: необыкновенное разнообразие декора — колонны, зеркала, статуи, затейливая золоченая лепнина, огромный плафон, созданный талантливыми живописцами. Разделенная на два торжественных марша, она вела к анфиладе.

— Прошу вас, дочь моя. — Алхимик, стоявший тут же, рядом с порталом, протянул мне руку.

Я не преминула воспользоваться его предложением, украдкой оглядывая остальное убранство зала: все пилястры и каминные ниши были облицованы малахитом. Бронзовые базы и капители колонн, резные деревянные двери, рамы зеркал, лепка сложного орнамента, покрывающая потолок, — все то ли вызолочено червонным золотом, то ли покрыто натертой до блеска латунью.

Мой практичный ум, глядя на это блестящее великолепие, вынес вердикт: «Все-таки золото: полировать неблагородный металл на потолке весьма проблематично, а блестит, как новенький...» Сочетание интенсивных зеленых тонов малахита с золотом определило парадное звучание интерьера, поэтому в нем, мимикрируя под окружающую обстановку, не бросалась в глаза охрана, бдящая у портала в зеленых же с золотом мундирах.

Ощущение торжественности и тягостное молчание витало в воздухе, разливалось в нем широкой рекой, давя на сознание не хуже умелого психоаналитика. Мы с «папенькой» в гробовой тишине прошествовали по лестнице. Таракан (судя по тому, как глубоко он закопался в прическу, можно уже было использовать предлог не «на», а «в») моей голове тоже пока молчал.

Когда мы были на середине лестницы, за нашими спинами послышалось какое-то движение.

— Еще одна прибывшая чета, — прокомментировал алхимик. — Сегодняшний прием, хоть и закрытый, но в гостях недостатка не будет. А как ты, моя дорогая Кесси, находишь новое оформление зала телепортаций? Мне, признаться, прежний беломраморный вариант нравился гораздо больше.

Его «Кесси» меня слегка покорило, но тон, отчетливо намекающий, что отцу с дочерью надлежит создать хотя бы видимость светской беседы, заставил подобающе ответить:

— Белый слишком безлик. Он как свежий холст, на котором каждый рисует картины по своему разумению и настроению. Зеленый же питает надежды...

Старик удовлетворенно хмыкнул, принимая ответ. Похоже, тот ему понравился.

— Рад, что, несмотря на многие твои недостатки, — тут Глиберус выразительно посмотрел на меня, намекая на земное происхождение, — ты не разочаровываешь своего отца. Надеюсь, так и будет в дальнейшем.

— Я тоже на это очень надеюсь, как и на ваши милости.

Под этот милый завуалированный треп мы неторопливо добрались через анфиладу до тронного зала. Во всяком случае, я для себя окрестила его именно так, по причине стоящего напротив входа монаршего седалища, на котором и разместился местный владыка.

Когда мы только появились в дверном проеме, церемониймейстер ударил жезлом (негромко, но так, чтобы было слышно) и известил:

— Алхимик его королевского величества Нериуса Седьмого Победоносного Микелис Глиберус с дочерью.

Запоздало подумалось: «А почему, собственно, только с дочерью? Как же почтенная матрона сего семейства?» — но задавать родившиеся вопросы было уже некогда. «Папенька», подобно буксиру, тянущему севшую на мель баржу, повел меня к трону.

— Сделай реверанс и склони голову, как только подойдем к королю поближе, — наставительно прошептал он.

Я уже поняла, что в случае моего «батюшки» краткость не просто была сестрой таланта, но она еще и занималась братоубийством, потому как инструкции Микелиса были до ужаса короткими и размытыми. Нет бы уточнить, где это самое «поближе» начинается и как долго сидеть в положении «волейболистка принимает подачу снизу» — именно так я воспринимала положение ног в этом самом реверансе, благо юбка длинная и раскоряки из коленок не видно.

Наконец «папенька» остановился, не доходя до трона метров пять, и почтительно склонил голову. Я поняла, что пора начинать приседания и, шаркнув ножкой в сторону, согнула колени.

— Встать-то сможешь? — ехидный комментарий из прически вызвал непреодолимое желание поправить шевелюру, хорошенько треснув себя по голове. Ну и пусть испорчу все к чёртовой бабушке, зато одним ехидным созданием в этом мире станет меньше. Я и так стараюсь, почти носом в ковровую дорожку утыкаюсь, благо декольте неглубокое, а то этому Победоносному открылась бы весьма интригующая картина.

— Нет такого препятствия, которое русский человек не смог бы преодолеть и обматерить, — выдала я на ультразвуке.

Таракан в голове замолк. Наверное, переваривал услышанное. Я же тем временем скосила глаза на Глиберуса, который начал выпрямляться, и посчитала, что и мне можно выбираться из зет-образной позы.

Как только мы с «папенькой» отошли на достаточное расстояние, алхимик соизволил озвучить мне хронометраж мероприятия:

— Все невесты уже в тронном зале, скоро прибудет посольство и начнется церемония помолвки. Герольд будет зачитывать имена пар, названные выйдут в центр зала и перед троном подтвердят свое согласие на помолвку. Тебе надо будет лишь сказать «да», после этого вернуться ко мне и дожждаться окончания церемонии.

— У меня вопрос: у вас же мир магический, не проще ли было морок какой навести и делегировать уроженку этих мест? Зачем такие сложности со мной?

Но откликнулся не «папенька», подбиравший лаконичный и четкий ответ, а словоохотливый Фирселий:

— Есть небольшая загвоздка. Посмотри на свод потолка. По центру этого зала в зените купола установлен кристалл истины. Мера безопасности, так сказать, но она разрушает любую иллюзию, любые чары, а парик или накладной нос может разглядеть сам жених, поэтому-то и нужна была девушка, обладающая природным сходством с эталоном.

— А то, что волосы у меня немного не природного оттенка?

— Знаешь, даже вблизи непонятно, что это не твои, если ты сама не скажешь. Но, скажу по секрету, твои локоны на вкус совсем как одна из склянок в алхимической лаборатории...

— Ты что, еще и волосы мои ешь? — Да, мы, дочери Евы, такие: в первую очередь обращаем внимание на мелочи, ибо из них в основном и складывается картина.

— Я такую алхимическую гадость не ем, лишь невольно дегустирую, если под жвалы попадает, — проворчал таракашка.

Тут его речь прервал стук жезла и зычный голос церемониймейстера, вслед за которым грянули фанфары: прибыло посольство.

Они шли, чеканя шаг, гордые, с высоко поднятыми головами. Все в черном, отличные лишь цветом шевелюры и прической, даже черты лица, выражение было чем-то неуловимо схоже у всех двух дюжин мужчин. «Не мужчин, драконов», — педантично поправила я сама себя.

Они напомнили мне офицеров на построении в честь Парада Победы. Словно это был не официальный прием, а показательные маневры.

Остановившись в пяти метрах от трона, глава драконьей делегации поприветствовал королевское величество Нериуса. Слова посла, прозвучавшие после обмена этикетными любезностями, повергли меня и «папеньку» в шок:

— Ваше величество, при всем моем глубоким уважении и почтении к вашим традициям, я, Салик Чейдра, от лица моего правителя и всех рассекающих высь прошу Вас все же их нарушить. — Нериус Победоносный молчал. Дракон посчитал тишину дозволением продолжить: — Дело в том, что нам, сынам неба, угрожают соседи с Чернолесья. Те, кто должен составить счастье ваших дочерей, не позднее чем завтра отправляются в военный поход. Поэтому нижайше прошу о дозволении провести сегодня церемонию не помолвки, а бракосочетания, дабы все рассекающие высь смогли исполнить свой долг.

Красивые обороты речи и чуть шелестящий, напоминающий об огненно-золотистой листопадной осени голос посла не смогли скрыть смысл сказанного: мне хана.

Король меж тем, насупив брови и побарабанив пальцами по подлокотнику трона, изрек:

— Наши народы поклялись друг другу в вечной дружбе, а друзьям пристало идти навстречу друг другу. Пусть будет по-вашему, и сегодняшние браки будут осенены королевским благословением.

Я в панике посмотрела на «папеньку». Мелкие бисеринки пота на лбу алхимика, его враз побелевшие губы, бегающий взгляд.

— Что будем делать? — шепотом спросила я.

— Действовать по первоначальному плану, — так же шепотом ответил Глиберус, а потом, словно решив для себя что-то, твердо добавил: — Отступать некуда, если узнают о подмене, ни мне, ни тебе голов не сносить. Так что пока молчи. А после церемонии постарайся от мужа скрыться, изобрази, что тебе дурно, спрячься... Я придумаю, как вас с Кесси поменять местами, чтобы дракон ничего не понял. Главное, чтобы сейчас он оставил тебя здесь, а не забрал с собой.

«Вот уж перспективка так перспективка!» — Мысль пронеслась в моей голове галопом, а герольд между тем начал объявлять имена «счастливых» женихов и невест.

Лица молодоженов в момент сочетания священными узами были такими, что невольно создавалось впечатление — это профессиональные дегустаторы уксуса.

— Кассандра Глиберус и Арий Дирриетгинг.

В центр зала вышел высокий статный мужчина. Волосы, белые как лен, контрастировали с темными бровями. «Любопытно, шевелюра поседела или природа расщедрилась на столь дивное сочетание?» — мелькнула невольная мысль. Да еще глаза. Встреть я такие в своем мире, непременно решила бы, что это — линзы. Уж больно насыщенный синий цвет, словно не радужка, а пресловутая берлинская лазурь. Прямой нос, губы, решительно сжатые. Словно вышедший был не в тронном зале, а на поле брани. Разглядывая этого Ария, для себя вынесла вердикт: уже далеко не юнец, но и не в годах. Плохо, очень плохо. Молодого легче обмануть, от старика — спрятаться, а этот... Чувствовалась в нем внутренняя сила, не сулящая мне ничего хорошего.

Пока он шел, заметила, как дракон слегка прихрамывает на правую ногу. «Интересно, это у него с рождения или жизнь так потрепала?» — возник в голове еще один непрошенный вопрос. Но этот его недостаток не мешал ему идти с потрясающей грацией и плавностью.

Похоже, что я слегка запоздала с выходом, ибо получила от Глиберуса легкий толчок в спину, задавший направление. «Только бы не упасть, только бы не упасть...» — эта мысль была единственной связной среди той чехарды и мешанины, что в тот момент царила у меня в голове.

Когда я приблизилась к «нареченному», заметила, как скривились его губы. Ну да, он тоже не от большой любви тут стоит, но зачем это так явно демонстрировать-то?

Я всегда полагала, что свадьба у знати — дело обстоятельное, пышное и торжественное. Все оказалось до неприличия скудно. Прямо как на кассе

супермаркета: минута на обслуживание, задали вопрос про пакет (пардон, «Берешь ли в мужья?»), получили согласие, и... не хватало только слова: «следующие». Единственная разница: вместо улыбчивой кассирши — король. Его вопрос: «Согласна ли ты, Кассандриола Глиберус, сочетаться браком при свидетелях с Арием Дирриетгингом?» и мое тихое «Да». Аналогичный вопрос дракону и его твердое «Согласен».

После этого, не говоря ни слова, мужчина взял мое запястье и чиркнул по нему ногтем. Не знаю, из чего у него был этот самый ноготь, но на коже образовался порез. Ранка начала быстро заполняться кровью. Пока я осознавала случившееся, Арий проделал то же самое со своей рукой, после чего соединил наши порезы, смешивая кровь. На Земле такой ритуал мог привести к заражению (СПИД и гепатит можно подхватить не только самым известным путем, но и через переливание, даже если доза была из категории «микро»), но этот мир был какой-то ненормальный. На моем запястье стал проступать рисунок. Причудливая вязь рун обвила запястье, скрывшись под широким рукавом.

Итогом всего этого безобразия стало заключение:

— Объявляю вас мужем и женой. — Голос короля прозвучал в моей голове набатом.

Герольд объявил имена следующий пары, и я хотела было вернуться на то место, откуда и пришла, собственно, — поближе к ненаглядному «папеньке», который ныне напоминал перспективного клиента реанимации: такой же бледный, готовый того и гляди потерять сознание. Как же, разбежалась, мой новоиспеченный благоверный ловко ухватил за локоток и притянул к себе.

— Вы теперь княгиня Дирриетгинг, извольте соответствовать. — Его голос напомнил шипение потревоженной гадюки. — Ваше место подле супруга.

Я покорно опустила голову, следуя за новоиспеченным муженьком и прикидывая: начать сцену потери чувств сейчас или дождаться конца церемонии и попробовать улизнуть. Взвесив свои актерские навыки и пожалев, что я не Джулия Робертс и даже не выпускница МХАТа, пришла к выводу, что стоит сначала все же попробовать незаметно исчезнуть из поля зрения дракона.

Свадебный конвейер меж тем набрал обороты. И что примечательно, многие драконы повторяли маневр Ария: отлавливали молодых жен, когда те после церемонии стремились обратно к родителям, и уводили с собой. «А у Глиберуса этот Арий, помимо подсадной дочери, увел еще и любимого таракана», — невесело подумала я. Фир же пока сидел в волосах

тише мыши, даже лапками не перебирал.

Все хорошее когда-нибудь заканчивается, плохое, впрочем, тоже. Подошла к концу и оптовая брачная церемония.

Церемониймейстер объявил о том, что его королевское величество приглашает всех гостей пройти в янтарный зал, дабы отпраздновать только что свершившееся.

Шведский стол в антураже дворца меня впечатлил, а вот дракон, стоящий рядом, лишь презрительно поджал губы. Ну да, жизненный опыт князя и студентки химфака немного отличен. Я уже начала прикидывать, как бы половчее извернуться и высвободить свою руку из мужниной, когда Ария окликнул кто-то. Дракон повернулся, отвечая на приветствие, и я, воспользовавшись ленивой суетой разряженной толпы и ослабевшим вниманием супруга, проворно высвободила свою руку. А дальше — дело техники. Может, великосветские барышни и не привыкли ужом пробираться через толпу, но студент, закаленный толчеей метро в час пик и переполненными маршрутками, способен не просто протиснуться между кринолинами, он умудряется и между каплями дождя лавировать. Я скрылась от Ария в считанные секунды и устремилась в галерею, примыкавшую к залу. Свет, по мере отдаления от места основного действия, тускнел, магические светляки попадались все реже, что не могло не радовать.

— Просыпайся, всезнайка! Кто мне обещал помогать? — тихим матерным тоном спросила я вольготного угнездившегося на моей голове квартиранта.

Таракашка оживился. Полагаю, он и морду свою высунул из копны волос, дабы лучше увидеть изменения обстановки.

— Вон там ниша, спрячься в нее и не высывайся. В ней навряд ли будут искать, только доспех отодвинь, а то не протиснешься. И на место поставить не забудь, как окажешься в нише.

Совет был дельным, а ниша — пыльной. Похоже, организатор торжества (или как здесь называют главнюка церемонии: распорядитель, вершитель), как ушлая хозяйка, к которой должны нагрянуть гости, а дома бедлам, решил навести порядок только в залах приема, оставив кучу сора в темных углах. Ну ничего, я девушка не гордая.

Пошли томительные минуты ожидания, одна, вторая, третья. Я сбилась со счета, когда мое отрадное уединение нарушили голоса. Говоривших было несколько, и диалог велся на повышенных тонах.

— Я повторяю еще раз, что отказываюсь в этом участвовать, вы — драконы, так и разбирайтесь сами... — вещал взволнованный мужской

баритон.

Таракашка на голове оживился, начал перебирать лапками, пробираясь поближе ко лбу.

— А Вашего желания, собственно, никто и не спрашивает. Вы уже в этом участвуете... — уверенный ответ.

— Это уже переходит всякие границы, я расскажу королю! — обладатель баритона на последних словах перешел на крик. Звук отразился от стен и полетел по коридору, как неверно сыгранная гамма.

— Вы приняли окончательное решение? — в диалог вступил третий. Он задал вроде бы простой вопрос, но у меня внутри отчего-то словно холод поселился. Захотелось вжаться в нишу еще сильнее.

— Ддда, — баритон уже не был столь уверен.

— Жаль, — вновь этот пугающий голос, отдающий железом и страхом.

А дальше звук, словно зубочистку в яблоко воткнули, и что-то грузное упало на пол.

— Пойдем, здесь нам делать больше нечего. Этот предатель сам себе подписал смертный приговор...

Звук удаляющихся шагов и вновь тишина.

В мозгу закрутились шестеренки: «Надо срочно бежать, если найдут тело, станут обшаривать и все вокруг, и меня непременно обнаружат. А если об этом узнают еще и убийцы, мне крышка, причем сразу же надгробная». Активно начала отодвигать боевое облачение местного тевтонца, пытаюсь покинуть нишу. С полминуты пыхтела (забраться в убежище оказалось значительно легче, чем выбраться из оно́го), но все ж таки покинула мою тайную обитель, правда, таракашка, зацепившись за забрало рыцаря, сверзся с моей шевелюры, упав на пол.

Я уже была готова рвануть в другую сторону, когда раздался слабый даже не голос, стон:

— Пожалуйста, подойди.

Говоривший держался из последних сил, чувствовалось, что ему до свидания с костлявой осталось полмига, но он упрямо цеплялся за жизнь.

Не знаю, что двигало мной в тот момент. Может, женская жалость, может, внутренняя убежденность в том, что последняя воля умирающего свята, может, заговорили гены бабки-фронтовички, которая всю Отечественную из-под пуль вытаскивала раненых. Не знаю, да и, если честно, не хочу знать.

Я подошла к лежащему на спине мужчине. Небольшая рана на груди, но из нее темно-рубиновая кровь буквально хлестала. «Перебита грудная

вена, — отметила машинально, — если бы артерия, уже бы скончался от потери крови, а так убийцы обеспечили ему пару минут агонии». Умиравшего проткнули то ли кинжалом, то ли стилетом, а может, и обычным ножом — не суть важно, главное, что сейчас мужчина истекал кровью, и спасти его я уже не могла.

— Ближе, — вырвалось из посиневших губ.

Я подошла и присела рядом. В полутьме его лицо уже казалось бледной маской. На белом батисте рубашки алело пятно. Для меня полной неожиданностью стала цепкая хватка, которой умирающий схватился за мою руку.

— Возьми и отомсти за меня, — с этими словами мое запястье прожгла нестерпимая боль. Именно что прожгла, словно ее сжимали раскаленные добела тиски.

В спину прилетел запоздалый крик Фиры: «Стой!», но было уже поздно, я начала оседать, теряя сознание от боли.

Очнулась от того, что таракашка суетливо перебирал лапками по лицу. Похоже, в этом мире такое пробуждение для меня становится традиционным.

— Уф, очнулась! — В голосе членистоногого звучало облегчение. Затем без перехода он протараторил: — Кто тебя просил к архимагу в момент смерти лезть? Зачем его силу взяла? Она же тебя просто разорвать могла, о чем ты думала?

— Ни о чем. — Я начала подниматься, осматривая коридор. В принципе ничего не изменилось, кроме того, что вместо умирающего на полу лежал свеженький клиент морга. — А этого архимага я вообще первый раз вижу.

Таракашка суетливо описал круг около меня с трупом, залез ему на грудь, сунул морду в пятно с кровью, еще и усами в нем пошевелил. И все это не переставая болтать.

— Хорошо, что ты быстро очнулась. Надо отсюда уходить, и чем скорее, тем лучше, так что... — Тут усатый дуэнья, пробежав прямо по трупу, ринулся ко мне и в мгновение ока вскарабкался по платью на плечо. В прическу Фир соваться не рискнул. То ли ему было так удобнее, то ли боялся, что опять оттуда может упасть.

Я неслась по коридору привидением, безмолвным и тихим. Юбки, которые подобрала как можно выше, чтобы не мешали бегу, даже не шуршали, проникнувшись важностью момента. Мозг лихорадочно думал, как же выкрутиться, а самое главное, как найти «папеньку» и улизнуть из дворца. Уже начал формироваться план: запустить Фиру в зал, чтобы он

незаметно нашел Глиберуса и сообщил ему о моем местонахождении, потом... Потом не получилось, потому как на очередном повороте меня бесцеремонно схватили за многострадальную руку и рывком притянули к себе.

— Вот где моя ненаглядная женушка.

Я успела лишь подумать о деде, который Капец, причем полный.

Новоявленный супруг тащил меня по коридорам, нимало не заботясь о том, успеваю ли я элементарно перебирать ногами. Его хромота, почти незаметная при столь стремительном передвижении, ничуть не мешала дракону. И все это не произнося ни слова. Единственное, на что он расщедрился, так это фраза:

— Если еще раз попробуете от меня сбежать — вам не поздоровится.

Угроза, усиленная эффектом недавно пережитого, произвела впечатление, и я даже не сопротивлялась. В мозгу лишь засела мысль: «А что, если этот Арий — один из убийц архимага?» Таракан, успевший спрятаться при появлении новоявленного муженька в мою слегка растрепавшуюся прическу, сидел тише воды, ниже травы.

Наконец мы вернулись в тот злополучный янтарный зал. Столы, которые до моего исчезновения ломились яствами, сейчас больше напоминали бородинское поле после сражения: пустые тарелки и подносы, пунш, сиротливой лужей прикрывающий дно широкой чаши, веселые гости. Я уже грешным делом подумала, что мы останемся здесь, но мой супружник был иного мнения на сей счет и потянул меня дальше, в тронный зал. Как оказалось, и в нем было достаточно народу. Вот только очень уж мне не понравилась группа, что была по центру. Драконы. И каждый под руку с молодой супругой. У всех молодоженов лица были далеко не радостные. Оно и понятно, если выходишь замуж не по любви, а по указке, да еще и непонятно за кого — отсутствие радостной эйфории закономерный итог. И если девицы в силу природной склонности и воспитания мирились с таким положением вещей, то драконы... У некоторых из них аршинными буквами на лбу было высечено все, что они думают об этих браках. Но именно что думают, но не говорят. Арий был мрачен и молчалив. А в моей голове невольно возник еще один вопрос (их уже набрался целый список, и все без ответов): «А почему со стороны драконов только мужчины, а с нашей — девушки? Надо будет хоть Фира расспросить». Таракан, словно почуявший, что я о нем думаю, подал признаки жизни, начав копошиться в прическе. Похоже, что ему удалась визуальная рекогносцировка, ибо у самого уха я услышала:

— Сбежать не удалось... жаль. Сейчас они попрощаются с королем и

пойдут к залу телепортаций.

— Вот черт! — вырвалось у меня.

— Вы что-то сказали? — это уже Арий проявил внимание.

— Нет, ничего. — Я усиленно захлопала ресничками, словно пыталась взлететь. Знаю, что выглядела при этом дура-дурой, зато к таким меньше вопросов. Главное, потом не забыть выйти из созданного образа.

Меж тем вереница из ожившихся посланцев потянулась к трону: прощаться с Нериусом Седьмым, не иначе. Поклоны и реверансы, сдержанные кивки правителя, и пары устремляются к выходу из зала. Тут не сбежишь, да и попытка упасть в обморок, полагаю, успеха не возымеет. Дракону ничего не стоит, поудобнее перехватив меня, бесчувственную, доволочь до трона, «поклонить» и отбуксировать в зал телепортаций. Судя по его решительному профилю, выкини я финт в стиле «мне дурно», именно так все и будет.

Даже таракан, подтверждая мои мысли, тихо произнес:

— Даже не думай дергаться — бесполезно. Будем думать, как выкручиваться, по обстоятельствам, а пока просто изобрази приличную девушку.

«Почему именно „изобрази“? А сама я, значит, не приличная?» — так и захотелось ответить таракану, но поздно. Мы добрались уже до трона. Присела в реверансе (на этот раз он получился гораздо лучше — вот что значит практика), а затем, после одобрительного королевского кивка, выпрямилась. Вот и вся аудиенция. Засим, по примеру других «счастливых» молодых жен, положив руку супругу на согнутый локоть, я поплыла к выходу.

Стоя в зале телепортаций, покидала дворец, утешая себя лишь одной мыслью: «Несмотря ни на что, я жива — а это главное».

* * *

То ли Арий был галантным драконом, то ли просто опасался, что я дам задний ход, если он пройдет через рамку телепортаций первым, но, так или иначе, его короткое: «Прошу» проигнорировать было сложно. Я зажмурилась, как перед прыжком, и сделала шаг в неизведанное. В этот раз не жгло, лишь приятно щекотало, что не могло не радовать.

Комната, где я оказалась после перемещения, была небольшой, сумрачной и типично холостяцкой. Не знаю уж, как выглядят покои английской знати, но здесь присутствовали небрежно брошенный на

выгнутую спинку стула камзол, бумаги, в беспорядке лежащие на секретере, портрет миловидной юной особы, стоящий на столе. Ни ваз с цветами, ни вычурной лепнины и витиеватых канделябров, да даже кружевных салфеток — ничего, что бы говорило о женской руке. Простота и аскетизм — вот наиболее точные эпитеты для этой комнаты. Я, погруженная в созерцание комнаты, замешкалась, и в спину мне буквально влетел новоявленный супруг. Я бы упала, не подхвати он меня за плечи.

— Вас никто не учил, что, как только вы пройдете через рамку телепортаций, следует отойти в сторону?

— Нет, — на автомате выдала я.

— Не знал, что в Татрии девушкам не объясняют даже элементарных вещей, — устало произнес он и добавил: — Пойдемте.

Но прежде чем покинуть комнату, Арий щелкнул пальцами, и телепорт свернулся. Свет закрутился в нем подобно воронке водоворота, образовавшейся по центру рамы, и начал истаивать по краям. «Словно кудели пряжа» — влезло в голову невесть откуда взявшееся сравнение. Воронка, собрав в себя весь свет, просто-напросто исчезла небольшой вспышкой. Вот и все. Даже призрачного пути назад нет.

Муженек меж тем, стоя на пороге, кашлянул, напоминая, что следует поторопиться. Что же, не нужно злить новоявленного супружника почему зря, и я посеменила к выходу, ощущая себя копной сена, в которой копошился мышинный выводок. Юбки немилосердно шуршали, а поднять подол я боялась, памятуя о комментарии «папеньки».

Мы шли по коридорам, темным и неприветливым. Когда мои глаза смогли привыкнуть к сумраку, я стала украдкой осматривать убранство, к слову, небогатое: гобелены, побитые в неравном бою молью, вазы с таким слоем пыли, что там вполне можно высаживать рассаду. Похоже, здесь правило бал запустение.

Мой провожатый шел не оглядываясь, в полной уверенности, что я безропотно следую за ним. Подумалось: «Не буду его разочаровывать, поиграю пока в приличную девушку, глупую и милую». Хотя с «милрой», как показало время, — погорячилась.

Тут же некстати вспомнилось, что мы как-никак молодые супруги, а на дворе — вечер, который, судя по закатному солнцу, увиденному из окна покинутой комнаты, вступает в свои права. Небо раскрашивалось во все цвета от лазури до индиго. Следовательно, скоро наступит и ночь, та самая, первая брачная. Сразу стало как-то нехорошо. Вспомнился Лихославский и полет из окна.

Опыт прерывания настойчивых постельных намеков и действий,

таким образом, вроде как имелся, но повторять его желания не было. Навряд ли найдется еще один сумасшедший алхимик, который решит спасти мне жизнь. А посему сделала мысленную пометку: «Держаться от всяческих окон и витражей подальше».

Голова начала соображать, как избежать выплаты по супружескому долгу. Два классических варианта: слезы вместе с мольбами или поведение в стиле «совсем блондинка», когда тычешь пальчиком в твердое мужское достоинство, невинно вопрошая: «Ой, какой смешной, а он что, еще и шевелится?» Остановилась на втором, потому как, подозреваю, к слезам этот гордый тип морально приготовился, а вот к глупости — скорее всего нет. Она, бестолковость, как сосед с перфоратором утром в выходной, — всегда неожиданная.

Пока я размышляла, мы добрались до гостиной. Здесь было больше света и меньше запустения, что было заслугой дородной женщины в белом чепце и фартуке. Служанка протирала пыль, наводя порядок, при нашем появлении она повернулась и сделала книксен.

— Простите, господин, мы не думали, что вы вернетесь столь рано...

Дракон устало махнул рукой, разрешая женщине выпрямиться.

— Ничего, Алоизия, распорядись, чтобы подготовили спальню. Сегодня был тяжелый день.

«А ночь будет еще тяжелее», — мысленно завершила его короткую речь. Не знаю, как Арий, но я без боя сдаваться не планировала. Дракон между тем продолжал давать распоряжения:

— Пусть принесут что-нибудь поесть, и да, завтра к утру все должно быть готово. С рассветом я уезжаю.

Служанка, поклонившись, отправилась выполнять приказания господина, и мы с Арием остались вдвоем. Потекли томительные минуты ожидания. Хозяин, повернувшись ко мне боком, созерцал пламя камина. Я же стояла посреди комнаты, не решаясь присесть в кресло. За время нашего молчания родился, наверное, не один гаишник, а целая рота. Первым нарушил тишину дракон.

— Я думаю, нам надо объясниться, чтобы вы, юная леди, уяснили границы дозволенного.

Мне оставалось лишь кивнуть на такое заявление. Что же, послушаем, но сделаем, как в поговорке, все наоборот.

— Понимаю, что в браке нашем нет ничего, кроме политики, а юным особам свойственен романтический склад натуры, но я прошу не совершать необдуманных поступков. Помните о своем долге перед государством, перед вашим отцом, о сути своего женского предназначения, —

чувствовалось, что Арий тщательно подбирает слова.

Я, противореча первоначальному плану, не выдержала — к политесам была не приучена, да и «дрессировки этикетом» в подкорочке не имелось.

— Говорите прямо, к чему лишние витиеватости, и давайте перейдем на «ты» без брудершафта, мы как-никак супруги, — на этих словах я усмехнулась.

— Хм, в вас есть и достоинства: всегда ценил прямоту. Возможно, мы и сумеем найти общий язык. — Арий повернулся ко мне лицом.

В мозгу пронеслось: «И что мне стоило промолчать? Язык мой — друг мой, но только когда он за зубами».

— Если вы... — тут дракон сделал паузу, словно переступая через что-то, — ты хочешь голой правды, то она такова: мне навязали этот брак в наказание. Я впал в немилость владыки. Такое порою случается, если отказываешься следовать глупому приказу, исполнение которого унесет сотню жизней твоих подчиненных. У драконов есть одна особенность: наследника мужского пола можно зачать лишь от любимой, твоей единственной истинной пары, в противном случае провидение может расщедриться лишь на девочку. И то если повезет. Поэтому наследника я от, — он вновь замялся, но тут же выправился: — тебя требовать не вправе. Но если подаришь мне хотя бы дочь — считай, что ты свободна. Свободна в выборе любовника, но так, чтобы в свете об этом ничего не знали. И я тоже не знал. Желательно. В остальном же ты будешь полностью обеспечена. Мое состояние позволит тебе вести тот образ жизни, к которому ты привыкла при дворе Нериуса Седьмого: платья, украшения, балы. Но учти, развлекаться ты можешь, не переходя границ дозволенного.

Он замолчал. Я тоже обдумывала услышанное.

— И да, последнее. Я не позволю навлечь позор на свое имя. Так что сбежать не пытайтесь. К тебе будет приставлен соглядатай.

«Не было печали, насосом накачали», — констатировала я. Конечно, по-человечески я Ария понимала. И то, что со своей стороны он предлагал, было бы вполне приемлемо для дочери алхимика, но, увы, я ею не была. Да еще мой старомодный принцип, что в постель нужно ложиться если не по любви, то хотя бы по обоюдному желанию. Вот последнего-то не было ни капли. Как и становиться детородной машиной, пусть и создающей лишь единичный экземпляр продукции.

В дверь негромко постучали, и после утвердительного «да» дракона в комнату вошла уже знакомая Алоизия с подносом. Закуски, вино, фрукты, аппетитный запах свежееиспечённой сдобы и корицы. Вспомнила, что последний раз мой желудок был осчастливлен едой лишь утром. Да и то

кофе с кубиком шоколада за полноценный завтрак не считается. Живот, помимо воли хозяйки, выдал заунывную руладу. Стало жутко неудобно.

— А могла хотя бы перекусить в янтарном зале вместо того, чтобы убегать, — прокомментировал Арий.

Да уж, может, в душе он и благородный, но на практике... джентльмен бы промолчал, глупец бы попросту не обратил внимания на мою «голодную серенаду».

Рядом с камином стояли два кресла из мореного дуба, основательные, лишенные помпезности ампира и вычурности барокко. Простые, надежные, но не лишенные своеобразного изящества и красоты. А меж ними — столик, на который Алоизия и поставила поднос.

— Спальни готовы, князь, — служанка выпрямилась в ожидании дальнейших приказаний.

— Хорошо, вы свободны.

Женщина с достоинством поклонилась и бесшумно удалилась.

— Можешь присаживаться. — Широкий жест рукой на одно из кресел.

— Благодарю. — О том, как подобает вести себя в подобной ситуации, жизненный опыт молчал. Таракан, засевший в голове, впрочем, тоже.

Арий взял в руки бутылку и разлил вино по бокалам.

— Надеюсь, мы сумеем найти компромисс в нашем браке, — тост, граничащий с хамством, но как нельзя лучше отражающий реалии.

Звон бокалов. Я пригубила вино, оказавшееся неожиданно тягучим, со знойным и терпким букетом и приятным цветочным послевкусием. Такого пробовать никогда не доводилось.

— Итак, о себя я рассказал, поведай и ты что-нибудь.

— Что именно? — Это была самая опасная тема, но свернуть с нее сейчас — значит вызвать подозрения.

— Не знаю... о твоих подругах, увлечениях, воспоминаниях...

Я оценила тактику: умеренный интерес (ага, игра в заботливого мужа), за которым, как за чахлым частоколом, скрыт танк. В роли Т-34 — классическое изучение сильных и слабых сторон противника, в моем случае «чего от этой девки ждать». То, что я умудрилась сбежать во время приема, у большинства мужчин должно было вылиться не в такую вот светскую беседу, а в «разбор полетов» словесный или не только оный, это уже вопрос воспитания. Хотя, может, здесь менталитет другой.

— Говори обобщенно, лучше опиши подругу какую-нибудь, их он навряд ли знает, а вот увлечения у тебя с Кесс наверняка различаются. Она, например, обожает вышивать... — К муженьку я сидела боком, поэтому таракан, свесившись с одного из локонов прически, шептал мне в ухо с

противоположной от дракона стороны.

«О подругах так о подругах», — решила я про себя, взяв за прообраз всю нашу группу с химфака. Описания двадцати трех девушек за раз этот Арий наверняка не запомнит. И понеслась душа в рай. Единственное, меняла наши русские (в большинстве своем) имена. Так Тамарка Кузнецова стала Тамерией, Регинка Скорлупкина — Регинурелизой. Внешний портрет, привычки (вплоть до манеры постукивать ногтями по столешнице) я описывала с тщательностью бабки-пенсионерки, которую опрашивал следователь. На седьмой барышне Арий сдался, а я поймала себя на мысли, что еще немного, и сама бы выдохлась.

— Я понял, что подруг у тебя было много. Надеюсь, и здесь ты сможешь завести знакомства подобного рода.

— Всенепременно, — вовремя вспомнила я словечко из лексикона дворян девятнадцатого века. Хотя в чем-то пригодились знания, полученные на уроках литературы.

Арий же продолжил допрос, замаскированный под супружеский интерес:

— И все же, чем ты увлекаешься?

«Вот ведь настырный, — подумалось на новую его реплику. — Но это все же лучше, чем брачные скачки по пуховой лужайке».

— Вышивка, музицирование, прогулки, — тихо подсказывал таракан.

Из всего названного я без проблем могла лишь гулять. Помню, как-то пробовала вышить белочку. Результат моих усилий с иглой и мулине на канве мог бы назвать «белочкой» лишь абсолютно слепой. Хотя, может, именно такая и приходит по утрам с похмелья. Играть же я умела только на нервах, да и то не профессионально, а по-дилетантски, когда сильно доведут.

— Люблю гулять. Особенно когда погода этому сопутствует.

Сказала и поняла, что, увлекшись витиеватым построением речи, ляпнула (транскрипция: «да шляюсь я и в дождь, и в снег, и в бурю»). Хотя прогулки я и вправду уважала.

— Не хотел бы показаться навязчивым, задавая вопросы, но я хочу хоть что-нибудь узнать о тебе, прежде чем мы поднимемся разделить супружеское ложе. Признаюсь, что не привык ложиться в постель, зная лишь имя. Тем более, ты мать моей будущей дочери.

«Тонко», — оценила я: не настраивать ту, что будет носить под сердцем твою наследницу, с первых мгновений против себя. Еще раз окинула моего супруга внимательным взглядом.

Длинные волосы, заплетенные в косу, широкие плечи, высокий лоб,

упрямый подбородок. Типаж мужчины, который не привык прогибаться. Таким бывает в жизни тяжело.

— А есть ли у вас способности к магии? — Арий все же гнул свою линию.

— Что вы, природа меня ими не одарила. — Я скромно потупила взор, умолчав, что не далее чем два часа назад эту самую возможность, судя по воплям таракашки, приобрела.

Мне показалось, что дракон, посмотрев зачем-то на перстень, вздохнул с облегчением. Похоже, таракашка как-то углядел этот жест, ибо на ухо мне зашипел, комментируя:

— Вот ведь, ящерица хвостатая, без амулета правды никуда. Смотри, будь осторожна. При откровенной лжи камень в перстне поменяет цвет.

«Хорошо, что про одnogруппниц я не врала, просто чуть недоговаривала», — пронеслось у меня в голове.

Тем временем Арий поднялся, протягивая мне руку. Фир ужом юркнул в недра прически. Судя по всему, наступал час икс.

В спальню я входила, чувствуя себя Штирлицем, которого знаменитый Мюллер — Леонид Броневой — просит остаться. Пройдя вперед, оказалась в центре комнаты, перед огромной кроватью, балдахин которой был откинут. Арий, еще мгновение назад закрывавший дверь, вдруг очутился за моей спиной.

— Не бойся, я постараюсь быть аккуратным, чтобы тебе было не так больно... — прошептал он мне на ухо.

Полумрак комнаты, разбиваемый лишь пламенем пары свечей и сиянием луны, стоящей в зените.

Дракон осторожно опустил голову мне на плечо и глубоко вздохнул. Я ощутила тяжесть этого мужчины, крупную голову на своем плече, его нежные поцелуи в шею, когда губы едва касаются кожи, дыхание, от которого все словно замирает внутри. Руки мужчины начали неспешно исследовать мою талию, поднимаясь выше, туда, где край корсета, сжимавшего грудь, граничил с кожей.

Вторая рука дракона ловко справлялась с крючками платья и шнуровкой корсета. Когда бархат поверженным рыцарем упал к ногам, я почувствовала спиной его грудь. Арий, притянув меня рукой за талию, прижал еще теснее, а потом развернул лицом к себе. Его рука ласкала мое лицо, моя грудь коснулась его, и я почувствовала, как быстро под тонким батистом рубашки стучит сердце дракона.

Он подхватил меня и понес к постели. Сильные руки, плечи, все словно в паутине белесых ниточек шрамов. Я почувствовала себя

пленницей, которую отпускают на свободу, когда Арий положил меня на простынь. Сам мужчина в мгновение ока стянул с себя рубашку и бриджи. Еще миг — и он остался в костюме Адама.

Когда он лег рядом, я почувствовала, как жар разливается по комнате, проникая в щели паркета, под кровать, пропитывает ткань балдахина и портьер, как он обжигает легкие при каждом вдохе. Арий притянул меня к себе, и мы оказались еще ближе. Безликий лунный свет запутался в резном изножии кровати, как и мои мысли в голове. Единственное, что я отчетливо понимала: первоначальный план летит к чертям.

Арий, убрав руку, повернулся на бок и приподнялся на левом локте. Его правая ладонь застыла на моем бедре, а потом поднялась выше, скользя по животу и груди, и наконец, добравшись до моего левого плеча, слегка надавила. Он приподнялся, нависая надо мной, опираясь руками, чтобы не раздавить. А потом, сжимая коленями мои колени, стал опускаться всей своей тяжестью, медленно, словно давая привыкнуть.

Я задрожала, но отнюдь не от возбуждения. Перед глазами стоял Лихославский, который еще сегодня утром выдыхал мне в лицо слова: «Хотели, еще как хотели...» Голос аспиранта стучал в ушах набатом. Меня начало трясти. Истерика, копившаяся все это время, нашла выход. Уже срываясь в банальные слезы, я поняла: побыть в спальне смешливой дурочкой, как первоначально задумала, мне не удастся.

Арий, почувствовав, что со мной что-то не так, зашептал:

— Не бойся, то, что мы делаем, — естественно для супругов.

Но, видя, как меня колотит, он откатился в сторону, ругаясь сквозь зубы.

Затем сел, повернувшись ко мне неестественно прямой спиной, и замолчал. Ждал, пока моя истерика пойдет на спад. После того, как всхлипы стали реже, он, не поворачиваясь, произнес:

— Я никогда не был насильником и презирал тех мужчин, которые берут женщин против их воли, но, зияющая бездна небес, наш брак должен быть консумирован! — Под конец своей короткой речи Арий все же повернулся.

В ответ на его слова я лишь натянула одеяло до самого подбородка.

Наверное, что-то было написано на моем лице, раз дракон, плюнув на все, подошел к куче своей одежды, небрежно брошенной на козетку, и начал спешно одеваться.

— Так не могу, подонком последним себя чувствую, — проговорил он себе под нос, не рассчитывая, что я услышу.

Когда за мужчиной закрылась дверь, некоторое время лежала без

движения, а потом расхохоталась. Смехом, что присущ лишь тем, кто балансирует на грани безумия. Это была истерика, от которой помогает только пощечина.

Фира, вылезшего из прически и вольготно расположившегося по центру кровати, заметила лишь тогда, когда сил уже ни на что не осталось.

— Теперь с тобой все в порядке?

— Не то чтобы, но более-менее.

— А я-то уж не надеялся, что он уйдет, не выполнив до конца своего долга. Приготовился, так сказать, участвовать в коллективных постельных утехах, — циничный тон таракашки привел в чувство лучше нашатыря.

За дверью слышались шаги. Осторожные, но все же различимые в тишине.

— Быстро накройся одеялом и сделай вид, что спишь. — Приказной тон таракашки вкупе с его быстрым исчезновением в недрах кровати заставили и меня поторапливаться.

Я накинула одеяло, принимая максимально естественную позу, и, прикрыв глаза, задышала ровно и неглубоко. Увы, мне было далеко до светских львиц, что виртуозно умеют смотреть через опущенные ресницы, подмечая все и вся.

Дверь комнаты приоткрылась, и в проеме показалась белая макушка. Спустя пару мгновений Арий неслышно вошел в комнату. Он постоял на пороге несколько минут, глядя на меня, изображающую глубокий сон, а потом так же бесшумно вышел.

Я лежала, уставившись в потолок, и думала о том, что сегодня со мной приключилось. Перспективы были, мягко говоря, никакие.

Вдруг звук, раздавшийся за окном и напомнивший хлопок ветра, что встретился с натянутой парусиной, заставил меня вздрогнуть. Он повторился еще и еще раз, но тише, словно источник его удалялся. Я сползла с кровати, на цыпочках подошла к окну и осторожно выглянула, спрятавшись за тяжелую ткань портьеры. Зрелище, открывшееся мне, пугало и завораживало одновременно.

Дракон парил в небе, облака которого еще были окрашены в оттенки индиго. Его льдисто-белая чешуя горела всполохами красного — это первые лучи рассветного солнца, еще не показавшегося из-за горизонта, танцевали на природной броне сына неба. Он рассекал высь, то ловя крыльями воздушные потоки, то с усилием взмывая вверх, то в стремительном пике обрушиваясь вниз, выходя из штопора лишь у самой поверхности, когда еще немного — и разобьешься. Я смотрела на этот танец двух стихий: стихии неба и стихии духа, и он меня завоροжил. Ноги

давно не чувствовали обжигающего холода паркета, усталость последних суток куда-то исчезала...

Солнце медленно начинало свое движение, показав край белесо-желтого диска из-за горизонта. Его лучи осветили и далекие пики гор, украшенных шапками ледников и юбками зелени у подножий, и поверхность плато, по центру которого возвышалась... Крепость, город — это все мерки людей, чьи дома стоят кучно, притираются друг к другу боками. Здесь же величественные замковые шпили, словно стремящиеся проткнуть купол неба, перемежались со строениями пониже, образуя причудливую вязь кружева.

Очарование момента нарушил комментарий Фира:

— И не подозревал, что драконы такие любители белого камня, всегда думал, что их столица, Актыр, сера и неприветлива. А поди ж ты, словно молочная пенка.

— А мне нравится, — не знаю почему, вступилась за город, увиденный впервые.

Пока отвлекалась на беседу с таракашкой, Арий (я была уверена, что это именно он, расправив крылья, улетел на восход) исчез.

— Жаль, что красота бывает лишь мигот. — Я еще раз глянула в окно, где утро уже вступало в свои права, закрывая туманом ущелья и склоны.

— Давай, созерцательница, поспи немного, а я пока покараулю, — Фир была сама деловитость. — Нас ждет тяжелый день, стоит хотя бы немного набраться сил.

Совет был разумным, и я легла в постель. На этот раз действительно чтобы уснуть. Морфей, похоже, подрабатывал кузнецом на полставки, ибо оглушил меня мгновенно, едва только голова коснулась подушки.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

14.02.2016 по римскому календарю

17 травня 9785 года по веремскому летоисчислению

Мне снился сон, нереальный и в то же время настолько яркий и правдивый, каким может быть только он. Я летела, сидя на спине дракона, а подо мной проплывал лес, стыдливо прикрывший подножия гор. Невысокие сосны вгрызались корнями в каменную породу в неистребимом желании жить. Луч закатного солнца играл в изгибе русла реки, отражаясь ярким бликом, а у основания водораздельного хребта, выбеленного ледником, как старец сединой, пробуждалась ночь. На мягких лапах она вошла в долину, приглушив краски и расправив покрывала теней. Но здесь, на высоте, еще все властвовало багряное светило. Я купалась в его лучах, обнимая белую шею дракона.

В этот странный сон голос Фира пробивался с настойчивостью соседа снизу, которого заливают.

— Просыпайся, вставай давай. — От ворчливого голоса таракашки не спасали даже подушки, которыми я малодушно заткнула уши.

— Еще чуть-чуть, — машинально пробурчала я, — и встану.

— Никаких чуть-чуть, — членистоногий деспот был неумолим. — Думаешь, раз вчера обошлось, так и дальше будет. Надо попытаться улизнуть, пока слуги в доме не проснулись, или хотя бы разведать обстановку.

Таракашка аж приплясывал от нетерпения.

Резон в его словах был, вот только в чем идти в разведку? Извечный женский вопрос «что надеть?» оказался для меня сейчас как нельзя актуален. Окинув взглядом кучу вещей, еще вчера составлявших мое парадное облачение, а ныне валяющихся грудой тряпья — словно курган павшему прошлому, — я категорически отмела этот вариант. Бархат и корсет для камуфляжа мало пригодны.

Пеньюар и ночная сорочка, заботливо оставленные служанкой на пуфике у кровати, подошли для этой роли куда лучше. Одевшись, я зябко переступила с ноги на ногу. Пол был ледяной.

— Иди так, шерстяных носков для комфорта тебе тут не оставили, — прокомментировал Фир, меж тем ловко взбираясь мне на плечо и ныряя за ворот пеньюара.

Я поежилась: никогда не имела привычки таскать даже кошек на руках, в принципе не питая особой любви к животным, не говоря уже о здоровущем таракане на теле.

— Ну, пошли, — командирским тоном распорядился таракашка.

Я осторожно приоткрыла дверь, боясь, что петли оной, как настоящие саботажники, могут выдать меня скрипом. По коридору старалась идти как можно тише, вжимаясь в стену при каждом шорохе, но чем ближе подходила к его концу, тем отчетливее слышала голоса. Мужские. Говорили двое.

— Портал для переброски на границу откроется совсем скоро. Мериус, ты неважно выглядишь, дружище, — этот голос я узнала. Он принадлежал Арию.

— Не хуже тебя. Что, тоже ночка была не ахти?

— Не то слово. Последним подонком себя почувствовал.

— Слезы? — понимающе уточнил Мериус.

— Лучше бы слезы, — протянул мой супруг.

Похоже, мужчины занимались тем, в чем обвиняют всех дочерей Евы: бессовестно сплетничали, причем о брачной ночи. Делились впечатлениями, чтоб их обоих.

— А мою женушку, похоже, с детства заставляли штудировать «Пособие для настоящей леди».

Судя по затянувшейся паузе, Арий намека не понял. Мериусу пришлось пояснить:

— В смысле «леди не движется». Хорошо, хоть признаки жизни подавала: дышала через раз. А то бы я себя вообще почувствовал плотником, пытающимся продолбить в чурбаке долотом желоб. И еще после всего эта Инита голосом, которым пастырь псалмы читает, заявила: «Надеюсь, у вас с первого раза получится зачать наследника и вы меня больше не потревожите»...

Говоривший разгорячился на последней фразе настолько, что мне показалось — еще немного, и я услышу свисток закипающего чайника.

Спустя какое-то время, которое беседовавшие провели в молчании (я, конечно, даже «признаков жизни» не подавала, сидя в засаде и затаив дыхание), Мериус остыл и продолжил:

— И все же, как прошло?

— Да никак. Я понял, что лучше вообще к ней подходить не буду, чем видеть в глазах жены животный ужас и чувствовать себя последним насильником от этого. Сколько там люди живут? Лет пятьдесят-шестьдесят, если не обладают хоть искрой магии? А у нее способностей нет,

спрашивал. Мой век раз в шесть длиннее, успею найти себе пару. Надеюсь, удастся еще сплести хвосты в полете.

Я опасливо выглянула из-за угла.

— Длиннее-то длиннее, — поучительно начал собеседник, — да только не забывай, что пятнадцать десятков из отпущенного ты уже разменял. И не в обиду, но напомним: в отличие от обычного дракона тебе будет гораздо тяжелее определить, кто является твоей истинной парой.

Мериус перевел дыхание, словно набираясь сил.

— Да, и еще захочет ли драконица, которую уготовит судьба, подарить тебе, к тому времени далеко не молодому, наследника? Может, все же попытаешься зачать девочку с этой твоей... женой, — последнее слово говоривший протянул с оттенком пренебрежения.

Его тон и манера, с какой этот Мериус отзывался о человеческих девушках, заставили меня заочно проникнуться к нему антипатией. Я мысленно сделала себе зарубку: сведет судьба, обязательно подстрою этому чванливому типу пакость. Пусть это по-детски, совсем как у старухи Шапокляк, но мнение этой озорной бабульки я разделяла: «Порою радость сделать людям гадость». Иные этого заслуживают.

Меж тем Арий, поднявшись из кресла, произнес:

— Кажется, пора. Ночь уже давно отошла, к тому же утро нынче балует нас погодой. Думаю, портал уже настроен.

— Как скажешь, командор, — легковесный тон гостя свидетельствовал, что в этом шуточном обращении лишь доля шуток.

Мужчины направились вон из комнаты, а я лихорадочно соображала: куда же можно спрятаться. В высокую вазу с непомерно узким горлышком могла пролезть разве что змея. Не подходил на роль редута и гобелен, побитый молью, как француз Кутузовым под Бородино. Увы, я была не плоскатином, как лист бумаги, а имела определенный объем, поэтому и незаметно расположиться между кладкой стены и тканым творением незаметно не смогла бы.

Лихорадочно начала дергать двери, в надежде, что хотя бы одна из них открыта.

Удача — дама с весьма специфическим чувством юмора — на этот раз расщедрилась на кривую улыбку: одна из дверей поддалась моему энтузиазму. Я влетела в комнату. Все бы ничего, но это оказалась спальня, и кровать в ней еще была не заправлена. Судя по всему, хозяин недавно покинул ложе, на котором морфей любит назначать аудиенции.

Шаги стремительно приближались, и я, подобно опытному любовнику, не мешкая, нырнула под кровать. Успела.

Дверь открылась, и перед моим взором оказались две пары ног.

— Сейчас, я только захвачу еще два амулета. — Арий, чуть прихрамывая, исчез из зоны видимости.

Уже знакомый голос Мериуса (сдается мне, что скоро его я буду идентифицировать даже с закрытыми глазами, если только этот дракон соизволит открыть рот) тем временем продолжил:

— Хотел тебя спросить: мы тут, считай, на месяц покидаем дом, ты оставил кого-нибудь приглядывать за женушкой?

— Да, и даже ее предупредил об этом.

— Это ты зря... — протянул дракон, к которому у меня уже начал накапливаться целый список «сюрпризов». — Я не предупреждал. А кого, если не секрет?

— Не секрет. Эриниэля. Он в этом деле лучший...

— Не боишься? Эльф-то смазливый... — протянул Мериус.

— Он в первую очередь профессионал, — парировал Арий.

Его последние слова совпали со звуком выдвигаемого ящика — не иначе, муженек свои амулеты доставал. Ноги, что остались в поле моего зрения, качнулись с носка на пятку, говоря о нетерпении Мериуса.

— Я готов. — А это уже голос Ария.

— Вот и отлично.

Двое мужчин покинули комнату, и я услышала, как в замочной скважине проворачивается ключ.

— Параноик, — прошептала я, выбираясь из своего убежища.

Фир, крутившийся под ногами, описал вокруг меня круг и выдал, не иначе как из мужской солидарности:

— Не параноик, а предусмотрительный. Я бы тоже запер спальню с личными вещами от малознакомой девицы, уезжая надолго.

Услужливое воображение тут же нарисовало картинку: таракашка с миниатюрным чемоданом в верхних лапах средними старательно запечатывает вход в нору, а рядом самка майского жука рыдает навзрыд, причитая: «Как же мне теперь в дом-то попасть...» Я даже помотала головой, прогоняя видение.

— С наклонностями этого Ария можно разобраться и попозже. Скажи мне, дорогой Фир, другое: как выбираться будем?

Членистоногий приуныл, даже усы его печально обвисли. Но, похоже, долго печалиться было не в тараканьей натуре, поскольку спустя пару мгновений он выдал:

— Ты же прическу еще не расплетала, попробуй шпилькой в скважине пошерудить.

С сомнением взглянула на советчика, но промолчала. Мне иногда и нормальным-то ключом дверь бывает тяжело открыть, да и таблетка домофона не всегда срабатывает, а тут — шпилькой.

Меж тем неутомимый усатый продолжал вещать в духе футбольного комментатора, то ли подбадривая, то ли окончательно убивая всякую надежду:

— Но нам нужно торопиться. Если успеем до того, как портал деактивируется, то сможем воспользоваться его энергией, чтобы сбежать.

Делать нечего. Запустила руки в прическу. Сколько же мне туда всего напихали? Шпильки, удерживающие шиньон, невидимки, ленты... даже пару пожухлых бутонов выудила из хитросплетений локонов. М-да, не голова, а прямо-таки тараканий рай, только крошек не хватает для полного комплекта.

Выудила из всего этого набора пару шпилек и, вооружившись ими, пошла на приступ даже с виду бесперспективного для воров запора. Уж больно он выглядел солидным и основательным.

Таракашка, уже привычно взобравшись на плечо, наблюдал, как я с опаской прильнула к замочной скважине.

— Давай-давай. Я слышал, что чем больше замок, тем легче его вскрыть.

Ободренная этим заявлением, я всунула шпильку в скважину.

Того, что произошло дальше, не ожидали ни я, ни Фир. Нас отбросило от двери на добрых два метра, не меньше. Хорошо, хоть оглушительного треска или фейерверка не последовало. Я схватилась руками за голову, словно пытаюсь поймать мысли, которые, по ощущениям, готовы были покинуть мозг неразумной хозяйки даже через уши.

— Чем больше, тем легче, говоришь, — зловеще протянула я, глядя на таракашку.

Фир что-то почувствовал, ибо шустро отбежал от меня подальше, для надежности еще забравшись под секретер. Оттуда и донесся его взволнованный голос:

— Так я же говорил, что только слышал. Знания теоретические, практикой не подкрепленные были, так сказать...

И вот как на него после этого злиться? Я плюнула и спросила уже о другом:

— Тогда еще раз повторяю: есть мысли по поводу того, как покинуть эту обитель? Или предлагаешь подождать хозяина апартаментов с месяцок?

А что, скелет (ну хорошо, за это время мягкие ткани разложиться до конца не успеют, но помечтать-то можно) жены возлежит на супружеском

ложе, как символ верности брачным обетам...

Таракашка тем временем уточнил, впрочем, не показывая даже усов из своего убежища:

— А ты высоты не боишься?

Акрофобии я за собой не замечала, поэтому ответила:

— Нет, а что?

— Есть еще один вариант — оконный. — Таракашка все же осмелел и выполз из укрытия.

— Открой створки и посмотри, есть ли парашют или что-то вроде, на худой конец можно импровизированную веревку сделать... — последнее он предложил уже с сомнением.

Я встала на кресло и высунулась в окно. Никаких парашютов не было. Лишь гладкая стена. Далеко внизу серела брусчатка, унылая и однообразная. Но раскрашивать ее алеющим одиночным пятном как-то не хотелось.

Фир, шустро взобравшись по портьеру на подоконник, тоже глянул в окно.

— Выхода нет, придется спускаться так, — констатировал он.

Как «так», пояснять было излишне. Я мысленно попросила прощения у Ария, но он сам был в чем-то виноват: не стоит сомневаться в честности и порядочности супруги, запирая спальню. О том, что эта самая супруга в данный момент бессовестно за ним шпионит, я предпочла умолчать.

В качестве каната были связанные концами простыни, покрывало и даже обе портьеры, но по прикидкам длины все еще не хватало. Сдув со лба мешающую обзору прядь, я с вожделием уставилась на шкаф. Открыв его дверцы, мы с Фиром пришли к единогласному мнению, что батист и шелк хороши для рубашек, а вот для побега навряд ли сгодятся. Зато камзолы были из весьма прочного сукна, как и панталоны. Они-то и пошли в дело.

В итоге импровизированная веревка получилась длинной и вроде как даже прочной на разрыв: специально подергала узлы — мой вес должны были выдержать. Единственное, вид у этого хенд-мейда был уж очень экзотический. Словно я стянула белье, вывешенное заботливой хозяйкой на просушку, и, чтобы не потерять, связала все пожитки в цепочку. Ну и пусть, за эстетикой не гналась, главное — выбраться отсюда как можно скорее.

Привязав один конец «веревки» за изголовье кровати, другой скинула в окно и залезла на подоконник. Таракашка привычно устроил засаду в волосах. Еще раз глянула вниз, и меня охватил ужас: ведь я все-таки девушка. Вцепившись в откосы, сделала шаг назад, в сторону комнаты.

— Именно этого я и боялся, — сказал членистоногий подстрекатель.

— Пустяки, пустяки, — прошептала я, скорее для самой себя, нежели для Фира. — Я закрою глаза.

Внутри меня поселилось чувство, что счет шел уже на минуты. Я крепче обхватила руками простыню, обвив ее еще для надежности и ногами, и начала медленно спускаться. Уже на первом метре руки от непривычной работы занемели. Несмотря на тяжесть моего тела, импровизированная веревка качалась в воздухе: на высоте гулял шквалистый ветер, хотя небо было по-весеннему ясным.

Вдруг у самого уха я услышала:

— Тише, я слышу, внизу кто-то идет, — сказал таракашка.

— Нас заметили? — я приоткрыла глаза.

Мы молча замерли, прислушиваясь.

— Нет, — вынес вердикт таракан, — ничего страшного.

— Кто это был?

— Это стражи обходят территорию.

— И каков же их маршрут?

Фир свесился с плеча, балансируя на задних лапах.

— Судя по тому, что я вижу их внизу, — под нами.

— Они нас заметят.

— Нет, не думаю. Конец того, что ты с гордостью назвала «веревкой», висит на уровне второго этажа. А ребятам из стражи, судя по всему, гораздо интереснее то, что плещется на дне их фляжки, которую они поочередно передают друг другу, чем небесная высь.

— Что же это за стража такая, которая с утра пораньше и... — Меня оборвал снисходительный смешок Фира.

— Полагаю, повод есть — хозяин отбыл, хозяйка, уж извини, но здесь ты пока никакая, можно и расслабиться.

Вдруг таракашка оборвал сам себя:

— Тише!

Затаив дыхание, мы неподвижно висели в пятнадцати метрах над землей.

Именно в этот момент под нами, смеясь и разговаривая, проходили солдаты.

Эта минута показалась мне вечностью.

Патруль прошел; шаги и голоса понемногу затихли.

— А теперь давай, шустри, девочка, — скомандовал таракан, и, по ощущениям, сам он начал в моих волосах отплясывать джигу, не иначе.

Я снова начала спускаться. Добравшись до конца «веревки» и не

чувствуя дальше опоры под ногами, стала цепляться за узлы, как подводник при подъеме с глубины за мусинги. Правда, в отличие от спецузлов корабельных снастей, мои были на порядок толще. Оно и понятно: и подштанники, и рукава сюртуков не очень предназначены для импровизированных побегов. Наконец, в руках остались лишь панталоны, завершавшие череду междуузлий.

— Прыгай, тут уже невысоко, — прокомментировал таракашка.

Я с трудом расцепила хватку и полетела вниз.

Как мысленно ни готовилась к встрече с каменной твердью, но копчиком все же приложилась: спружинившие ноги не смогли до конца погасить силу инерции от падения. Хорошо хоть зубы, предусмотрительно плотно сжатые, не клацнули и не прикусили самый главный рабочий орган всех сплетниц.

Таракашка, которому приземление не нанесло никакого урона, пробежав по плечу, деловито скомандовал:

— А теперь обратно в дом, надо только поискать черный ход, тот, что для прислуги...

Развить мысль Фиру не дала импровизированная веревка, свалившаяся мне на голову. Она просто-напросто под очередным порывом ветра развязалась. Теперь я была внутри кучи связанного меж собой тряпья.

— Зато и придумывать ничего не надо, — оптимистично заявил таракан, снуя поверх груды, — если встретишь кого из слуг — скажи, что ты новая прачка, принесла постиранное белье господина.

Нет, этого оптимиста даже ядерный взрыв не исправит. Подозреваю, что и после него таракашка будет сиять энтузиазмом, а заодно и бета-излучением. То, что не погибнет, — это однозначно. Еще на химии элементарных частиц запомнилось: после взрыва водородной бомбы от излучения погибают млекопитающие, птицы, рептилии, амфибии, но только не тараканы.

Вот и груда (тяжелая, зараза) тряпья, свалившаяся с неба, Фиру нипочем.

Рука машинально нащупала конец «веревки». Я выудила его из-под завала и озадаченно поднесла к носу. Край портьеры оказался слишком большим, и в прочный союз с простыней вступить не пожелал, разомкнув связь с оной сразу же после моего приземления. В мозгу запоздало пронеслось: «Хорошо, что не раньше».

— Не рефлекслируем, время на исходе. — Фир был неумолим.

Я встала, кряхтя как радикулитная бабка, простоявшая у замочной скважины из любопытства и бдительности не менее получаса, и, подхватив

веревку, ринулась за членистоногой дуэньей. Усатый шустро перебирал лапками по булыжникам, задавая направление. Не знаю, как уж он так быстро ориентировался на новом месте (может, тараканье чутье какое), но неприметную низкую и основательную дверь мы нашли быстро.

— Давай сюда, я чую кухонный дух, — прокомментировал шестилапый проводник, и сам, не дожидаясь меня, юркнул за дверь.

Я решила не отставать и поспешила за личным Сусаниным следом.

Темный коридор, звяканье кастрюль и негромкие переговаривающиеся голоса — все это я старалась миновать как можно быстрее, волоча в охапке перед собой грудку тряпья. Подозреваю, что и за мной связанная одежда тянулась хвостом. За ближайшим же углом свалила свою ношу и перевела дух.

Таракан, взявший на себя роль нити Ариадны, быстро семенил вперед, бормоча под нос «не то, не то, не то».

Про способ определения нужной нам комнаты я сейчас спрашивать не рискнула, чтобы не отвлекать членистоногого проводника, но зарубку в памяти сделала.

Тараканий писк: «Вот она!» был подобен «Эврика!» Архимеда.

Я про себя взмолилась небесам, чтобы хотя бы эта дверь не была заперта.

Когда створка, которую толкнула, скрипя, приоткрылась, я была просто счастлива. Наверное, во сто крат больше, чем на первом экзамене. Тогда я вытащила билет и уставилась на него, как баран на бронзовые софийские ворота (в том плане, что рога пообломаю, а пробиться сквозь каверзные вопросы даже к трояку не пробьюсь), но начала что-то невразумительно отвечать, и каша в моей голове чудесным образом превратилась в лапшу на ушах преподавателя по биохимии. Он даже четверку в зачетку поставил. Я поверить не могла в этот фокус фортуны.

Таракашка тоже запищал от экстаза, правда, по другому поводу:

— Успели, портал все еще открыт, сейчас. — Фир засуетился, описывая круги вокруг рамы. — Подправить, подцепить координаты предпоследнего перехода, добавить. Да куда же я эту свернутую матрицу дел, мне ее господин Микелис цеплял, чтобы я тебя вернуть мог... А, вот, отлично...

Единственное, что я из всего этого бормотания поняла, — Фиру удастся вернуть меня назад, в мой мир, ну или хотя бы в дом алхимика. Главное — я уберусь отсюда!

Таракашка самодовольно заключил:

— Готово! — и даже передними лапками прищёлкнул: — Прошу вас,

юная леди, прямиком в ваше зимнее утро. Траекторию рассчитал так, чтобы приземлилась в мягкий сугроб.

Выдохнула, мысленно перекрестившись от всего кошмара, что приключился со мной за последние сутки, и шагнула в телепорт. Когда свет мягко и ласково начал окутывать меня, я была счастлива, предвкушая скорое возвращение туда, где если и не совсем безопасно, то хотя бы понятно.

И каково же было разочарование, когда вышла я из портала ровно в той же комнате, откуда так пыталась выбраться. Угрюмо уставилась на апартаменты Ария, а таракашка с отвисшей челюстью — на меня.

— Что это было? — только и смогла сказать я.

— Не знаю, — ошарашенный голос Фира был еще одним подтверждением: все идет абсолютно не по плану.

— Давай еще раз.

Я шагнула в портал, но на выходе меня ожидала все та же картина: Фир посреди комнаты. На этот раз таракан озадаченно потирал передними лапами усы.

— Похоже, этот мир не хочет отпускать тебя. Ты, часом, не давала никому обещания на крови, не клялась в великой мести? — начал членистоногий подозрительно. — Обычно мир не отпускает, если здесь у тебя осталось какое-то очень важное дело...

Начала перебирать все события, случившиеся со мной за короткий промежуток времени, словно бусины на четках. Брак отпал сразу — иначе Фир бы первым об этом упомянул. Что же тогда?

В голове всплыли слова умирающего архимага: «Возьми силу и отомсти за меня». Даже его голос в ушах померещился.

Я помотала головой, прогоняя наваждение.

— Знаешь, кажется, есть у меня здесь такое дело, — устало произнесла я, опускаясь прямо на пол рядом с тараканом на колени...

Фир, узнав, что именно мне перед смертью сказал архимаг, аж запрыгал, тем самым выражая крайнюю степень возбуждения. Даже жесткие надкрылья слегка растопырил, словно собирался взлететь.

— Я знал, я так и знал, что этот придворный интриган просто так не отдал бы всю свою силу никому, даже на смертном одре. И нате вам! Что теперь делать? Одно дело отомстить — может, ты и смогла бы. Вы, женщины, до пакостей большие мастерицы, но все упирается в вопрос: кому устраивать вендетту-то?

Я понуро склонила голову, понимая, что так просто отсюда выбраться не удастся. Взгляд упал на руку. На указательном пальце белела тонкая

ниточка шрама — память о том, как я училась кататься на велосипеде. Как результат: сверзлась и рассекла себе фалангу до кости. После того как наложили швы, я боялась подходить к двухколесному монстру, но папа, приобняв меня за плечи, сказал: «Я верю в тебя. Ты — моя дочь, и ты не отступишь. Ты сможешь добиться всего. Я это знаю. Стоит только победить страх и начать действовать». В тот же вечер я уже каталась на «взрослом» двухколесном велосипеде, а то, что руль держала руками, на одной из которых красовался бинт... у всех бывают падения и неудачи. Только сильные через них перешагивают и идут дальше, добиваются цели, а слабые жалеют себя и баюкают, пестуют боль.

— Ты прав, пока неизвестно, кому мстить. Поэтому надо сначала найти убийцу.

Фир лишь обреченно вздохнул, задрав усы вверх и мученическим взглядом воззрившись на потолочный канделябр. Не иначе просил у него терпения и сочувствия.

Спустя минуту молчания таракашка выдал:

— Хорошо, я тебе помогу, но с условием: без глупостей. И постараюсь сделать так, чтобы, когда Кассандриола займет твое место рядом с Арием, дракон подмены не заметил. Иначе скандал будет такой, что ни придворному алхимику, ни нам с тобой не сносить ни головы, ни усов.

Я согласно кивнула.

— Давай тогда я сейчас перенастрою портал, энергия в нем пока еще не до конца иссякла, и быстро перемещусь к господину Глиберусу, введу его в курс дела и узнаю, как себя чувствует настоящая Кесси.

Меня давно мучила мысль, которую я сейчас и озвучила:

— Скажи, как так получилось, что меня из моего мира ты вытащил безо всяких рамок, одним шевелением усов, а сейчас трясешься над крупницами энергии этого телепорта?

Таракашка фыркнул, словно я спросила несусветную чушь, но все же соизволил пояснить:

— Когда перемещал тебя с Земли, у меня была уже заготовка формулы и запас энергии для ее активации. Господин Глиберус специально меня выбрал для этой миссии. Я — самый мощный его накопитель, — не без гордости заявил Фир. — Но если нет энергии, то будь целый воз формул, алгоритмов и заклинаний — даже свечку магически зажечь не получится. Так что надо поторопиться, пока остатки энергии не рассеялись.

Таракашка деловито принялся шнырять рядом с рамкой.

Уяснив вопрос с магическими способностями Фира, я больше не обращала на него внимания. В моем мозгу шестеренки вовсю заработали в

другом направлении. Есть такая дурацкая черта моей натуры: если вижу цель, то начинаю ее добиваться, отринув все остальное. Захотела как-то, еще в десятом классе, золотое колечко. Причем до «не могу» захотела. У мамы с папой на мою блажь средств не было — братишка младший из девятого выпускался, денег было в обрез. Поэтому я целый месяц летних каникул провела, работая официанткой в летней шашлычке, вместо того чтобы отдыхать с подругами на пляже, но своего добилась. Первого сентября красовалось на моем среднем пальце заветное колечко.

Вот и сейчас, задавшись целью «найти», уже прикидывала, что нужно сделать в первую очередь.

— Тогда, раз уж ты наведаяешься к придворному алхимику, узнай, кто именно входил в состав вчерашней драконьей делегации. И если удастся найти свидетелей — кто из этих ящериц отлучался из янтарного зала?

Таракашка ошалело покрутил усами от моей прыти:

— С «не сможем отыскать», я, пожалуй, погорячился. Мозги у тебя все же есть, а про свидетеля — и список, и про «отлучился» вернее всего узнать у церемониймейстера. Это как-никак его прямая должностная обязанность — знать прибывших гостей по именам. Но учти, список будет не из трех имен.

Это я знала и без членистоногой дуэньи. Но у меня, в отличие от ребят из РУВД, был стимул посерьезнее выговора за нераскрытое дело: застрять в мире, где тебя в случае раскрытия личины могут запросто убить, как-то не хотелось.

Фир, озадаченный новым поручением по самые усы, суетливо засеменил к portalу, свечение от которого начало уже по краям истаивать.

— Подними меня на уровень центра рамы, — командирский тон таракашки не терпел возражений.

Я подчинилась, подставив ладонь, на которую усатый ловко взбежал, и подняла его чуть выше метра от пола. Таракан сделал несколько шагов назад, словно беря разбег на руке, а потом, пошевелив усами, резко прыгнул в воронку света, которая начала стремительно закручиваться по центру контура портала.

Оставшись одна, я какое-то время просто смотрела сквозь пустую рамку телепорта, размышляя, что же мне делать дальше. Может, и дольше бы простояла, но напрочь замерзшие ноги напомнили о себе покалыванием. Словно в подошву ступней разом вонзили сотни две иголок. В горле предательски запершило — еще немного, и оглушительно чихну. Пришлось задержать дыхание.

Поплотнее запахнула халат, за одно утро ставший из снежно-белого

полосато-серым, посмотрела на ноги, которые были как после грязевой спа-процедуры (вот только основной ингредиент, с которым проводили сеанс, смыть забыли). Подозреваю, что и волосы на голове напоминали воронье гнездо.

Хороша же я — невеста после первой брачной ночи. Ну да задерживаться здесь не стоило. Я тихонько приоткрыла дверь и выглянула в коридор. Меж сумрачных стен не гуляло даже эхо. Проведя эту нехитрую рекогносцировку, тихонько вышла из комнаты и направилась по вчерашнему маршруту, который сохранился в памяти лишь в общих чертах.

Дом просыпался. Это было не только слышно. Пробуждение витало в воздухе ароматом сдобы и корицы, раззавешенными шторами, лучами солнца, вольготно расположившимися на подоконниках, далёкими пока отзвуками голосов.

Миновав комнату, где вчера у камина состоялся самый необычный диалог, который мне доводилось вести за всю свою жизнь, я испуганным зайцем метнулась вверх по лестнице. Несколько пролетов и опять коридор.

Методом совершенно ненаучного тыка, с пятой попытки нашла-таки «свою» спальню. Идентифицировать ее с первого взгляда помогла груда бархата, вчера бывшая моим платьем. Вошла и затворила за собой дверь. Фух! Кажется, обошлось.

Теперь, раз попытка побега не удалась, стоит хотя бы замести следы оной, резко бросающиеся в глаза. А то вид у меня совсем уж неподобающий. Поискала взглядом рукомойник — пробник ванной комнаты. По моим представлениям он, или хотя бы кувшин с водой и таз для умывания, должен был находиться в спальне.

То ли у меня были какие-то неверные представления о спальнях господ, то ли просто попалась неправильная спальня, но даже ночного горшка я не обнаружила. Зато наткнулась на бронзовую ручку, торчащую посередине стены. Поступила с ней по принципу знаменитого медвежонка: «Если есть ручка, значит, должна быть и дверь», и с силой потянула. Зря. Петли оказались смазаны, и я чуть сама себе не врезала по носу дверным полотном.

Помянула недобрым словом местного дизайнера, не пожелавшего оставить дверь дверью, а не маскировать оную, обклеивая, как и стену, шелковой тканью так, что с первого взгляда даже и не заметишь. Хотя, может, Ария оскорблял вид «врат в комнату уединения»?

Кстати о последней. С малометражным решением хрушевок данное помещение имело лишь одну общую черту — название «ванная». В остальном... Начать бы с того, что из стрельчатого окна этого уголка

задумчивости лучился поток яркого солнечного света. Панорама столицы все так же завораживала. А за городской стеной лучи солнца танцевали на водной глади в ритме сальсы: такие же озорные и живые, как знаменитый латиноамериканский ритм. Яркая, только еще пробудившаяся к жизни зелень горного склона и шапки ледников, разрывающие плавную линию горизонта.

А размеры самой комнаты! Насчет взрослого не скажу, но вот на детском велосипеде здесь можно было с ветерком прокатиться.

До этого момента я как-то не задумывалась: а как должна выглядеть ванная в таком доме? Разве что на задворках сознания бродил образ деревянной лохани, находящейся непременно на первом этаже, чтобы слугам было сподручнее таскать туда воду ведрами. Здесь же, в свете утреннего солнца, на изрядной высоте (точное число этажей посчитать не удалось — когда спускалась из окна Ариевой спальни, немного не до этого было) — все иначе, словно в насмешку над стереотипами об омовениях в этих самых замках. Но что меня поразило больше всего — сама ванна: медная, она величественно стояла по центру, словно знатная дородная госпожа. Рядом с одной из ее ножек выросла кран. Вычурный, громоздкий, но с двумя медными вентилями.

«Здесь есть горячая вода», — мысль, пришедшая на ум при взгляде на эти чуть подернутые зеленым налетом окисла маховики, была очевидной.

Я подошла и повернула вентиль. Труба крана утробно заурчала, плюнула потоком воздуха, а затем и ржавой водой. М-да, рано я возрадовалась местным благам цивилизации. Постепенно поток воды стал светлеть, даровав надежду, что хотя бы через какое-то время то, что течет из крана, будет пригодно для умывания.

Оставив воду включенной, решила разыскать еще одну необходимую вещь — полотенца. Стопка их обнаружилась в комод, стоявшем здесь же. Рядом с ним висело зеркало, позволившее разглядеть себя в полный рост.

«Да, мать, ты хороша», — вынесла я сама себе вердикт. Лицо, перемазанное пылью и грязью, на спутанных волосах паутина, рассаженная (это уже памятный след от ветра, приложившего меня хорошенько о каменную кладку при спуске) скула. А халат? Он теперь больше походил на половую тряпку: изодранный на локтях, грязный.

Положим, для меня видок хоть и не типичный, но все же... Когда после майского «картофельного рабства» на даче вечером заползаешь на веранду — рабочие джинсы и рубашка могут быть примерно такими же изгвазданными. Другое дело — Кассандриола Глиберус. Судя по кратким отзывам Фира, она — барышня утонченная и воспитанная, колорадских

жуков по жаре не собиравшая, — так навряд ли когда-нибудь выглядела.

Я еще раз взглянула в зеркало. Интересно, какая она, эта Кассандриола? Судя по отражению, смотревшему на меня, — с чуть задранном кверху носом, милыми чертами лица, но не роковая красавица. И коса у нее должна быть длиннее моей — вон какой шиньон приколот на макушке. Рыжеволосая — это точно. «Да уж, — я хмыкнула, — если для дочери придворного алхимика оттенок шевелюры — дар природы, то в моем — результат продукции польского химпрома». Именно краску для волос из этой страны подруга не далее как позавчера наносила на мои волосы. Вот за что не люблю зеркала — так это за то, что они, заразы, никогда не подсластят пилюлю, не скажут незаслуженного комплимента, не польстят для поднятия настроения. Только голая правда в отражении. Вскочил прыщ — обязательно покажут, как и лишний жирок на талии... Вот и сейчас я подумала, что про такую, как Кассандриола, не скажут, что девица имеет внешность ангела, душу дьявола, шлейф из тайн и обольстительный взгляд. Увы. Симпатичная, но обычная.

Я машинально начала вытаскивать из прически шпильки. На пол упал осточертевший шиньон, теперь напоминавший репицу конского хвоста, пряди рассыпались по плечам. Только теперь я поняла, насколько же легко, когда волосы распущены.

Кран недовольным урчанием напомнил о себе. Сейчас поток воды был уже чистый. Повернула и соседний вентиль — из него тоже некоторое время лилось что-то буро-рыжее.

Наконец рискнула набрать ванную. Не сказать, чтобы омовение доставило мне неземное удовольствие, но самое главное было достигнуто: я больше не напоминала чумазого Гекльберри Финна.

Завернувшись в полотенце, пошла обратно в спальню. Там меня уже ожидал сюрприз. В комнате служанка заправляла постель. Женщина уже в годах, грузная, в белом переднике и чепце, что-то ворчала себе под нос, взбивая подушки.

— Да еще и эта, из людей, здесь жить будет. Ишь чего не хватало... — бурчала она. Так «тихо», для себя, обыкновенно ворчала моя бабушка, тугая на оба уха, считавшая, что ее никто в эти моменты не слышит.

Я кашлянула, и служанка встрепенулась. Она повернулась ко мне лицом и сделала книксен.

— Доброе утро, госпожа, простите, подумала, что вы уже спустились вниз к завтраку. Господин Дирриеттинг часто спускается вниз в халате... — По слегка ворчливому тону женщины было понятно, что она лишь соблюдает границу между госпожой и прислугой, но почтения ко мне у нее

нет и в помине.

Похоже, Фир был прав, говоря, что хозяйка я здесь только номинальная.

— То мой муж, а чтобы госпожа спустилась к завтраку, госпожа должна быть одета. — Я постаралась придать тону оттенок холодности. В душе боролись два противоречивых чувства: с одной стороны, вдолбленные с детства догмы о почтении к возрасту, с другой — нужно соответствовать образу аристократки. И еще. Я не представляла, как обращаться к этой женщине: на «вы» или на «ты»? Воспитание победило. — Назовите ваше имя.

По тому, как взметнулись брови женщины, поняла — не угадала, слугам в этом мире принято «тыкать».

— Нария, госпожа.

В голове мелькнула мысль: кажется, у светских барышень были камеристки. Что это за звери такие, я представляла весьма смутно, но, положившись на интуицию, добавила:

— А без камеристки одеться порою затруднительно...

Служанка, уловив выюжные нотки в моем голосе, склонила голову, и, сделав еще один книксен, произнесла:

— По распоряжению господина Дирриетгинга обязанности вашей камеристки с сегодняшнего дня исполняю я.

«Вот тебе и веселая молоденькая гризетка, которая поможет затянуть шнуровку на спине», — прокомментировала я себе под нос.

Вопреки мрачным ожиданиям процесс облачения прошел без эксцессов. Нария открыла шкаф, показывая платья. Из висевших на вешалках нарядов мне предстояло что-то надеть. Хорошо хоть под каждым одеянием стояла пара обуви, избавив от обязанности подбирать «черевички» в тон.

Руководствуясь принципом «чем проще, тем лучше», ткнула пальцем в самое неприметное одеяние. Зеленое, прямого покроя, со шнуровкой сзади — оно показалось мне наиболее свободным. К платьям с куполообразной юбкой я, благодаря вчерашнему дню, испытывала стойкую неприязнь.

Нижняя батистовая рубашка, которую полагалось надевать под платье, приятно холодила тело, от корсета же я категорически отказалась. Служанка сначала на мое заявление удивилась, а потом, отвернувшись и направившись в сторону шкафа за туфлями, пробурчала себе под нос: «Без этого корсета, может, оно и лучше, если от господина понесет — дитю легче будет...»

Подумалось: верно, эта Нария, хоть и ворчунья, но Арию по-своему

предана. Учетом.

* * *

Нария проводила меня до столовой и пояснила, что еду сейчас подадут. Выдав эту ценную информацию, женщина скрылась, переваливаясь утиной походкой и шурша юбками. Но спокойно поесть мне не удалось. Двери распахнулись, явив взору мужчину в элегантном камзоле. Приглядевшись повнимательнее, я поняла, что если это — обычный мужчина, то я — хряк в балетной пачке. Передо мной был эльф, и, похоже, тот самый, шпиёнистый.

— Заостренные, «леголасьи» уши, темные длинные волосы, на первый взгляд небрежно распущенные, но самое главное — кожа, мраморно белая, словно светящаяся изнутри. Прямой нос, каким могла бы гордиться и римская статуя, тонкие, четко очерченные губы. По земным меркам ему на вид было не более лет двадцати двух или двадцати трёх. А по здешним — кто его знает? У вошедшего было обманчиво-спокойное выражение лица.

Тем временем визитер приблизился к столу.

— Рад приветствовать княгиню Дирриетгинг. — Эльф склонил голову в знак приветствия. Впрочем, руки лобызать не полез. Ну и слава Богу, я не архиерей, чтобы мне перста целовали. Пришедший же тем временем продолжал:

— Я только что из столицы, мое имя Эриниэль Иллангрийский, но для вас просто Эрин.

Остроухий бесшумно рассмеялся, словно только что сказал что-то смешное. Поскольку с моей стороны ответа не последовало, эльф обошел стол и, отодвинув стул, расположился напротив. Взяв со стола салфетку, он с таким изяществом и небрежностью развернул ее и положил на колени, что я мысленно скривилась: от этого бледненького за версту несет не то что голубой кровью, голубыми генами. Я же о светских этикетах знала в основном по фильмам и книгам, да и то — поверхностно. А вдруг этот, приставленный наблюдать, меня на раз раскусит? Что бы такое придумать, чтобы отвлечь эльфа? Лихорадочно прокручивая в голове варианты, пришла к выводу, что лучшая защита — это нападение.

Пока слуга расставлял перед гостем завтрак, я стреляла глазками по сторонам.

Пользуясь тем, что пока ушастый озвучил лишь свое имя, не обозначив статус пребывания, я самым невинным голосом начала:

— Мне супруг про вас рассказывал. Вы его друг и помощник, поэтому он пригласил вас помочь мне здесь обустроиться.

Эльф, не ожидая подвоха, кивнул, соглашаясь.

— Я так за это Арию благодарна. — Мой бойкий щебет сейчас превосходил пресловутых канареек. — У меня будет одновременно и тот, кто сможет защитить, и подруга... — Сделала вид, что замялась, и даже чуток задержала дыхание, чтобы на лице появился приличествующий румянец, а после добавила: — Муж мне сказал, что вы предпочитаете, как бы это сказать, не дамский, а сильный пол. Поэтому я могу не беспокоиться насчет мужского внимания с вашей стороны.

Эрин, как раз в этот момент проглотивший ложку овсянки, закашлялся, подавившись, а я, продолжая изображать альтернативно-одаренную, участливо спросила:

— Что с вами?

— Нннничего. — Леголасообразный наконец совладал с приступом кашля.

Попался, — усмехнулась про себя. Знать дословно, что именно мне сказал Арий, этот ушастый навряд ли мог. А поскольку он не обозначил прямым текстом, что будет за мной наблюдать, следовательно, это ему Арий поручил делать тайно. И вот теперь, чтобы себя не раскрыть, эльфу придется играть роль, которая ему навязана. Да, я вредная мелкая козявка, сделавшая маленькую пакость. Но кому придется по душе шпион, или, как в старину говорили, шпик, подглядывающий за тобой в замочную скважину?

Но надо было доигрывать роль «гламурной лосихи» (именно так моя подруга, Анжелика, метко окрестила девиц стиля а-ля Барби: высоченные каблуки, глупые разговоры и ай кью, уходящий в минус). Хотя подозреваю, что в этом мире тоже было свое название для не обремененных интеллектом светских барышень, основные разговоры которых вертелись вокруг кринолинов и сплетен высшего света.

— Не переживайте, супруг предупредил, что ваша милая сердечная слабость — это личная тайна. Я никому о ней не скажу, уверяю вас.

В ответ на мои слова эльф лишь начал пощипывать мочку уха, отчего та приобрела особо нежную окраску и даже легкую прозрачность. Наконец, он выдал:

— Пожалуй, сударыня, будьте столь любезны и сохраните это в тайне. Буду вам за это весьма признателен. — И ушастый хитрец тут же перевел разговор на другую тему: — Как вам нравится этот уединённый дом?

Вот тут я растерялась. «Уединенный?» — да тут же столица из окна

видна как на ладони, какое же уединение-то?

Я мягко попыталась донести эту мысль до сына леса:

— Простите, но мне, наоборот, показалось, что столица слишком близко...

Тут эльф совсем не по-великосветски хлопнул себя по лбу.

— Как я забыл, что вы, жители равнин, ни разу не видевшие гор, не знаете, что расстояния здесь — иллюзорны. Воздух слишком чист, поэтому видимость в горах гораздо дальше, что и рождает ощущение обманчивой близости. На самом деле до столицы добрых двое суток пути. Замок же Дирриетгинга стоит на отроге хребта, возвышаясь над белыми башнями Актыра.

Из его поэтическо-путаного объяснения я лишь поняла: в горах даже глазам не всегда следует верить.

Эльф продолжил рассказ об особенностях скал и долин, и наш разговор пошел в неспешном русле беседы ни о чем. Под конец завтрака, когда суфле отступало под натиском десертной ложечки, Эрин предложил прогуляться.

Ага, нянька выполняет свои прямые обязанности: ребенок должен быть покормлен, нагулян и поигран.

Вот только мне его расклад никак не улыбался. Чем чаще мы общаемся, тем больше у меня шансов проколоться на какой-нибудь ерунде. Но и отвечать безосновательным отказом — значит вызвать подозрения. В итоге решила поступить по принципу: импровизация наше все и даже больше.

— С удовольствием. — Я мило, чуть застенчиво улыбнулась. — Только поднимусь в комнату, возьму что-нибудь накинуть на плечи. На улице еще утро, и, наверное, прохладно.

— Конечно-конечно, я подожду вас в зале.

Вот ведь гад ушастый, даже тут не отстаёт.

Тем временем эльф, подойдя ко мне со спины, помог встать, отодвинув стул. Обычная норма этикета, не более. А потому легкое, едва уловимое, щекочущее шею дыхание Эрина, приблизившегося ко мне со спины, было полной неожиданностью.

Он вкрадчиво прошептал на ухо:

— Княгиня, я чувствую в вас тайну. Не обычную женскую кокетливую уловку, чтобы заинтриговать, а иную. И ее так и тянет разгадать. Вы — удивительная женщина...

Этот паршивец отстранился, словно играя со мной, и скучающе добавил:

— Но Арий прав, мое сердце до этого принадлежало мужчинам, но кто знает...

Я отчетливо поняла: точно, играет. Как кот с мышкой. С глупой такой мышкой. То ли проверяет меня на верность по приказу Ария, то ли просто ему стало скучно и он решил позабавиться с глупышкой, роль которой, судя по всему, мне определенно удалась.

Я часто задыхалась от нахлынувшего волнения. Но оно было отнюдь не амурного, а скорее нецензурного плана. Самым приличным эпитетом для эльфа, из пришедших на ум, было «кобелиссимо».

Эрин же, похоже, принял изменение моего состояния за первую стадию влюбленности молоденькой дурочки, поскольку, «закинув удочку», перешел к отступлению, словно ничего и не было.

Слегка отстранившись, он обычным, чуть медленным тоном произнес:
— Позвольте, сударыня, проводить вас до лестницы.

Ответить: «Не позволю» — было бы хамством и грубостью, которая не приличествует аристократке, поэтому пришлось дать согласие и на эту процедуру.

Мой кивок головы и шумный вздох были расценены эльфом как согласие. Мы направились к выходу.

У первой ступени ушастик от меня отстал со словами:

— Буду ждать с нетерпением.

Мысли металась в голове стайей всполошенного воронья. Что делать? Что же делать?

Когда до конца лестницы оставалась всего пара ступеней, пришло озарение. Времени на оценку того, насколько родившаяся идея разумна, уже не было, и я начала ее воплощение.

Неловко подвернувшийся каблук, теряю равновесие в попытке ухватиться за перила, но рука не достает, и я лечу кубарем вниз.

Как только себе зубы не выбила и ничего не сломала — чудо.

Перепуганный эльф, склонившийся надо мной, был не самым радужным виденьем, но в случившемся падении был несомненной плюс: я со спокойной совестью могла отрубиться, что и сделала.

* * *

Пришла я в себя под тихий говор голосов.

— Докторус, у нее слишком долгий и глубокий обморок, может, все же стоит вызвать мага для...

Второй перебил Эрина (а о маге заикнулся именно эльф):

— Полно. Девушка всего лишь переутомилась. Серьезных травм нет. Ей просто нужен покой...

— Хорошо, я распоряжусь, чтобы княгине прислали сиделку.

Вслед за этими словами послышался шум шагов и скрип двери: неизвестный мне докторус и эльф покинули спальню.

Судя по ощущениям тела, как и предполагал местный эскулап, непоправимо я себе ничего не покалечила. Локти, левая лодыжка и спина болели, но терпимо.

Служанка явилась быстро. Видимо, забота о здоровье потенциальной матери наследницы рода Дирриеттинг была здесь не пустым звуком. Или Эрин проявил опеку? Думаю, что у него ни разу в практике не было клиентки, которая умудрилась бы себя самостоятельно «нечаянно» покалечить в течение первого получаса знакомства. Да так, чтобы сразу и слечь. Вот попытки покушения и убийства, кражи — наверняка, шпион же как-никак, и привык к ним, небось. А вот к дурости, как и к кирпичам с неба, притерпеться гораздо сложнее.

Оставшись наедине со служанкой, которая стала поспешно поправлять мне одеяло, я приоткрыла глаза. «А впрочем, стоит притвориться немощной и хилой», — пришла мысль. Увы, МХАТов и Щуки не заканчивала, но всякой женщине природой дана хоть малая толика лицедейского таланта.

Стоны и изможденные взгляды обманули служанку, просидевшую у кровати всю ночь, хоть я возражала против этого, правда, голосом слабым и усталым, чтобы не выходить из роли.

Однако присутствие этой женщины не помешало мне отдаться своим мыслям.

Найти убийцу архимага — задача не из легких. Сначала надо составить полный список всех, кто был в тот день на приеме, а потом вычеркивать из него всех, у кого есть алиби. Кажется, так поступают, сужая круг подозреваемых. А что, если тех, кто потенциально мог убить, окажется слишком много? Так, идем от обратного. Как там говорили еще древние римляне: «*Is fecit cui prodest*», или «Это сделал тот, кому выгодно». Вернее, в моем случае сделали. Их было двое, вернее, два голоса, не считая самого архимага.

Что же они не поделили? Навряд ли придворного колдуна убили из-за любви: слишком уж деловой оттенок был у их короткой беседы. Тогда что? Мечь? Нет, скорее всего, деньги. Звонкая монета — зачастую сводная сестра интриг и заговоров... Куда я влезла?

Вопросов было много, а ответов... С этими мыслями я и заснула.

Служанка тихо ушла, не потревожив.

Разбудили меня утренние лучи солнца, просочившиеся сквозь щель между тканью портьер. Первое время предусмотрительно решила еще полежать, и не зря. Буквально через несколько минут в дверь постучали, и, услышав разрешение войти, появилась вчерашняя сиделка. Осведомившись, что желает проснувшаяся госпожа, девушка ретировалась за завтраком.

Заглянула и Нария, узнать, что я желаю. Получив ответ, что сиделка уже отправилась за завтраком, камеристка неодобрительно на меня посмотрела, так, словно я была начальником, поручившим важную работу не заму (надо полагать, что эта дородная фрау именно так расценивала свой статус камеристки), а рядовому служаке. И тот наверняка не справится с ответственным поручением. Но Нария смолчала и, обронив: «Сейчас вернусь», величественной походкой уплыла. Впрочем, явилась достаточно скоро со здоровенным колокольчиком:

— Если что-то потребуется — позвоните погромче, и я обязательно приду... — В ворчливых интонациях слышалась забота. Нет, эта женщина определенно предана Арию, раз при всей личной антипатии ко мне проявляет заботу о жене господина.

Во время завтрака, принесенного сиделкой, зашел Эрин осведомиться о моем самочувствии. Удовлетворившись ответом, что я еще ужасно слаба, эльф удалился. А потом... наверное, каждые полчаса Нария заглядывала ко мне в комнату со словами:

— К вам явился такой-то или такая-то, засвидетельствовать свое почтение и поздравить молодую княгиню...

Хотя интонация этой фрау, когда она уведомляла об очередном визитере, была примерно: «Еще один лизоблюд и стервятник/сплетница пожаловал...» В этом я была с ней солидарна, поэтому камеристка покидала мою спальню, подозреваю, тайно улыбаясь и унося ответ: «Госпожа нездорова и сейчас никого не принимает...»

Теперь я стала понимать, почему Арий не опасался, что я вычислю шпиона, предупреждая о нем (особые эльфячьи приметы муженек же не упоминал), — в такой толпе визитеров поди догадайся, кто за тобой приставлен, а еще есть прислуга...

К полудню поток желающих поскорее познакомиться с супругой князя иссяк, о чем камеристка и доложила, добавив от себя: «Отдыхайте, госпожа».

Оставшись одна, встала; кровать, в которой предусмотрительно

пролежала все утро, чтобы у прислуги и эльфа заодно сложилось впечатление, что я все еще слаба, жгла, словно раскаленная сковорода. Взглянула на закрытую дверь и даже улыбнулась от малой радости: наконец-то.

В кои-то веки можно свободно проявлять свои чувства, не боясь, что за мной подглядывают. Впрочем, последнее не доподлинно известно. Эльф же бдит. Подумалось: «Стоит себя обезопасить на этот счет, и я даже знаю один милый способ это сделать».

Обмылок, обнаружившийся в ванной, лучше всего подошел для задуманного, идеально вписавшись в замочную скважину. Получи, вуайерист ушастый!

Уловки хватило, но ровно до того момента, когда солнце, пройдя зенит, начало клониться к закату, а тени чуть удлинились. В комнате, окно которой выходило на восточную сторону, наконец-то стало не столь ярко.

Именно тогда и заметила, как с периодичностью около получаса щель между дверью и косяком становится чуть больше. Не иначе, благодаря стараниям остроухого.

Пришлось опять перейти в режим «больная on-line».

Вечер тянулся долго: эльф шпионил, я делала вид, что не замечаю этого и болею.

Разнообразие в этот двойной спектакль внесла лишь Нария, причем в прямом смысле внесла. Вместе с подносом, на котором был ужин.

Внимательно проследив, чтобы я съела если не все, то хотя бы большую часть (камеристка на все мои возражения об отсутствии аппетита отвечала лишь одно: «Господин поручил мне заботу о вас, а чтобы поправиться, необходимо нормально есть»), я не стала ей возражать.

Единственное, о чем попросила служанку после ужина, — принести мне перо и бумагу, чтобы написать письмо супругу. Услышав пожелание, Нария скупно улыбнулась и отправилась выполнять просьбу. Она вернулась довольно быстро, неся походный планшет с чернильницей, а потом, шурша юбками, удалилась. Конечно, нехорошо было обманывать фрау почтенных лет, но мне нужен был слушатель. Хотя бы бумажный. А листы... огонь всегда славился отменным аппетитом, сжигая порою надежды, мечты, судьбы. С пергаментом он точно справится.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Данный день в дневнике пропущен, поскольку не произошло ничего интересного, не считая полного упадка сил и безумного желания спать, коим и поддалась.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

16.02.2016 по римскому календарю

19 травня 9785 года по веремскому летоисчислению

Было давно за полночь. Перо царапало бумагу, выводя неровные строки. Все же шариковая ручка — гениальное изобретение человечества, а я — изнеженное дитя двадцать первого века. Но даже такая рейтинг-терапия помогла. Фира все не было, я уже второй день разыгрывала немощную, чудом выжившую после катастрофы. Напряжение все накапливалось и требовало выхода.

Рассказать, хоть кому-нибудь, но рассказать, чтобы не сойти с ума, чтобы ощутить себя живой, вмняемой. А нужно молчать, иначе — смерть.

Поэтому-то и решила озвучить просьбу камеристке. Пусть с обманом, но все же. Как только Нария принесла походный планшет с листами пергамента и маленькой чернильницей-непроливайкой, руки так и зачесались. Я не стала их удерживать: понеслась душа в рай. Описывала все случившееся, хотя до этого ни разу не вела дневник, и чувствовала, как становится легче.

Перечитала, всматриваясь в строки. Гусиное перо все же знатно изменило почерк. Такое ощущение, что царапал по пергаменту второклашка, не иначе. Но, пробежавшись взглядом по написанному, поймала себя на мысли, что обдумываю сложившуюся ситуацию, но уже со стороны.

Решение о плане дальнейших действий пришло само. Кое-что можно разузнать и без усатой дуэньи.

Я сидела на кровати, укрыв ноги одеялом, папка-планшет, заменявшая стол, лежала у меня на коленях. Пламя двух свечей, стоявших в канделябре, извивалось в причудливом танце. За окном ночь уже давно правила балом. Дом спал, бодрствовали только два полуночника: я и мой шпиён. О последнем сообщил легкий сквознячок из щели чуть приоткрывшейся двери.

Нет, этот остроухий меня достал!

Сделав вид, что ничего не заметила, я положила листы на прикроватную тумбу и задула свечи: пусть думает, что легла спать.

Сквознячок погулял еще немного по комнате, но, решив, что хорошего помаленьку, быстро моцион закончил, как только с той стороны дверь

бесшумно прикрылась. Я выждала пару мгновений, а потом, припомнив кое-что еще из практики летних лагерей, отправилась искать кувшин или горшок. В ванной, в темном углу обнаружилось ведро. Ржавое, оно напоминало доспехи шведского рыцаря, пролежавшие многие века на дне Чудского озера и поднятые на поверхность не иначе как сдуру аквалангистами. Но, как ни странно, оно было целым. «Подойдет», — решила я и потащила находку к кранам. Наполнила водой больше чем наполовину и понесла добычу в спальню.

Косяк и наличник двери были широкими, так что, зацепив дужку ведра за выпирающую шляпку гвоздя, я хоть и ненадёжно, но закрепила его.

Теперь всякий, пожелавший ко мне тихонько войти без стука, будет окачен холодной водой.

Притаилась под одеялом. Сон, как назло, шел, и зевать хотелось немилосердно, но я бдела, за что и была вознаграждена в итоге.

Спустя изрядное количество времени, когда в голове окрепла и утвердилась мысль, что все впустую, дверь приоткрылась чуть пошире, впуская стройную мужскую фигуру. Наверняка шпиён захотел посмотреть, что же я строчу.

Уже приготовилась услышать плеск пролившейся воды, но вместо этого раздался грохот и идиоматические выражения, в которых я поняла лишь предлоги и одно местоимение: «в», «на», «между» и «твою». Остальное оказалось скрыто лингвистической тайной.

Причина озвучки многоэтажной конструкции была проста: пока дверь приоткрывалась и Эрин просачивался в комнату, ведро в лучших традициях белорусского партизанского движения решило, что воды лазутчику мало. Когда дверь открылась чуть сильнее, то дужка соскочила с ненадежного крепления над косяком. В результате проржавевший раритет стоймя упал на макушку разведчика.

Тишина оказалась нарушена, поэтому притворяться спящей смысла уже не было, а вот разыграть испуганную девицу — ситуация вполне позволяла. Этим и воспользовалась. Схватив канделябр, подскочила к эльфу. Я хотела всего лишь замахнуться и пригрозить, что незачем посягать на женскую добродетель и шляться по чужим спальням ночью.

Пострадавший сидел, потирая макушку и глядя в пол, поэтому меня заметил только в последний момент. Увидев грозящий его лесной светлости канделябр, Эрин взмахнул рукой в движении, отточенном до рефлекса.

Мелькнула какая-то то ли брошка, то ли просто цацка, и я тут же ощутила на руке жжение, словно запястье в оттяг ударили ремнем.

— Мрак и преисподняя! Марак кечир! — выругался эльф, шипя от

боли.

— Едрен батон! — Это уже я.

Наши запястья связывала цепь. От обычной ее отличало хотя бы то, что она светилась и жгла.

Первым дать не только эмоциональную, но и логическую оценку ситуации сумел остроухий.

— Госпожа Кассандриола, — мое имя, сказанное с явными матерным акцентом, с сегодняшней ночи, похоже, войдет у ушастого в список изощрённых ругательств, — зачем вы покушались на меня? Я подумал, что на меня нападает бандит, а рефлексy, знаете ли, штука осознанию не всегда поддающаяся... Привык активировать защитные амулеты.

Эльф хотел еще что-то сказать, но я его перебила:

— Вы путаете, дорогой Эрин. Это вы покушались на мою честь, я всего лишь ее защищала.

Леголасообразный лишь покачал головой.

— Вы, княгиня, не понимаете. Я активировал амулет, задача которого связать преступника. Его обычно кидают издалека, и он разворачивается сетью, а если под ноги — по принципу кнутовища обвивает икры. Мы же с вами оказались слишком близко, и он соединил нас.

— Так в чем дело? Разъедините, и делов-то. — Я даже нетерпеливо топнула ножкой, входя в роль капризной барышни.

Запястье снова обожгло, хоть и не так сильно. Судя по всему, эта цепь реагирует на движение.

— Не так просто. Снять блокировку можно специальным ключом, но он остался в моей комнате...

Закипающий эльф — это зрелище. Жаль только, что насладится им в полной мере не дал шум шагов.

Эрин, услышавший их первым, подхватил злополучное ведро и резво рванул к кровати, потянув и меня.

— Ложись на кровать и свесь руку с той стороны, так, чтобы вошедшему меня видно не было. Я спрячусь за кроватью.

Его логика меня ошарашила. Похоже, он что-то прочел на моем лице, или просто объяснить было быстрее, чем тащить на жгущем кожу буксире пятьдесят кило.

— У нас обоих, княгиня, есть репутация. У вас — как молодой и верной супруги, у меня, как у проф... — он тут же исправился, — тоже есть. А домыслы и сплетни погубили уже не одно честное имя. Слуги же — чаще чем кто бы ты ни было их и разносят. Так что не артачьтесь, а делайте, как я говорю, чтобы нам обоим не пришлось оправдываться перед

Арием в том, чего не было.

Решила положиться в этом вопросе на эльфа. Как-никак, он-то рискует намного большим. Репутация создается годами, а разрушается в один момент. И порою даже не проверенными фактами, а вот так, из-за слухов и нелепых ситуаций.

Когда Нария вплыла в комнату (а это именно она проявила бдительность), я чинно лежала на постели, накрывшись одеялом чуть ли не до подбородка.

— Видимо, показалось, — расслышала я ее бормотание.

Лука, растекшаяся на полу, в темноте была не видна, и камеристка не обратила на нее внимания.

Как только дверь закрылась, я прошептала:

— Вылезайте.

Голова эльфа показалась над кроватью, волосы, встрепанные и в пыли, теперь не имели ничего общего с утренней его причёской.

— Знаете, княгиня, признаться, в своей долгой жизни мне приходилось, конечно, в том числе и прятаться под кроватями, но обычно этому предшествовала ночь любви. Вы же единственная, кто заставил меня, как какого-то горе-любовника, скрываться, но при этом подарили вместо ласк здоровенную шишку. — С этими словами Эрин покосился на ведро, лежавшее рядом с ним.

Раритетный сосуд не ответил, лишь лунный луч скользнул по его вмятому днищу.

— Все когда-то случается в первый раз, — философски заметила я. — Давайте лучше решим вопрос с этим милым светящимся и жгущим руку браслетом.

— Жгущим? Обычно цепь раскаляется, если в том, кого она связывает, есть магия. Оковы ей и подпитываются. За себя могу поручиться: во мне нет ни капли способности к чародейству. Остаетесь только вы.

Крыть было нечем. Вот уж удружил покойничек-архимаг... Оставив заявление остроухого без комментариев, я продолжила мысль:

— Не суть важно, давайте решать этот щекотливый вопрос.

— А может, — в голосе эльфа появились мурлычущие нотки, — это сама судьба свела нас... И лишь вам суждено отвернуть меня от мужских ласк, и именно с вами, Кассандриола, я познаю всю прелесть единения с женщиной...

«Так, вторая часть Марлезонского балета: опять этот леголасообразный начал свои игры в кошки-мышки», — хмыкнула про себя. Возможно, будь я наивной тургеневской барышней, этот страстный

шепот, горящий взгляд и учащенное дыхание, вкупе с юношеским стремительным порывом, по итогам которого наши лица оказались столь близко, что можно было уловить дыхание друг друга, и возымели бы эффект. Но, во-первых, я знала, что эльф никакой не любитель сильного полу и это все блеф чистой воды; а во-вторых, его намерение быть ближе обусловлено отнюдь не любовью. Вернее, нет, любовью, но к деньгам, обещанным ушастому в качестве гонорара за слежку.

Увидев в моей руке канделябр, эльф замолчал на полуфразе.

— Простите, я непозволительно увлекся...

— Прощу, как только освобожусь от этого браслета.

Мы, как два ночных тятя, крались по коридору. Вид у нашей парочки, подозреваю, был весьма специфический: я в ночной сорочке и с канделябром (свечей в котором, к слову, не было) и эльф, взлохмаченный, в чулках, панталонах и батистовой рубаше.

Встреть нас кто, объяснить, что мы делаем вдвоем ночью в столь неподобающем виде, было бы тяжело. Хотя я мысленно прикинула, как вариант, изобразить больную лунатизмом, а Эрин меня отловил за этим занятием и ведет обратно в спальню. Единственное, подозреваю, что моих актерских потуг на этот спектакль могло и не хватить. Но обошлось без форс-мажоров.

Комната ушастого меньше всего напоминала логово холостяка. Такого идеального порядка не было даже на инструментальном столике, где принято раскладывать хирургические инструменты перед операцией. «Педант, чтоб его», — вынесла я вердикт.

Эрин уверенно подошел к комоду и, открыв верхний ящик, достал бляшку. Приложил вещицу к цепи, и она мгновенно исчезла. Я с наслаждением потеряла запястье.

Когда почувствовала себя освобожденной, проснулась природная вредность, и я задала вопрос, который следовало озвучить ранее. Но я же играю роль «узкомыслящей», так что мне можно и сейчас.

— А что, собственно, вы делали в моей спальне?

Выкручивайся теперь, ушастый. Прямым текстом не скажешь же: «Хотел умыкнуть листы с вашими записями для ознакомления». Эльф тоже был неплохим актером, потому как-то сразу же вошел в образ юноши, охваченного любовным томлением. Его взгляд затуманился, жилы на руках вздулись, словно он испытывал невероятное волнение, и Эрин с придыханием произнес:

— Вы покорили меня, княгиня. Вы — магнит, вы — бездна, что затягивает в свои глубины. Я не смог удержаться. Вчера вы были слишком

слабы, но сегодня... я всего лишь хотел украсть ваш поцелуй. Вы бы и не узнали, подумав, что вам приснился лишь сон...

«Канделябр его не остановит...» — мелькнула мысль.

Отстранившись, я начала спиной пятиться к двери со словами:

— Я верная жена и должна быть непогрешима в глазах мужа.

Эльф, вошедший в роль пылкого воздыхателя, с жаром произнес:

— Но Арий-то вам верность хранить не собирается. Даже ради приличий не разорвал отношений со своей любовницей, госпожой Ликримией. Эта особа сопровождала его до торжественного построения при отправке на линию восточного фронта позавчера утром...

Шельмец! Удар ниже пояса, безотказный для юной барышни, чей разум еще полон романтических дум и не покрылся броней цинизма. После такого заявления, подозреваю, любая призадумалась бы и наверняка нашла если не любовное, то хотя бы дружеское утешение на эльфячем плече. Вот только мне мешало одно но — я знала истинные мотивы остроухого.

Покинув спиной вперед комнату Эрина, я направилась к себе в спальню. Голос, прозвучавший в темноте коридора, заставил меня вздрогнуть:

— Не ожидал тебя здесь увидеть...

Фир! Как же я рада была его услышать. Болтливый, порою несносный, часто вредный, но в этом чужом мире единственный, с кем я могла быть откровенной. Таракашка меж тем, не теряя времени даром, взбирался по подолу моей ночной сорочки, поднимаясь все выше и выше. Преодолев лиф с весьма фривольным вырезом, он устроился на плече, щекоча усами ухо.

— Как здорово, что ты вернулся.

Фир деловито покрутил головой и изрек:

— Коридор — не лучшее место для приватных разговоров, пошли к тебе в комнату.

Я согласно кивнула и бесшумным призраком полетела меж коридорных стен. Когда мы оказались в моей маленькой крепости (именно так я мысленно окрестила спальню), членистоногой первым делом выдал:

— Рассказывай, что успела натворить?

Пока я посвящала усатого во все перипетии, произошедшие со мной, он только недовольно вертел усами. Под конец повествования выдал:

— Ну ты и бедовая...

— А сам что успел узнать?

Как оказалось, у Фира новостей было в несколько раз больше. Я даже потянулась за пергаментом, чтобы записать особо примечательные детали.

Потом перечитаю и проанализирую со свежей головой.

Согласно тому, что успел разузнать шестилапый Ватсон, выходило: делегация крылатых ящериц насчитывала тридцать два дракона. Из них двадцать пять — сами женихи, остальные, как подозреваю, — группа моральной поддержки. Пока членистоногий озвучивал цифры, я мысленно присвистнула: ничего себе. И как искать иголку в стоге сена?

Фир же, взмахнув лапой, буквально из воздуха извлек свиток. Опережая мой вопрос, он произнес:

— Хочешь спросить, как я это сделал? Господин Глиберус зарядил меня магией настолько, насколько это было возможно, и навешал целую кучу заготовок. А также замкнул на мне межпространственный карман, правда, небольшой — с сырную головку, но для хранения бумаг и нужных мелочей — самое то, — а потом, перебив сам себя, таракашка добавил: — Кстати, об этом поговорим отдельно, но попозже.

С этими словами усатая дуэнья начал разворачивать свиток, испещрённый аккуратной вязью рун. Самое удивительное, что хоть и с трудом, но прочесть их я могла.

Это был список, озаглавленный не иначе как: «Имена женихов и их друзей», и возле каждого аккуратные пометки карандашом.

— Сам делал, — гордо ткнул лапой Фир в графитовые каракули.

— И что они обозначают?

— Невежда, это — краткая характеристика каждого члена посольства и пометка, был ли он на момент убийства в зале.

— Как тебе это удалось? — Я была потрясена тем, насколько бурную деятельность сумел развить таракашка и сколько узнать.

— Ты не поверишь, но там, где бессилён авторитет, звонкая монета справляется с лихвой, а если и она не помогает — тогда магия, особенно ментальная. Волшба может развязать язык простым смертным, таким как церемониймейстер, официанты, да и прочая прислуга, главное, чтобы воздействие было кратким, мягким и незаметным, но мой господин умеет действовать аккуратно.

Фир выразительно пошевелил усами и продолжил:

— Нам удалось установить, что в момент убийства архимага в зале отсутствовали: уже заочно знакомый нам Мериус Артрих, некий Ауд Эймволт — главный страж облачных врат, Кеттиль Иолин — помощник правителя по особым поручениям, Ронгвальд Зур — та ещё темная лошадка. О нем не удалось узнать ничего, кроме титула: князь. — Фир перевел дыхание. — Ещё есть Флейтвар, по слухам, он бастард нынешнего правителя драконов, и... барабанная дробь, — таракашка самодовольно

ухмыльнулся, — твой муженек Арий.

— Может, Ария стоит вычеркнуть? — робко предложила я. Отчего-то не хотелось его подозревать.

Но мой собеседник был неумолим:

— Нельзя исключать Ария из списка подозреваемых лишь потому, что тебе не хочется, чтобы он оказался убийцей. К тому же... — Фир задумался, — знаешь, что мне сейчас кажется странным: я вот отчетливо помню ощущение от голосов. Тот страх, то волнение, что испытывал, сидя в нише. Но напрочь не помню сами голоса этих драконов: тембр, особенности речи, тянул ли кто-то из них гласные или шепелявил...

— Я тоже, — прокручивая в голове подслушанный разговор, поняла, Фир прав: комок внизу живота, страх и подгибающиеся колени — все память бережно хранила, а вот сами голоса — словно поволока...

Шумно выдохнула, прогоняя наваждение.

— Вот и я о том же... похоже на «лицедейский шлейф». Им пользуются часто при дворе, чтобы оставаться неузнанными. Убийцы, судя по всему, не чурались магии первородного мрака, потому как это заклинание именно из данной области.

Я передернула плечами. Название-то какое: «первородный мрак»... Брр!

Фир же деловито, перебирая лапками, продолжил абсолютно без перехода:

— Кассандриола все так же слаба. Я думал, что она уже вовсю идет на поправку, ан нет. Видно, сильно ее цепануло проклятье...

Постаралась вернуть таракашку к предмету нашего первоначального разговора:

— А по поводу этих шестерых удалось что-нибудь еще выяснить: мотивы, зацепки, может, приезжали они до этого ко двору... где-то могли встретиться, пересечься с нашим покойничком.

Фир лишь развел лапами.

— Понятно, значит, будем проводить разведку боем, — сделала вывод.

— Это как? — заинтересовался членистоногий.

— Знакомиться со всеми будем и ко всем присматриваться.

— А как же тот факт, что двое из них убийцы?

— Не ты ли не так давно меня уверял, что и Арий может быть этим самым убийцей? Так вот, я не просто с ним знакома, я его жена.

— Ладно, жена, давай, ложись спать, а я пойду прогуляюсь...

Знала бы я, в какую сторону решит «гулять» мой тараканистый напарник, плюнула бы на сон и пошла с ним.

Меня разбудил Фир. Вернее, письмо, которым он щекотал мой нос. Уголок конверта гораздо жестче перышка, поэтому процесс пробуждения был значительно быстрее.

— Знаешь, как я провел ночь? — тут же спросил мой членистоногий Ватсон, едва я продрала глаза. За окном было немилосердно раннее утро: солнце еще даже не появилось из-за горизонта. Лишь сумерки стали чуть светлее, предвещая явление светила. Таракашка ничтоже сумняшеся продолжал:

— В отличие от эльфов, тараканам гораздо удобнее шпионить и красть ценные бумаги.

Последней, как я подозреваю, «особо ценной», и размахивал Фир.

— Твой эльф полночи строчил донесение своему нанимателю и лишь недавно заснул. Ну, я и стащил его. Интересно же, чем так увлек этого шпиёна эпистолярный жанр?

Я потянулась к письму, но таракашка, виртуозно махнув им, так, что оно буквально выскользнуло из моей руки, наставительным тоном осведомился:

— А как же нормы морали и основы воспитания? Нехорошо читать чужие письма...

Мне было интересно, что же там настрочил шпиён, и я возразила:

— Но так то чужие, а мы с Эрином после проведенной вместе ночи считай что свои. В таком непотребном виде его еще не всякая любовница видела...

Таракашка махнул лапой, дескать, спорить с тобой интересно, но читать еще интереснее, и, сломав сургуч, развернул послание. Писулька оказалось небольшой, но емкой:

«Дорогой Арий! Буду краток, поскольку малый вестник навряд ли сможет доставить большую депешу. Спешу сообщить тебе несколько новостей: во-первых, тебе попалась, судя по всему, верная жена, о чем свидетельствует шишка на моей голове (еще ни разу меня не привечали ведром, полным воды, по темени); везучая и ловкая (учитывая то, что при падении с верхней ступеньки лестницы в день нашего знакомства она не только не свернула себе шею, но даже серьезно не пострадала), но недалекого ума (может, оно и к лучшему). Во-вторых, судя по

всему, у нее есть магический дар, и не слабый (даже не спрашивай меня, как я это выяснил, — профессиональная тайна), поэтому ваш брак продлится на сотню лет дольше, чем ты планировал... И в-третьих, обращаюсь к тебе, Арий, не как к нанимателю, а как к бывшему сослуживцу и другу: как ты мог сказать своей жене, что я специализируюсь по мальчикам? За это — сверх оговоренного гонорара еще две сотни золотых. Всегда твой, Эрин. 19 травня 9785 года по веремскому летоисчислению».

Я озвучила первый вопрос, который у меня возник по прочтении:

— Почему эльф не отправил письмо сразу же по написании?

Таракашка снисходительно хмыкнул:

— Эх ты, сразу видно, что не из этого мира, раз такие вопросы задаешь: магические вестники хороши тем, что не требуют ни воды, ни еды и доставляют послание точно адресату. Но у них есть один недостаток: они способны лететь (и замечу, весьма быстро), но питает их энергия солнечного света. Судя по всему, этот сын леса решил в ожидании рассвета вздремнуть, а уже когда солнце засияет на небе, и отправить кляuzu Арию.

Идея, посетившая мою голову, была гениальной до наглости.

— А мы можем письмо быстренько подделать? Эльф ведь его уже запечатал, навряд ли будет перечитывать...

— Я об этом не подумал, хотел лишь прочитать его писульку и вернуть на место. — Фасеточные глаза таракашки заговорщицки сверкнули. — Образец почерка у нас есть. Ты напишешь, я подправлю магией. Заряд пока позволяет...

Мы с усатиком споро принялись за дело. Письмо не сильно изменилось, из него исчезли лишь упоминание о моем магическом даре и личное обращение к Арию с укором и требованием о повышении гонорара.

Таракашка подхватил запечатанный конверт и, лихо прищелкнув передними лапами, скрыл его в пространственном кармане.

— Ну все, я побежал, пока этот шпиён, как ты его называешь, не проснулся.

Фир просочился в щель под дверью, а я, откинувшись на подушки кровати, сладко потянулась, наверстывая утренние зевки. Мой взгляд ненароком упал на исписанный пергамент — это уже были листки моего дневника. С сожалением вздохнула: брала я писчие принадлежности у Нарии под предлогом настрочить послание супругу. Если не напишу ни строчки — это будет крайне странно выглядеть. Но о чем может писать юная жена мужу, да еще и в каких фразах и выражениях, — не совсем себе

представляла. Решив, что Фир сегодня вполне неплохо дебютировал в качестве редактора, пришла к выводу, что еще одно письмо дракону он осилит. Про себя даже усмехнулась: Арий получит послания от разных адресатов, не подозревая, что автор у текстов один.

Кончик гусиного пера грызла долго и упорно. Так лучше думалось. Банально не знала, с чего начать. Пергамент, чуть желтоватый, был девственно чист. Наконец, разродилась первой строкой:

«Дорогой мой супруг! Не могу упустить случая, чтобы не написать твоей милости послания и сообщить обо всем, приключившемся со мною...»

Я машинально повертела перо в руке. Мда, писать от имени Кассандриолы — задачка потяжелее, чем ЕГЭ на сто баллов сдать. На экзамене хотя бы подсмотреть есть куда, а тут... Ладно, решила я, буду описывать как есть, а там Фир пусть корректирует.

Таракашка вернулся, когда послание было почти дописано. Благодаря тому, что основные моменты (как-то: спуск из окна мужниной спальни, ведро на голове эльфа и неудачная попытка побега) я опустила, текст получился достаточно лаконичным.

Фир, пробежав написанное глазами, вынес вердикт: Кассандриола бы чаще обращалась к Арию «мой сударь» и «возлюбленный супруг». Пришлось переписать.

Высунув кончик языка от усердия, я выводила строки, когда в дверь постучали. На разрешение войти в комнату вплыла Нария. Фир, юркнувший под кровать при ее появлении, наблюдал из своего укрытия за разыгранной для камеристки сценой.

— Как вам спалось, госпожа? — Ворчливый тон служанки сошел на нет, как только она увидела, чем именно занимается ее «госпожа».

— Хорошо, благодарю. Скажите, как скоро можно будет отослать письмо моему мужу? — Я буравила пол взглядом, искренне надеясь, что именно так выглядит со стороны «потупленный взор», воспеваемый поэтами. В то, что я просто туплю, верить не очень хотелось. Вздохнув, как приличествует тургеневской барышне, продолжила, теребя кончик косы: — Прошло немного времени, а я уже скучаю по Арию... Хочется его увидеть...

По повышенной жестикуляции Фира из-под кровати я поняла: еще немного — и переиграю. Нария, сама того не зная, выручила меня.

— О вестнике я обязательно распоряжусь, чтобы приготовили,

высадив на жердочку. Как только он напится солнцем, я тут же сообщу.

— Буду благодарна. — Я была сама кротость и послушание.

Как только камеристка удалилась, усатая дуэнья вылез из своего окопа.

— Вот скажи, зачем ты распиналась перед этой гусыней? — недовольно проворчал таракашка.

— По нескольким причинам. Основная — это бесценный источник информации, нужно ее только к себе расположить. И еще из личных соображений. Пока Нария рядом, этот леголасообразный не пристаёт ко мне.

— Чего образный? — не понял Фир.

— Да есть в нашем мире один сказочный персонаж. Прыгает, стреляет, подряд всех очаровывает, даже гномов, и такой же ушастый, как этот Эрин.

— Аааа... — многозначительно протянул таракашка, тем самым дав понять, что ровным счетом ничего не понял. — Ладно, скоро эта твоя камеристка должна прийти. Пока вы тут утренний туалет совершаете, я как раз поспать успею. — С этими словами Фир полез на мою постель.

Похоже, что у таракашки верхняя жвала была настолько не душой, что ей впору пришлось бы губозакатывающая машинка, ибо разлегался членистоногий прямо посреди ложа, перевернувшись кверху брюшком и подрыгивая нижними лапками.

— Знаешь... ты тут, как бы... весьма приметен, — тонко намекнула я Фиру на столь дурную диспозицию.

Таракан в ответ недовольно шевельнул усами, но все же перевернулся и соизволил отползи в район подушек. Между ними мой шестипалый Ватсон и скрылся, выдав напоследок:

— До завтрака меня не кантовать.

Я его и не беспокоила. Пришедшая Нария помогла одеться, а пока она укладывала мои волосы в замысловатую прическу, за неспешным разговором удалось выяснить кое-что об Арии.

Как оказалось, ранее, в ползунковую бытность моего супруга, она была его нянькой. За заботами и доглядом за непоседливым чадом и прикипела к нему душой. Как и Арий к ней. Поэтому несколько лет назад, получив свой замок в награду за верную службу, он и попросил у матушки, чтобы та отпустила верную Нарию служить к нему. Надо ли говорить, как бывшая нянька была рада такой смене места работы?

При упоминании о свекрови напряглась. Компаньонка, почувствовав за враз выпрямившейся спиной, моими руками, до белых костяшек сжавшими подлокотники, волнение и поняла все правильно.

— Не переживайте так, госпожа. Матушка вашего супруга, хоть дама и

строгих правил, но в политике смыслит и понимает все выгоды вашего с господином Арием брака. Все же в последние пару месяцев хозяин был в опале у правителя, не подчинившись прямому приказу достопочтенного Салика Чейдры.

Мысленно сделала я себе заметку: Арий, оказывается, перешел дорогу главе посольства. Нария же между тем продолжала свое повествование:

— А этот брак сможет вернуть расположение владыки. К тому же у госпожи Узер, маменьки вашего супруга, вы — не первая невестка. Трое старших сыновей уже давно нашли тех, с кем переплели хвосты в полете...

Я уловила грустные нотки в голосе служанки. Мериус вот тоже про эти хвосты говорил. Образное у них это выражение такое, что ли?

— Хвосты?

— Ах, ну вы же не знаете. Это присказка, пришедшая к нам из древней легенды. Когда-то давно двое драконов были настолько влюблены друг в друга, что не расставались ни на миг. Даже в полете их хвосты были соединены. Теперь и о нашедших свою истинную пару говорят: «переплели хвосты». Обычно то, что это твоя единственная, дракон понимает по первому поцелую, но иногда и чуть позже. — Тут лицо камеристки, отражавшееся в зеркале, приобрело странное выражение. Словно не тема обсуждения была щекотлива, а то, с кем именно ее обсуждает Нария. — Вот старший из рода Дирриеттинг понял это только после первой брачной ночи, а до нее все сомневался: подарит ли ему суженая сына...

Словно оправдывая неизвестного мне «старшего», служанка пояснила:

— Такое бывает, если дракон был ранен или потерял часть своей магии...

Я ухватила за предпоследнюю фразу, сопоставив ее с предположением Фира о бастарде правителя:

— А как же тогда слухи о бастарде правителя?

— О господине Флейтваре? — Служанка перешла на шепот. — То лишь слухи, и не след вам, госпожа, их озвучивать. Они рождены злыми языками и тем, что супруге правителя небо еще не подарило сыновей. Но да у них еще лет семьдесят есть... Зато у правителя уже две дочери, и обе — девицы на выданье.

В голосе женщины проскользнула нотка сомнения. Так, словно, говоря об этих двух наследницах, она имела в виду какие-то запасные варианты. А потом женщина ловко перевела нить нашего и так рваного разговора:

— Но слухи слухами, а госпожа Узер — не домысел. И, зная ее характер, могу сказать, что она скоро посетит этот дом.

Однако первой визит нанесла совсем другая особа, а именно

Ликримия. Та самая дама, которая, по словам ушастого шпиёна, являлась любовницей Ария.

О ее прибытии доложила молоденькая субретка, как раз после того, как я закончила завтрак, который для разнообразия прошел в одиночестве. Эрин отсутствовал: мы с Фиром предположили, что по весьма веской причине (отправлял донос своему нанимателю).

— К вам с визитом госпожа Ликримия Шоон, — известила служанка. — Она ожидает вас в малой гостиной. Доложить о том, что вы ее примете?

Субретка застыла в нерешительности. Что же, ее опасения были вполне обоснованы: очутиться в эпицентре женской войны (а она неизбежна при встрече жены и любовницы) — удовольствие еще то. Фир, уже прописавшийся в моей шевелюре, тихонько прошептал:

— Гони ее к первородному мраку, это неслыханная наглость: заявиться в дом любовника, к его молодой жене.

В том, что это наглость, я была с Фиром солидарна. Даже для двадцать первого века явление, мягко говоря, не рядовое, хотя и имеет место быть. К тому же если со свекровью я хотя бы теоретически представляла, что делать (молчать и быть внешне покорной, как минимум при первой встрече, как гласит поговорка), то с любовницей... Но, с другой стороны, проигнорировать ее визит — значит упустить кусок информации. Про мотивы же этого странного поступка Ликримии у меня были догадки, но стоило их проверить.

Когда я вошла в гостиную, то первое, что увидела, — её. Девушка, которой на вид было не больше двадцати пяти, сидела в кресле с особым изяществом, в той уверенной манере, что свойственна людям, пришедшим куда-либо не в первый раз. Её выдавало то, как по-хозяйски она смотрела на гобелены, как поджимала губы, замечая пыль на каминной полке и картинной раме. Да, она определенно была здесь частой гостьей.

Оценивая Ликримию, я признала: вкус у моего мужа недурен. Она была такой же, как и на портрете, что стоял на столике в комнате, где находился телепорт. Огромные, необыкновенно светлые глаза гостьи, черные ресницы, белокурые локоны, белоснежная кожа — внешне она олицетворяла собой саму невинность и чистоту.

— День добрый. Вы хотели меня видеть? — Я улыбнулась так, как умеют лишь профессиональные танцовщицы и модели, рекламирующие жвачку: широко и открыто, демонстрируя все тридцать два зуба.

Подумала, не распахнуть ли объятья, но решила, что это перебор. Дурость, возведенная в квадрат, порою настораживает противника больше,

чем явное проявление ума. А мне надо было именно провести эту наглую особу.

— Да, я искала встречи с вами... — Чарующий голос, легкий румянец, опущенный долу взор, призванные свидетельствовать о кротком нраве... этот орешек будет покрепче, чем Эрин, но да у меня теперь есть группа поддержки, правда, всего с одним чирлидером, да и тот — таракан.

— Простите, но мы с вами не знакомы. — Я специально остановилась на середине фразы. Было интересно, как назовётся эта особа. То, что в лоб не заявит о степени нашего «родства», — очевидно, но все же, какой предлог избрала эта... эпитеты приходили на редкость точные, но все нецензурные.

— Графиня Ликримия Шоон. — Женщина начала мять батистовый платочек в руках. То, что это игра на публику чистой воды, я была уверена. Никакой робости эта дама не испытывала. — Я не люблю ходить кругами, но цель моего визита настолько щекотлива...

А я недооценила барышню: аккуратно, но жестко берет быка за рога.

— Видите ли, Кассандра. Вы ведь позволите называть мне вас так, без лишних паркетных расшаркиваний?

Я кивнула, светясь энтузиазмом, как брусок радиоактивного урана излучением, и визави продолжила:

— Видите ли, Кассандра, мы с вашим мужем друзья, очень близкие друзья. — Здесь она сделала паузу, которая дала бы мне возможность задуматься. Поскольку пауза затягивалась, а я не проявляла никаких признаков волнения или хотя бы потуги мысли, Ликримия была вынуждена продолжить и прямым текстом пояснить: — О нас в свете ходят слухи самого приватного толка.

Возможно, в этом мире такой трюк, когда любовница заявляется к молодой жене, и сработал бы, толкнув неопытную юную девушку на отчаянные поступки: выяснение отношений (которые еще и не наладились толком) с мужем, измену из чистой мести, может быть, даже побег или что еще хуже... Но увы, пришедшая напоролась не на утонченную натуру, а на дитя прогресса, возвращенное на культуре масс-медиа.

— Ах, бросьте, слухи — это пустое. — Я пренебрежительно махнула рукой, на манер зазывалы, которому покупатель пытается доказать, что в лавке, так рьяно рекламируемой крикуном, товар лежалый. — Друзья Ария — мои друзья.

На мгновение на лице блондинки отразилась растерянность. Правильно: готовишься к сражению, подбираешь речь и оружие (пусть и морального плана), а твой противник просто разворачивается и, наплевав

на битву, несется сломя голову совсем в другую сторону. Я усмехнулась: вот такая она, неожиданная победа, когда, начав отступать, путаешься в направлении.

Впрочем, графиня Шоон быстро взяла себя в руки.

— Ах, как верно вы сказали, Кассандра. Поэтому-то Арий и обратился ко мне, как другу, и, самое главное, как к женщине, с просьбой поговорить с вами на деликатную тему.

«Так, где тут вилка: лапшу с ушей снимать?» — прокомментировала я последние фразы Ликримии. Да ни один нормальной мужчина (а Арий, несмотря на все его заморочки, показался мне именно таким) не попросит свою любовницу о такого рода одолжении. Похоже, что Ликримия сделала ставку на неопытность Кассандриолы. Интересно, и откуда такая уверенность? Надо будет Фира расспросить о характере настоящей Кесси. Сдается мне, что это утонченная барышня. А осведомленность блондинистой любовницы в вопросе особенностей натуры соперницы наталкивала на невеселые мысли.

В зал, заблаговременно оповестив о своем приближении позвякиванием посуды, вошла Нария. Она самолично несла поднос с чаем, и лицо у нее при этом было, как у новичка-йога, всю ночь танцевавшего на горячих углях, а поутру попытавшегося пройти обожженными ступнями по грешной земле. Судя по всему, с госпожой Шоон служанка была хорошо знакома и никакого пиетета к ней не испытывала.

Не проронив ни единого слова, камеристка расставила чашки с чайником на столик и застыла в книксене.

— Спасибо, Нария, если мне что-то понадобится, я сообщу.

Когда камеристка удалилась, недовольно шурша юбками, я налила заварку в одну из чашек.

— Вы какой чай предпочитаете, крепкий? Пожалуйста, сладости, пахлава, щербет, сушеные фрукты... — Роль гостеприимной хозяйки давалась мне с трудом. Хотелось обложить эту наглую стерву последними бранными словами, но я мило улыбалась.

— Спасибо, я сама...

Графиня с невероятным изяществом, оттопырив мизинчик, начала наливать чай в чашку. У меня создалось впечатление, что это было сделано лишь для того, чтобы я оценила, насколько она грациозна, насколько превосходит меня во всем, даже в мелочах. Я-то то же самое сделала попростому, как дома у себя: одной рукой держа чайник за ручку, другой придерживая крышку, чтобы та ненароком не соскочила.

Второй раунд словесного боя без правил открыла графиня:

— На чем мы остановились? Ах да, просьба! Так вот, Арий, прошу прощения за столь фривольное обращение, но мы с ним давние друзья и называть его князем, величая родовым именем, у меня язык не повернется, Арий попросил меня просветить вас на деликатную тему. В вашей стране, я знаю, бытуют весьма строгие нравы, и порою девушки о плотской стороне семейной жизни не имеют ни малейшего понятия. Поэтому я, со своей стороны, желая вам лишь семейного счастья... — она замолчала, словно подбирала нужные слова, а потом спутано произнесла: — но драконы, в отличие от людей, натуры гораздо более страстные, горячие, увлекающиеся. Если дракон влюблен, для него нет слова «невозможно», никакие оковы, даже семейные, будут не в силах его удержать. Поэтому будем откровенны...

Так и хотелось сказать: «Барышня, говорите прямым текстом: я любовница вашего мужа и собираюсь ею оставаться и вертеть Арием так, как мне заблагорассудится, а ты, женушка, подвинься и не высовывайся». Но я продолжала молча дегустировать чай, в голове хмурыми тучами ходили мысли: «Так, хотите откровенности, дорогуша, вы ее получите, только смотрите, в потоке информации не захлебнитесь». Про себя усмехнулась. Половое воспитание, о котором столько трещат СМИ, помноженное на «Пятьдесят оттенков серого», приправленное «Камасутрой» в обработке Декамерона, — смесь убойная. И плевать, что я только теоретик, тут главное красочно преподнести картинку, показав себя в данном вопросе профессионалом. Набрав в грудь побольше воздуха, приготовилась к импровизации. В голове мелькнула идиотская мысль: «Только бы не покраснеть, а то весь эффект на нет сведу».

— Мы с вашим мужем любим друг друга, и это чувство не только платоническое...

— Ах, вы об этом! А мы с Арием уже обсуждали этот вопрос. Признаться вам, но сугубо между нами, раз уж нам довелось делить ложе с одним мужчиной: Арий в постели великолепен! Как он нежно обнимал меня со спины, целуя шею... — Теперь уже я вошла в роль, мечтательно закатив глаза, словно вспоминая о неземном наслаждении.

Фир, до этого недовольно копошившийся в волосах, замер и на уровне инфразвука, шипя мне в районе уха, выдал: «С ума сошла? Кассандриола — кроткая, воспитанная барышня, она бы умерла со стыда, если бы такое сказала».

«Вот и подтвердилась догадка о натуре настоящей Кесси», — мелькнула мысль.

Сказанная мною фраза произвела впечатление не только на Фира. Судя

по участвовавшемуся дыханию собеседницы, я первой же репликой попала в самую точку. Наверняка описала излюбленный прием соблазнения, который использовал муженек, и решила добавить масла в огонь:

— Мы провели в спальне ночь, полную страсти. Жаль, что она так быстро закончилась...

Лицо блондинки начало терять миловидность, проступили жесткие черты: появилась носогубная складка, свойственная натурам решительным, но спесивым, глаза сузились так, словно Ликримия собиралась прицелиться. Но добила ее моя последняя реплика:

— Но раз уж мы все трое знаем друг о друге и в некоем роде связаны, зачем таиться? Можно и ложе разделить на троих. Уверена, Арий будет в восторге: две его женщины в одной постели... Сдается, у него сил хватит на обеих...

Виновата, не сдержалась, слишком уж хотелось увидеть истинное лицо этой женщины. До визитерши наконец-то дошло, что над ней изощрённо издеваются. Она хотела порывисто вскочить со своего места. Не знаю уж, что она задумала сделать: вцепиться мне в волосы, расцарапать лицо... Но потом женщина с силой сжала подлокотник. Мне даже показалось, что на мгновение ее ногти удлиннились и почернели.

— А я вас недооценила, любезная. Вы, оказывается, серьезный противник.

— Проклятие ваших рук дело? — Била наугад, но слишком уж все было одно к одному: и ее осведомленность о настоящей Кассандриоле, и проклятие, полученное накануне помолвки, обернувшейся свадьбой, и мотив. Вот только я готова съесть тапку, если это ревность. Так не ведет себя влюбленная женщина. Слишком много выдержки. Скорее Арий — ценный куш, который эта актерка не хочет потерять.

Ее дальнейшие слова подтвердили догадку:

— Мне донесли, что Кассандриола Глиберус — тихая серая мышка, застенчивая и покорная, недалекого ума. — В ее голосе звучали шипящие нотки, как у кобры, раздувшей капюшон. — Как догадались? — В последней реплике проскользнуло и невольное уважение.

— Слишком все последовательно получается: объявление о помолвке, проклятье, теперь визит. Кстати, как насылали-то? Это так, чисто из исследовательского интереса.

— Букет роз. Девушкам не следует принимать цветы от незнакомцев. Встречный вопрос: как удалось избавиться? От лилового моря спасения нет.

Фир, прикрытый несколькими завитыми локонами, свободно

ниспадающими у висков, угнездился у самого уха. На последней фразе блондинки он закопошился, а потом прошептал, то ли поясняя мне, то ли просто вслух: «Так вот почему умер тот докторус, который первым осматривал Кесси: в нем, наверное, была магия, перетянувшая на себя основную часть проклятья».

Я же предпочла выдать дезу:

— Цветы... цветы не всегда доходят до адресата.

На лице собеседницы за одно мгновение отразилась целая палитра эмоций. Я же продолжила:

— А что касается конкретно сегодняшнего вашего визита: ищите себе нового (чуть не ляпнула «спонсора», но вовремя спохватилась) покровителя. Этот дом отныне для вас закрыт.

— Не вы ли, Кассандриола, закроете здесь мне двери?

Ее самоуверенный тон, надменная улыбка и в то же время напряженная поза... Время словно замерло, превратившись в вязкий кисель. Даже птица за окном застыла в полете. На мгновение в глазах зарябило, а потом я вдруг словно со стороны увидела нас обеих, сидящих в креслах. Картина была не статична.

Графиня аккуратно поставила чашку, стрельнув глазами на вазочку со свежими фруктами. Солнечный блик озорно пробежал по лезвию небольшого ножа, предназначенного для резки яблок.

Вдруг Ликримия резко вскочила, поправ все нормы светского общения, отринув воспитание, которое было в ней лишь наносное, тонкой пленкой прикрывающее истинную натуру. Внутренняя суть взяла свое: схватив со столика нож для фруктов с намерением то ли изуродовать, то ли убить, она метнулась к девушке, сидящей напротив нее в кресле, — ко мне. Ко мне? Здравая часть рассудка отказывалась в это поверить: как я одновременно могу быть и сторонним наблюдателем, и участницей разворачивающейся сцены? А действие меж тем продолжалось: я, сидевшая в кресле, оттолкнувшись ногами, позволила ему упасть назад. Голова, инстинктивно прижатая к груди, при падении не задела пола. Не мешкая, я-не я тут же откатилась, а графиня, ринувшаяся вперед, напоролась на торчащие ножки упавшего сидалища и запнулась. Мой двойник, не мешкая, оседлала противницу, несколько раз приложив ее лбом о паркетный пол, подкрепляя действие фразой:

— Запомни, стерва, раз и навсегда: еще раз попытаешься меня убить, и никто в этом мире даже трупа твоего не найдет.

Противница лягалась, царапалась, извиваясь, но молчала. Наконец она

прошипела:

— Я тебя все равно уничтожу!

Ее тело начало менять очертания.

Скатившись с Ликримин, я — участница действия — задом начала отползать, а полудраконница-получеловек — оскалившись разъявленной пастью — наступать. Вот она подошла ближе, ее уже не совсем рука, а скорее покрытая чешуей лапа с когтями потянулась к шее. Она приподняла меня над полом:

— Арий мне это простит, — прошипела она, — я сумею убедить его, что все произошло случайно: мы стояли на балконе и мило беседовали, а ты оступилась и, нечаянно перегнувшись через перила, упала и разбилась...

— Он не поверит, — мой голос был сиплый, как у баяна с порванными мехами.

— Поверит, поверит, моя дорогая, я умею быть убедительной, особенно после бурной ночи. Арий тем и хорош, что слишком честный, он и представить себе не может, насколько мы, женщины, коварны...

С этими словами она распахнула балконную дверь, и мое тело полетело вниз...

Пока я наблюдала картину, в голове успела мелькнуть мысль: «Почему мне так фатально не везет на полеты из окон и уже с ними?»

Видение исчезло, воздух вновь стал обретать прозрачность, а в душе поднималась волна ярости: эта стерва, сидящая передо мной, только что меня убила. Графиня, ни о чем не подозревая, аккуратно поставила чашку, солнечный блик пробежал по лезвию ножа.

— Даже не думай! — Я сама не узнала свой голос. Было такое ощущение, что от него может расплавиться броня. А в душе уже все кипело. Злость буквально застила глаза, требуя выхода. Было одно желание — стереть с того, что еще недавно было миловидным лицом, ухмылку заведомой победительницы.

Руки стали наливаться огнем. Языки пламени, плясавшие на открытых ладонях, я воспринимала как нечто само собой разумеющееся. Захотелось собрать сгусток жара побольше и кинуть прямо в Ликримию.

Противница испуганно вжалась в спинку кресла, когда я, сама не осознавая как, начала закручивать на ладонях огненные торнадо.

— Я признаю свое поражение, — прошипела драконница. Ее глаза расширились от ужаса, и она, тихонько поскуливая, начала вставать, а потом и пятиться к балкону. Боком подходя к двери балкона, аккуратно, не спуская с меня взгляда, нажала на ручку и так же плавно переступила

порог, а потом, резко оттолкнувшись уже не ногами, лапами, прыгнула вниз.

Спустя пару мгновений в небо взмыл фиолетовый дракон.

— Кесс, успокойся, успокойся, Кесси, иначе сила выжжет тебя дотла! — Крик Фира проникал в сознание как сквозь вату, мне не хотелось его воспринимать, но пытавшийся меня дозваться был настойчив. — Приди в себя! Вспомни о том, что тебя успокаивает: о доме, семье, отдыхе, я не знаю, море...

Сознание зацепилось за последнее слово... море. Лазурная гладь коктебельской бухты, величественный вулкан Карадаг и Золотые ворота... там мы отдыхали всей семьей несколько лет назад... Воспоминания, как неспешная волна, то накатывали, то отступали прочь, успокаивая.

Огонь на руках начал угасать.

Когда от него не осталось и следа (даже волдырей), таракашка с возмущением произнес:

— Ты что творишь, сумасшедшая? Ты только что чуть себя не угробила и весь замок не взорвала к мракобесам собачьим!

Когда Фир чуть поутих, он соизволил пояснить:

— Знаешь, на месте этой графини я бы, если мог, тоже бы дал деру: создать сердечник огненного торнадо без специальной предварительной подготовки, амулетов, заклинаний, на одной только чистой силе... На это не всякий сильный маг способен. Нужно испытать сильнейшее потрясение, которое напрочь сорвет крышу так, что уже будет наплевать на жизнь, чтобы суметь сотворить такое. Что на тебя нашло?

— Ты не поверишь... — И я рассказала Фиру о видении.

— Вот оно как! А я-то думал, что рассказы о рикошете передачи силы — миф.

— Что за рикошет? — спросила на автомате, лишь бы что-то сказать, все еще сидя с неестественно прямой спиной.

— Говорят, что, когда маг, умирая, передает свою силу другому, то, проходя через принимающего, она может срикошетить по его способностям. Но это всего лишь предположение. Маги, если умирают своей смертью, то под конец жизни их магический резерв бывает почти пуст, и передавать собственно-то и нечего. А если так, как наш покойничек, обычно все до капли тратят на попытку сохранить себе жизнь: залечить раны или, может, проклятье напустить. Но вот нам с тобой попался редкий экземпляр, альтруист, чтоб его!

Хмыкнула на последнее заявление таракашки.

— Скорее всего, он просто не успевал проклятье на убийц наложить,

для этого нужно пусть немного, но времени. А может, его кинжалом из алькулара — это металл такой особый, специально для убийства колдунов, чтобы те, умирая, тебя магией достать не смогли, пырнули. А нам вот его наследство досталось. Ну да я отвлекся, — сам себя перебил Фир. — О рикошете, который предположительно возникает при передаче силы. Судя по всему, у тебя была хорошая интуиция.

«Ну да, хорошая, — я усмехнулась, — такая хорошая, что Лихославского не учуяла...» Шестилапый же болтун, ничего не заметив, продолжал:

— Скорее всего, она и обострилась, когда тебе грозила смерть. И заметь, смерть не внезапная, ей предшествовало все нарастающее волнение...

— Скорее, нарастающая злость, — уточнила я.

— Кстати, о злости. — Фир стал предельно серьезен. — Пожалуйста, постарайся больше так не делать и держи себя в руках. До этого момента, пока магия в тебе спала, все было нормально, но сейчас... Понимаешь, многие сильные маги умирают именно при нечаянной инициации, выжигая сами себя, если сразу же открываются на полную.

Я озадаченно посмотрела на Фира.

— Как бы тебе объяснить, — начал мой усатик, — сила мага — это своего рода водохранилище. Чем сильнее маг, тем оно больше. И у этого хранилища есть дамба. Маг, когда колдует, как бы приоткрывает эту дамбу. Если заклинание требует толику магии — то шлюз будет в диаметре с иголку. Если много — то большой. Ты же сейчас едва не опрокинула всю дамбу, балансировала на грани. Представь только, смогла ли бы ты остановить такой большой поток силы, враз хлынувший из твоего резерва? Отвечу — нет. Поражаюсь только, как ты вообще смогла взять себя в руки. Я, если честно, уже простился с жизнью. Поэтому с сегодняшнего дня прошу тебя: контролируй свои эмоции, ради своей же безопасности. Иначе «подарочек» архимага погубит тебя.

— И как мне быть? Постоянно пить валерианку?

— Зачем валериану? — удивился таракашка.

— Ну, чтобы быть спокойной и пофигистичной, раз сила, вызванная волнением, может меня убить.

— Давай договоримся так: валериану ты не пьешь, а слушаешься меня. Как маг я, конечно, нулевой, лишь накопитель, но в теории чародейства разбираюсь вполне. Постараюсь обучить тебя хотя бы азам управления силой и...

Договорить Фиру не дала распахнувшаяся дверь. В гостиную вбежал

Эрин. Его расхристанный вид свидетельствовал о том, что его выдернули прямо из постели.

— Где Ликримия? — вместо приветствия спросил ушастый.

— Уже ушла, — я была сама невинность, — вернее, улетела, через окно. А до этого мы мило побеседовали.

— Только побеседовали? — Эльф подозрительно прищурился.

— Да, побеседовали.

— Уф... признаться, я испугался. Эта драконица славится яростным нравом и идет к цели порою по трупам, хотя последнее и не доказано. Её соперницы неудачно попадают под дождь и долго болеют чахоткой, их сбрасывают лошади, они вдруг резко уходят в монастырь... За графиней тянется шлейф из интриг и любовников. Эта госпожа Шоон, к слову, родом из торгового сословия, имеет за плечами двух умерших супругов: маркиза и графа. Поскольку же ее нынешняя цель — Арий, и, по слухам, она вознамерилась стать княгиней Дирриетгинг, так что...

— Думаю, после нашего разговора она изменит свои планы. — Я пожала плечами, хотя в глубине души на это и не рассчитывала. Столь целеустремленные натуры, как эта блондинка, просто так не отступают. Да, сейчас она испугалась, но пройдет время, змея вновь соберет свое тело в извивающиеся кольца, чтобы распрямить их в атакующем броске.

— Вы уверены? — скептически осведомился эльф. — Арий для нее самый лакомый кусок. Он девятый в боковой ветви престолонаследия, а у правителя, как известно, только дочери...

«Так вот что за птица, пардон, дракон, мой муженек, — резюмировала я. — Тогда настойчивый интерес Ликримии вполне понятен. Стоит быть вдвойне осторожной».

— Встречный вопрос: кто вам сообщил о визите графини, что вы так спешно покинули свою постель?

Эльф, о чудо, засмутился, и, подергав мочку уха, признался:

— Нария. Ваша камеристка весьма заботится о вашей безопасности.

Судя по реакции Эрина, моя камеристка не церемонилась в способах побудки. Не удивлюсь даже, если она стащила с леголасообразного одеяло, чтобы тот побыстрее встал.

Мне отчего-то стало смешно. Наверное, таково свойство женской натуры: если не плакать от пережитых потрясений, то смеяться. А еще захотелось озорства и милых женских радостей, таких как шопинг. Жаль только, что торговых центров в этом мире нет. Хотя... вроде салоны мод должны иметься. По таким, конечно, хорошо ходить с подружкой, ну да и Эрин в качестве таковой сойдет.

Эльф бдительно осматривал зал, искал взглядом следы нашей милой беседы и даже не подозревал, какая нелегкая роль на сегодня ему уготована, как и не догадывался о настойчивом поклоннике, с которым его сведет судьба (и я) во время «модного» вояжа.

— Я желаю пройтись по магазинам! — Все лукавство, что было в моей душе, постаралась вложить во взгляд. Отчего-то смех так и разбирал. Хотелось побыть просто девушкой, окунуться в пестроту нарядов, тех милых каждому женскому сердцу мелочей, что отвлекают от грустных мыслей. И было наплевать, что до столичных «бутиков», по утверждению эльфа, больше двух суток езды в карете.

Эрин слегка растерялся, зато Нария, бдительно стоящая в дверях, ворчливо произнесла:

— Ну, если госпожа так желает, можно вестником вызвать и ездовую виверну.

От такого заявления я удивилась: считала этих самых виверн родственниками драконов, а здесь... Как сказал бы знаменитый детектив из мультика «Следствие ведут колобки»: «Ни-че-го не понимаю!» Вот и я так же, совсем как этот колобок. В вопросе виверн оказалась полным профаном, но раз для этого мира данное — норма, то решила, что выказывать удивление — не след.

— Буду благодарна. Нария, распорядись, пожалуйста. — А потом, взглянув на взлохмаченного эльфа, мстительно произнесла: — Эрин, вы непременно должны составить мне компанию. Подруг у меня здесь пока нет, но я слышала, что такие утонченные мужчины, как вы, превосходно разбираются в особенностях дамского туалета.

Леголасообразный покрылся нервическими пятнами и хотел было уже что-то сказать, но в последний момент захлопнул рот, совсем как рыба, выброшенная на берег.

«Вот тебе, шпиён, назвался груздем, следуй роли!» — подумалось мстительно. В моей душе черти все еще плясали джигу, раз хотелось проказ, мелких и не очень.

Эрин, наконец, совладал с собой и выдал приличествующий приглашению ответ:

— С превеликой радостью. А пока виверна не прилетела, прошу прощения, но мне нужно удалиться, чтобы привести себя в порядок.

С этими словами эльф, поклонившись, вышел. Нария отбыла выполнять распоряжение еще раньше, и мы с Фиром вновь остались одни в гостинной. Я перевела дух и спросила о самом насущном, о виверне: кто это такая и с чем ее едят?

Фир, покинувший свое волосяное убежище, уместился у меня на плече и, деловито шевеля усами, задрал переднюю лапу в поучительном жесте.

— Неуч! Виверна — истонное домашнее животное сынов неба. Это только в вашем мире ее путают и считают маленьким драконом. На самом деле... как бы проще тебе объяснить? Вот у вас обезьяна и человек — похожи?

— Ну да, — согласилась я.

— Вот и виверна так же похожа на крылатую ипостась дракона, но таковым не является. К тому же она достаточно глупа, и ей требуется погонщик.

Мое сознание тут же выдало картинку по аналогии: лилипут верхом на горилле, почему-то крылатой. От представленного я инстинктивно пожала плечами, отчего Фир, не удержавшись на задних лапах, совершил кульбит, приземлившись в районе моего декольте. Побарахтался немного, ворча:

— Аккуратнее не могла?

Как только таракашка выбрался из пикантного углубления, он тут же выдал дельный совет:

— И тебе следует привести себя в порядок, все же в домашнем платье на виверне летать не комильфо: юбка задирается будет, — членистоногий хихикнул и ехидно присовокупил: — хотя один эльф, чувствуется, совсем не прочь полюбоваться женскими ножками, оголенными до бедра, если ветер начнет играть в полете с юбкой.

Я подзависла, уставившись на подол. До этой фразы напарника как-то не задумывалась, по какому принципу платья знатных леди подразделяются на домашние, прогулочные, для верховой езды и прочее. В нашем-то мире все ясно: есть деловые и спортивные костюмы, коктейльные платья, вечерние, а вот здесь наряды для верховой езды и полета на виверне — но в чем разница двух последних?

— Пойдем наверх, — проворчал таракашка, — буду тебя просвещать. — И, уже бурча себе под усы, добавил: — И эта ненормальная, не разбирающаяся даже в азах женской моды, собралась по дамским магазинам...

Виверна с погонщиком прилетела, когда солнце было уже в зените. Она, а вернее он, ибо это был самец (как позже пояснил погонщик), спустился на центральную площадку замка, хлопая крыльями. Облако пыли не поднялось лишь по той причине, что брусчатка была идеально чистой.

Я стояла и не верила своим глазам. Нет, определенно это создание — гораздо мельче, чем тот льдистый дракон или же лиловая Ликримия, но все

же весьма внушительное. Подобие седла было расположено на высоте около двух метров в основании шеи этой летающей ящерицы. Пока я, задрав голову, думала, как забраться на такую верхотуру, погонщик, свесившись на манер джигита из седла, так, что голова оказалась ниже стремени, протянул руку вниз со словами:

— Госпожа, поднимите руки.

Эльф, воспользовавшись предлогом, не спрашивая моего разрешения, тут же ухватил меня за талию и поднял. В результате слаженных мужских действий я ухватилась за руку погонщика, и тот с невероятной легкостью подтянул меня до уровня седла. Эльф же сам, без помощи погонщика, взбежал по крылу виверны и сел позади меня.

Фир, наблюдавший эту картину, прокомментировал: «Именно поэтому ездовыми вивернами пользуются исключительно мужчины: в седло обычно забираются по крылу двуногой ящерицы, как на драккар по веслу. С женщинами же одна морока...»

Нария, наблюдавшая за мной и Эрином, неодобрительно покачала головой. Вполне понимала и даже отчасти разделяла ее чувства: эльф уж как-то особенно близко норовил прижаться грудью к моей спине. Таракашка, вцепившись в волосы лапами, напряженно замер в моей прическе.

Ящер, напружинив лапы, оттолкнулся от земли, и, тяжело хлопая крыльями, начал набирать высоту.

— Давай, родимый Яцек, давай, — увещевал погонщик свою животину. — Это последний рейс на сегодня, довезем барышню с кавалером до столицы, и все, на покой.

Я уставилась в загривок дородному мужику, вольготно болтавшему ногами, в то время как ящер взлетал все выше, а потом повернула голову в сторону и уже не смогла отвести взгляда.

Изумрудная зелень предгорий, сияние тысячелетнего льда, венчавшего горный хребет, небесная лазурь, прикрытая белесой дымкой у самой линии горизонта, — красота была невероятной и, что самое главное, живой, настоящей, не глянцевой. Ее можно было ощутить в ветре, бьющем в лицо, в запахе горной свежести, в нестерпимых лучах солнца, к которому мы сейчас были гораздо ближе, чем обычно.

Но белокаменный Актыр приближался стремительно. Вот виверна зашел на вираж, спиралью спускаясь к центру площади. Там уже стояли такие же крылатики, как и этот Яцек. Наконец, ощутимый толчок известил о том, что мы на грешной земле.

— Уф! Я думал, этот полет никогда не кончится, — прошипел мне в

ухо Фир. В его голосе слышались нотки паники. Судя по всему, таракашка здорово струхнул.

— Позвольте вам помочь. — А вот это уже был ушастый пройдоха, ловко, без помощи погонщика, соскочивший с седла. Эльф уже галантно протягивал руки, стоя внизу. Судя по всему, он предполагал, что я спрыгну к нему в объятия.

А мне вот не хотелось давать этому ушлomu хитрецу возможность меня полапать. Но высота тоже была приличной.

Дилемму решил Яцек. Виверну надоело ждать, когда же всадники соизволят разобраться в очередности спуска, а погонщик, расслабленный окончанием рабочего дня, потерял бдительность. Как результат, ящер недовольно переступил лапами и дернул шеей.

Погонщик, не раз испытывавший на себе норы виверна, в седле усидел, а вот я полетела вниз, причем от неожиданности враскоряку. Что же, чаяния ушастого отчасти сбылись; я оказалась у эльфа, только не в объятиях, а на шее. Эрин, от неожиданно свалившихся на него пятидесяти килограммов «счастья», оступился и начал заваливаться.

Я же, почувствовав, что моя эфемерная опора ускользает, инстинктивно вцепилась в ближайшую выступающую деталь. Ею оказался сапог погонщика.

Взревели все: Эрин, оттого, что приложился спиной о брусчатку, погонщик, оттого, что его частично раздели (портянка, из которой торчал большой палец, имела непередаваемое амбре), и я, чудом приземлившаяся на ноги с трофейным сапогом гренадерского размера, от неожиданности.

«Да уж, фееричное начало покорения столицы», — подумалось некстати. Мысли таракана были созвучны с моими:

— Тихо соскользнуть в объятия пылкого воздыхателя у нас не получается, не так ли, Кесси? — Его ироничное обращение ко мне заставило заозираться по сторонам в надежде, что у этого короткого представления нет свидетелей. Три раза «Ха!». Зрителей нашлось в избытке.

Я с самым невозмутимым видом повертела в руках трофей, и, пожав плечами, обратилась к публике:

— Наверное, размерчик великоват: сидит плохо.

А потом, беспечно кинув сапог через плечо, пошла прочь. Как ни в чем не бывало.

Эльф нагнал меня спустя пару шагов, с таким же невозмутимым видом пристроившись рядом:

— Вообще-то дамские магазины в другой стороне, — будничным

тоном уведомил он.

— Ну и что, сейчас главное уйти, не привлекая внимания, с вектором движения потом разберемся.

— Логично.

И мы под ручку, как приличная парочка, двинулись дальше, аккуратно затерявшись в толпе. Отойдя на приличное расстояние от места «десантирования», Эрин осведомился:

— Скажите, княгиня, вы всегда так экстравагантно подходите к обыденным ритуалам?

— Поясните? — великосветским тоном осведомилась я, хотя прекрасно понимала, о чем речь.

— То ведром привечаете, то подсвечником грозите, то вот на шею садитесь в прямом смысле этого слова...

— Это мой фирменный стиль. — А что еще ответить на такое заявление леголасообразного?

— Учту. — В словах эльфа слышалась грусть. Наверняка он уже мысленно прикидывал, где прикупить местные аналоги каски и броники, с такой-то бедовой клиенткой, как я, это будет не лишним.

В дамский магазин мы попали, сделав изрядный крюк. Может, и к лучшему: я хотя бы успела привести мысли в порядок. Витрина данного заведения призывно пестрела розанами и купидончиками всех мастей. Вывеска над ней гласила: «Салон госпожи Ми-Ми», а под ней подпись: «В наших товарах вы проведете незабываемые дни и чудесные ночи». Наверное, местным барышням такая реклама казалась завлекательной, у меня же вызвала лишь умиление: мир без бьющего в глаз неона и промоутеров, что норовят всунуть флаер всем проходящим мимо, — в нем есть своя прелесть.

Как только Эрин галантно отворил передо мной дверь, раздался мелодичный звон. Судя по всему, он был призван оповестить хозяйку о посетителях. Но мои ожидания не оправдались, в том плане, что навстречу нам действительно поспешили. Но это была не почтенная фрау или легкомысленная мадемуазель. Утонченный до вязкой карамели на зубах фронт расплылся в приветственной улыбке.

— Приветствую вас, уважаемая госпожа. Чего желаете? — обращался он именно ко мне, удостоив спутника лишь приветственным кивком, выражающим почтение, но не более.

— Здравствуйте, — вежливость наше все, как и умеренное кокетство. — Желаю. Много. Понимаете, я недавно вышла замуж, и хотелось бы...

— Прекрасно вас понимаю. — Приказчик улыбнулся, стрельнув глазами в эльфа. Заинтересованно так стрельнув. — В нашем магазине есть прекрасный выбор. Ваш супруг желает подождать вас здесь или пройти...

Эльф, услышавший последние слова, воспрянул духом и, перебив говорившего (наверняка опасался, и справедливо, надо заметить, моих возражений), произнес:

— Конечно, желаю!

Ах ты, паразит ушастый! Даже не поправил местного «менеджера» относительно нашего статуса. Какие мы, к чертям собачьим, супруги? Я злобно подумала: «Весь шопинг испортить решил? Ну, теперь держись!» Если до этого я планировала остановиться на шляпках и шпильках, то сейчас этот ушлый пройдоха у меня получит по полной.

— Скажите, а какие вы можете предложить пеньюары, ну, чтобы... — вполголоса проворковала я.

А дальше началось персональное испытание для Эрина. Я-то, дитя двадцать первого века, не смущалась чулок и кружевных пеньюаров, воспринимая все как игру: порою ловко выставляя обнажённую ножку из-за ширмы или щеголяя в нижних полупрозрачных рубашках.

Эльф, сидя в мягком кресле, все сильнее закидывал ногу на ногу, а потом и вовсе положил на колени дамский журнал, причем кверху ногами. Его учащенное дыхание и порозовевшие кончики ушей, которые он все чаще пощипывал, свидетельствовали: он по достоинству оценил спектакль. Я подливала масла в огонь фразами:

— Арию больше понравятся вот эти чулки в мелкую или в крупную сетку? А подвязки лучше муаровые? — И задирала подол ночной рубашки до середины бедра.

Фир, периодически, пока я переодевалась за ширмой, вставлял свои комментарии, как поэффектнее распахнуть полу или приспустить кружевной вырез.

Под конец ушастый все же не выдержал и, решительно выдохнув, заявил:

— Пойду пройдуся.

Мы остались с «менеджером» один на один.

— Ах, какой у вас муж! Я вас поздравляю! А вы, такая смелая... мало кто из дам решится так откровенно щеголять перед супругом, хотя драконицы и славятся горячим нравом, но вы-то человек...

Стало как-то даже обидно, и этот надушенный приказчик туда же: если человек, то бревно, что ли, бесчувственное? Кто меня дернул за язык ответить:

— Ах, ну бросьте! Перед своим мужем я бы не решилась, но понимаете, Эрин, он мне как подруга. Это так удобно, когда мужчина не интересуется женщинами... — При последних словах глаза франта вспыхнули. А я, словно не замечая произведенного эффекта, продолжила: — можно не опасаться ревности супруга и в то же время получить «мужскую оценку» любому наряду. — А потом, словно сожалея, промурлыкала игривым тоном: — Вот только мне теперь стоит опасаться за моего супруга: эльф-то недавно остался без друга, с сердечной раной...

Щеголеватый продавец расплылся в счастливой улыбке, окончательно уверив меня в правильности моих догадок.

Зазвонил колокольчик, оповестив, что кто-то вошел в магазин. «Эрин вернулся», — подумалось. Но сегодня, судя по всему, был день противоречий, ибо вслед за приветственной речью приказчика раздался тонкий женский голосок:

— Графиня Иолин желает купить здесь шляпку.

При этих словах я, как вражеский лазутчик, шпионящий из кустов, высунула нос из-за ширмы. Фир, сидящий у меня на макушке, тоже проводил визуальную рекогносцировку.

Поскольку приказчик оставил дверь открытой, я могла наблюдать за тем, что происходит в салоне, из примерочной комнаты.

В зале с манекенами, обряженными в кринолины и шляпки, помимо самого надушенного франта были две женщины. Одна, судя по всему, молоденькая гризетка, как раз и озвучила волю графини, посетившей этот дамский магазин. Вторая же больше напоминала статую, чем человека. Ее гордый профиль с прямым носом, высоким лбом, четко очерченными скулами — все это было правильно, гармонично, но от этой выверенности линий и форм веяло холодом. И еще — на лице молодой графини не было эмоций. Никаких.

— Это же Айвика! — прошептал таракашка. А потом, не дожидаясь моего ответа, пояснил: — Кесси с ней вместе обучалась в институте для благородных девиц. Не сказать, чтобы они были дружны. Айвика Мири слыла ветреной кокоткой, влюблявшей в себя кавалеров одним только взглядом. Признаться, я ее сразу и не узнал в образе такого холодного истукана.

— Выкладывай все, что знаешь об этой Айвике и об их отношениях с Кесси. — Спряталась за ширму и начала споро одеваться. Без сторонней помощи это было проблематично, но я старалась вовсю. Спешка была оправданной.

— Зачем? — таракашка был удивлен. — Не стоит встречаться с

Айвикой, она может легко распознать в тебе самозванку.

— Ты слышал, как ее назвала служанка?

— Не обратил внимания, — признался таракашка.

— Тогда советую тебе достать список и перечитать его. Там, если не ошибаюсь, значится: Кеттиль Полин — помощник правителя по особым поручениям, — на память процитировала я. — А сюда заглянула как раз его молодая супруга, судя по ее внешнему виду, не слишком счастливая. Соображаешь?

— Ты чокнутая! — вынес вердикт усатый, осознав весь масштаб задуманной мною авантюры.

— Чем и горжусь. К тому же у меня есть лучший из суфлеров — ты, — польстила я таракашке.

— Ну-ну, — выдал Фир, а потом, все же смирившись с неизбежным, начал выдавать ЦУ: — Особо о прошлом не говори. В институтскую бытность Кесси и Айвика не очень общались. Твое *alter ego* была примерной ученицей, прилежной, а Айви...

— Дай угадаю: местной звездой, — шепотом перебила я усатика.

По тому, как он насупился, поняла: вмешиваться не стоило.

— Ладно, прости, больше перебивать не буду.

Фир извинение принял и начал короткий рассказ о дортуарных страстях, что разгорались между воспитанницами института: про битое стекло в подушке и фискалок, про строгих учителей и ночные вылазки. Судя по его повествованию, Кесси эти радости институтской жизни обходили стороной, а вот Айви участвовала в них по полной. Если честно, как-то не вязался образ, который мне описывал таракашка, с увиденным только что. Чем можно было бы объяснить столь резкую метаморфозу? Уж не замужеством ли?

Я расправила юбки и вышла из-за ширмы со словами:

— Будьте так любезны отправить все выбранное мною в замок Дирриетгинга, — произнести это старалась буднично, чтобы и сомнения не возникло: я не заметила вошедших.

Повернулась к выходу и тут только, лицом к лицу столкнувшись с Айвикой, произнесла:

— Мири? Ты ли это?

Молодая женщина вздрогнула, словно от удара, а потом, глядя мне прямо в глаза, произнесла:

— Уже не Мири, уже нет. Отныне я графиня Полин, дорогая Кассандриола.

С говорившей происходила странная метаморфоза, словно маска, не

выдерживая напора чувств, давала трещины. И сквозь них проглядывали отчаяние, боль и грусть о былом.

Я чувствовала себя палачом, препарирующим без анестезии, но мне нужны были ответы на вопросы, а Айвика была той, кто может мне их дать. Умом понимала, что эта женщина держится из последних сил, скрывая боль за невозмутимым, ледяным фасадом. Сейчас, стоя с ней рядом, я это отчетливо понимала. Такое выражение было у матери моей лучшей подруги — Анжелы, когда та потеряла мужа. Помню, как вдова крепилась, не проронив ни слезинки, и у нее на лице была точно такая же маска.

Айвика тоже скорбела об ушедшем. Вот только о ком или о чем? О любимом, оставшемся в той, дозамужней жизни? О родителях? О доме? А сейчас мне предстояло надавить на ее чувства, чтобы сломать эту мраморную личину.

Я — живое напоминание ей об ушедшем, соотечественница на чужбине. Если правильно расставить акценты, то она захочет мне выговориться сама. Потому как человек, находящийся на грани срыва, либо открывает душу тому, кому хотя бы отчасти доверяет, либо летит в пропасть отчаяния.

— Ну и я не Глиберус, а Дирриеттинг, но это ничего не меняет. Для меня ты все та же Айви, любительница проказ и сердцеедка.

На мои слова гризетка скривилась. Произнесенное мною ей было не по нраву: как же, она с такой гордостью произносила «графиня Полин желает...», а я тут напоминаю о прошлом. На Айвику же сказанное произвело обратный эффект: лед в ее взгляде стал таять.

— Не думала, что я это скажу, но рада тебя встретить, Кесси. — Молодая женщина попыталась улыбнуться. — Я понимаю, в институтскую бытность меж нами были разногласия...

— Не стоит. Лучше жить сегодняшним днем, — я улыбнулась в ответ и как бы невзначай перевела тему: — вот, например, сегодня я пожелаю купить рубашку, а ты — шляпку. Так давай же выбирать, а потом сможем посекретничать за чашкой чая.

«Кажется, ключи подобрала, теперь нужно аккуратно открыть дверь, чтобы найти ответы на вопросы. Главное, чтобы при этом петли не закрипели», — подумала я, глядя на Айвику.

Собеседница согласилась с предложением, подошла к одному из манекенов.

— Мне приглянулась вот эта. — Айви указала кивком головы на зеленую шляпку с белоснежным пером, завязанную на вычурный бант под подбородком манекена.

Приказчик засуетился, снимая головной убор.

— Не утруждайтесь, любезный, просто упакуйте. Моя служанка доставит коробку в особняк.

То, как графиня отмахнулась от покупки, под благовидным предлогом отправив гризетку подальше, говорило: Айвика держится из последних сил.

Ее прорвало, как только мы остались один, еще даже не дойдя до кофейни, что расположилась напротив «Салона госпожи Ми-Ми».

— Наверное, небо наказало меня за мою ветреность, — Айвика заламывала руки, — но я так больше не могу. Прошло меньше недели с того приснопамятного дня, а я...

— Давай сейчас сядем и поговорим, — провела ее за один из столиков в кофейне.

Миленькая разносчица, появившаяся тут же, как только мы с мадам Иолин присели за столик, упорхнула, получив заказ на два кусочка пудинга и пару чашек горячего шоколада.

Графиня благодарно кивнула.

— Я все прекрасно понимала, когда отец сообщил мне о том, что нужно будет выйти замуж за дракона. Это политика, и у любого титула есть своя цена, но к такому я была не готова...

— К чему? — Я участливо посмотрела в глаза собеседнице, чувствуя себя при этом мерзко: игра на чужих эмоциях сродни копошению в грязном белье — перестаешь себя уважать. Но мне это было жизненно необходимо.

— К тому, что мной будут пренебрегать, как вещью, прошедшей по рукам, равнять с уличной распутной девкой... — Она все же не выдержала, и по мраморно-белым щекам покатались слезы. — Мой супруг даже не притронулся ко мне, сказав, что осведомители достаточно его информировали о будущей супруге и он не хочет делить ложе с той, у кого в постели перебивало полгорода.

Вот тебе и помощник по особым поручениям! К невесте подошел как к очередному заданию, а репутация сыграла с ней злую шутку.

— А как же уверения в том, что драконы гораздо более страстные и... — я замялась, подбирая точный эпитет, — любвеобильные?

— Мне, судя по всему, достался особый случай. — Графиня сумела взять себя в руки и уже промокала дорожки слез батистовым платочком. — Холодный как лед и невозмутимый. Он и от меня требует того же: чтобы я блюла приличия. А в его понимании приличия — это полное спокойствие и невозмутимость, монашеская добродетель, помноженная на фанатичную выдержку и строгое следование нормам этикета. Иногда мне кажется, что я душою начала замерзать за эти дни. Вот сегодня муж отправился к театру

военных действий, и я осталась одна. В окружении косых взглядов и шепотков за спиной от прислуги и зорких глаз фискалок. — Она тяжело вздохнула и добавила: — Прости, что столь откровенно вывалила на тебя все это, но накопилось...

«А я подлила масла в огонь...» — закончила за нее. Дальше беседа потекла более плавно. В ходе разговора удалось выяснить, что Кеттиль Йолин покидал янтарную комнату два раза, возвращаясь неизменно в одиночестве. И еще помощник по особым поручениям часто бывал при дворе короля, а следовательно, с убитым у него могло быть продолжительное знакомство. Но больше всего заинтересовала фраза, брошенная Йолином в супружеской спальне. Айвика, процитировав ее, даже не поняла, какую информацию к размышлению мне подкинула. Помощник обронил: «Да все ваше королевство — это один сплошной бордель, где король — главная продажная девка, которая заключает мирный договор с одними против других и тут же продает оружие врагам своих союзников».

Я уже хотела закругляться, когда в кофейню вошел Эрин. Эльф был внешне невозмутим, лишь его глаза метали молнии. Когда он подошел поприветствовать нас, в нос мне ударил запах того самого одеколона, что использовал для газовой атаки приказчик дамского магазина. Судя по тому, как аккуратно сидела на остроухом рубашка и сюртук, как тщательно был завязан шейный платок, создавалось впечатление, что он только что привел свою одежду в надлежащий вид. А кто вызвал беспорядок, судя по запаху, можно было особо не гадать.

— Господин Эриниэль, как вы вовремя! — решила начать диалог первой, чтобы иметь хоть какое-то преимущество в словесных баталиях.

— Признаться, я обошел половину квартала, прежде чем вас нашел, дорогая княгиня. — Его голос по теплоте мог соперничать со сжиженным азотом.

— Позвольте представить вам графиню, мою подругу, Айвику Йолин.

Эльф галантно поклонился и поцеловал даме руку. Айви при этом вздрогнула. Судя по всему, она провела аналогию между эльфом и ее мужем и поразилась сходству. Да, и я бы сейчас леголассообразного посчитала ходячим рефрижератором: бесчувственным и холодным.

— Прости, но я слишком увлеклась беседой, мне пора. — Графиня заторопилась уйти.

Я провожала ее тоскливым взглядом. Сейчас меня ждет буря. Своим «радаром приключений», иначе именуемым пятой точкой, это чую.

— Зачем вы это сделали? — начал без обиняков эльф.

— Что именно? — Косить под дурочку было тяжело, но я старалась.

— Рассказали о моём увлечении первому встречному приказчику!

— Я? Небо милосердное (чуть было не ляпнула «побойтесь Бога», но вовремя вспомнила, что с местным пантеоном незнакома), ничего подобного произнесено не было. Лишь поправила молодого человека, когда он в очередной раз назвал нас супругами, и сказала, что мой муж полностью вам доверяет. Только и всего...

— Тогда с чего вдруг этот... — судя по всему, Эрин все же проглотил слово, так и норовившее слететь с его языка, — так решительно меня атаковал?

— А я откуда знаю, может, он разглядел в вас родственную душу?

Ноздри Эрина раздулись, он покраснел, а его ладонь, лежащая на столе, сжалась так, что костяшки пальцев побелели. «Довела, — подумалось вдруг. — Если сейчас взорвется, то все, мне каюк». Но на несчастье эльфа (потому как он меня не прибил, а следовательно, я и дальше буду доставлять ему неприятности), его профессиональная выдержка взяла верх над эмоциями. Леголасообразный выдохнул, и его черты лица смягчились, будто кто рукой по ним провел, расправляя складку между бровями, прищур глаз, плотно сжатые губы.

— Впредь будьте осмотрительнее в высказываниях, Кассандриола, прошу вас. Возможно, сегодня вы парой неосторожных фраз разбили сердце этому юноше... — Печаль в голосе эльфа была настолько искренней, что мне захотелось заплодировать его актерскому таланту.

«Ну раз вы, дорогой мой Эрин, пожертвовали ферзем в этой партии двух лицедеев, я, так и быть, уступлю пешку и продолжу эту словесную дуэль», — решила для себя. Я влезала в осточертевшую мне роль недалекой барышни с такой же охотой, как в мокрую, пропахшую потом футболку:

— Почему же?

— Потому что я не смогу ответить ему взаимностью, мое сердце с недавних пор занято. И, увы, эта любовь, судя по всему, безответна... — Эльф многозначительно замолчал.

«Ах ты, шельма ушастая! Занято, как же. Только не сердце, а мозги — заданием: про шпионить за женой нанимателя», — в сердцах прокомментировал я. Но его реплика требовала моего ответа в стиле «девочки-барби», и я не подкачала:

— Я уверена, ваш новый возлюбленный обязательно оценит вас по достоинству и ответит взаимностью.

— Княгиня, в этот раз я изменил своим вкусам, и в сердце мне запала

дама...

Так, еще немного, и этот эльф оторвется на мне по полной, разыгрывая сцену «несчастный, влюбленный в жену друга». Надо срочно это прекращать. Ну, я и прекратила, переключив внимание самым банальным образом: расплескала чашку шоколада, к этому времени уже остывшего, на платье. Последнего, правда, было жутко жаль. Мне понравилась эта амазонка из голубого бархата, дополненная вуалеткой. Зато Эрин тут же переключился.

— Ах, какая жалость. Теперь придется лететь обратно, в замок. — Мой голос был полон искренней печали.

* * *

Полет в предзакатном небе был удивителен, портил его только эльф, сидящий сзади.

На этот раз виверна попалась покладистая, а услужливый погонщик без помощи ушастого втянул меня в седло. Когда же мы приземлились во дворе замка, небо уже было бархатно-черным. Нария стояла у крыльца, а рядом с ней был парнишка, держащий стремянку. Судя по всему, камеристке не понравилась утренняя сцена, и она решила воспрепятствовать ее повторению. Что же, за это я старой ворчунье была благодарна. Как только спустилась (самостоятельно), Нария подошла ко мне со словами:

— Госпожа, ужин и ваша спальня уже готовы. — А затем служанка прибавила: — Прибыли посылки из дамского магазина.

Поблагодарила женщину и сообщила, что ужинать по причине большой усталости я желала бы в спальне.

Повернувшись к Эрину, и ему выразила признательность за чудесно проведенный день. При этих словах эльф непроизвольно потер бок, чем вызвал помимо воли у меня улыбку.

— Спокойной ночи, — пожелала я ему, поднимаясь по ступеням.

Ех, знала бы я заранее, что за ночь будет, зареклась бы такое говорить.

* * *

Я уже готовилась ко сну, для себя решив, что покупки буду разбирать

завтра, но, признаюсь честно, не утерпела. Отодвинула крышку одной из коробок. Моя маленькая слабость — изящное нижнее белье. Сорочка, что лежала в коробке, была чудесной. Тончайший батист и ажурное кружево. Я подняла невесомую ткань. Ночная рубашка была в пол, с длинным рукавом и целомудренным вырезом. Вроде бы призванная скрыть все, она, тем не менее, могла распалить мужское воображение посильнее пресловутого бикини, ибо ткань была полупрозрачной. Не удержалась и решила надеть обновку. Батист приятно охлаждал кожу.

Когда собиралась уже закрыть коробку, на дне обнаружила маленькую визитку, пропитанную тонкими цветочными нотками: бумагу явно сбрызнули духами. На фоне амурчиков и купидонов красовалась надпись: «Салон госпожи Ми-Ми: в наших товарах вы проведете незабываемые дни и чудесные ночи». Ниже значился адрес отправления. Повертев картонку в руках, пожала плечами.

Фир, уставший от событий минувшего дня, вовсю подергивал уже лапами во сне, лежа на подушке.

Я, последовав его примеру, тоже отправилась в царство морфея.

Приснившийся сон был, мягко говоря, необычный. В отличие от утреннего видения, в котором Ликримия меня убила, в этот раз я не наблюдала за собой со стороны, а являлась участницей странного действия.

Грот или пещера, очертания которой скрыты во мраке. Мужчина, склонившийся надо мной.

Я лежу на спине, упираясь ногами в камень и прикрыв глаза, чуть-чуть приподнимаясь, а он с осторожностью раздевает меня.

А после мы лежим рядом, лицом друг к другу, уже тесно соприкасающиеся телами так, словно в этом мире нет ничего важнее, чем быть как можно ближе.

Он ласково поглаживает спину, а я выгибаюсь ему навстречу, замирая каждый раз, когда его пальцы соскальзывают вниз по ложбинке моей поясницы. Я вжимаюсь в него, касаясь грудью его груди, животом — его живота, коленями — его колен. И чувствую, как его губы в ответ прижимаются к жилке, пульсирующей на моей шее.

Он нависает надо мной, опираясь на локти, а потом осторожно опускается, будто боясь раздавить. Я наслаждаюсь этим сказочным ощущением тяжести мужского тела. Сильного, горячего.

Воздух с трудом проникает в легкие, опаяя жаром, а в груди, словно бутон на рассвете, разворачивается удивительное чувство предвкушения большего.

В его глазах я вижу нежность, неприкрытую, обескураживающую в своей искренности.

Обнаженные, мы застываем — он надо мной.

Лаская шею, он наклоняется, касаясь губ. Поцелуй, нежный, даже в чем-то целомудренный, набирает ярость, как штормовой ветер разгон. Кто из нас первый перешел эту черту между нежностью и страстью? Мне было все равно.

Он начинает приоткрывать языком мои губы, а я быстро сдаюсь, потому как мне не хочется ждать. Вздвогнув, он открывает глаза и вглядывается в черты моего лица, но мне не хочется отпускать его хотя бы на такую малость от себя, и я прикусываю его губу. Он принимает правила игры, обрушиваясь на меня штормовой волной, его язык играет, дразнит, пробуждает чувства столь же древние, как и сам людской род.

Под сводами пещеры раздается полустон-полурыв, и он раздвигает своими коленями мои ноги. Его губы скользят ниже, целуя шею и ключицы, спускаясь туда, где учащенно бьется сердце.

Я вздрагиваю, мой рот открывается, не издавая ни звука. Желание все нарастает во мне, пока он ласкает упруго затвердевшие полушария.

Его ладони, скользящие по моему подрагивающему животу, гладкому бедру...

Наши тела охватывает дрожь, которая рождена в безмолвном крике наслаждения.

Стыд, напряжение, смущение — сейчас я не знала значения этих слов. Лишь происходящее было единственно правильным в этот момент.

Он начинает спускаться вниз...

В этот странный сон бряцанье на гитаре ворвалось аллюром на три креста:

Луна надо мной сияет,
И в звездах небесная твердь.
Прошу я лишь о немногом:
На чувства мои ты ответь...

За окном горланил то ли перебравший браги менестрель, которому напрочь отказали сразу и слух и голос, то ли медведь-шатун, враз освоивший премудрости человеческого песнопения.

Я резко села на кровати. Ночная рубашка была на мне вся мокрая и

неприятно липла к телу. «Вот тебе и незабываемая ночь», — мелькнула мысль, в то время как руками я трогала щеки: они пылали. Что это было: видение будущего, дополнительный сервис, навязанный услужливым приказчиком дамского магазина или мое расшалившееся воображение? Я терялась в догадках. По мере того, как сон уходил (а происходило это крайне быстро), черты лица гостя из видения таяли вешним снегом. Когда глаза наконец-то стали различать очертания предметов в темноте, я уже не могла с уверенностью сказать, что узнаю сновидца в реальности, приди случай нам столкнуться.

Фир невозмутимо дрых, а некто за окном решил затянуть второй куплет:

Не будь же ты столь бессердечен,
Окно мне свое отвори,
И к тебе я на жадную встречу
Полечу на крыльях любви...

Столь пламенный призыв не мог остаться безответным, и я, распахнув окно, свесила голову вниз, оповестив певуна, глотка которого, судя по всему, была луженой:

— Уважаемый, а вы окошком ошиблись...

На меня, задрав голову и придерживая берет с плюмажем, чтобы тот не упал, смотрел давешний приказчик. Его гитара, судя по затертому до белизны лаку на изгибах, знавала лучшие времена.

Певун от моего заявления растерялся и хотел уже было ретироваться, когда я услужливо подсказала:

— Окно господина Эрина на этаж ниже и левее моего примерно на три пролета.

Приказчик обрадовался, и хотел было сменить диспозицию, когда я его окликнула:

— Только между нами. Ваша серенада тронула меня. Но боюсь, для Эрина она будет слишком...

— Обычна? — с грустью подсказал приказчик.

— В чем-то, — совсем уж расстраивать парня, прервавшего мой сон, не хотелось. — Я думаю, альтернативный — как раз ваш с господином эльфом случай. Запоминайте.

Через полчаса под окнами Эрина впервые в этом мире был прочитан рэп. Я суфлировала из окна, в основном, правда, распальцовкой. Приказчик

старался вовсю, жаль, бит ему я задать не могла.

Рыцарей пора сто лет уж как прошла,
Не помнят соседи печали,
Когда в ночи паладины
Доспехами и гитарой бренчали.
А их предмет страсти
Тусил на балконе.
Кабальеро же горланил балладу,
Не давая спать всем в районе.

А я напомним всем, что такое серенада,
Она звучит для тебя, моя любовь,
Моего сердца отрада.

Парень перевел дух и выдал припев:

Дай узреть, Эрин, лик твой милый,
Я не просто так прошу, эх, противный,
Рассказать хочу я о чувствах,
А потом иди спи, мой искусник.

Серенада эффект возымела, хотя не совсем тот, на который рассчитывал певец.

Приказчик, вошедший во вкус, даже под конец выдал:
— Иё-ёоу!

Я так увлеклась представлением, что не сразу заметила, как приоткрывается дверь в спальню. На этот раз Эрин был осмотрительнее и сначала толкнул створку, скрипнувшую петлями, а потом, уже убедившись, что на макушку ему не десантирует ведро или ночной горшок, вошел.

Сквозняк и звук открывшейся двери нарушили мое веселье.

— Я же просил! — Разгневанный эльф должен был по идее вызвать у меня чувство страха, но на лице невольно проступила лишь улыбка. В ночном колпаке, панталонах и рубаше, встрепанный и с заспанными глазами, он вызывал умиление. Точно такое же чувство у меня было, когда я впервые увидела, как шиншилла, бывшая домашним зверьком у одной из одноклассниц, уминала размоченную в молоке булку, забавно подергивая

кончиком пушистого хвоста и распушая мех, отчего превращалась в подобие шарика.

— Я нечаянно, оно как-то само. Просто парень хотел завоевать ваше внимание, что у него, в конечном итоге, согласитесь, и вышло... — Я развела руки в стороны в подтверждение сказанному.

Рубашка, все еще та, треклятая, из дамского магазина, колыхнулась, а потом, в лучших традициях тающего тумана, четко обрисовала все контуры, скрытые под ней. Может, если бы она не была мокрой от пота, зрелище, открывшееся ушастому, оказалось бы не столь пикантным. Но история, пусть и новейшая, буквально пару секунд назад бывшая настоящим, не имеет сослагательного наклонения.

— Хотя, знаете, княгиня, — в его голосе появились мурлыкающие нотки, — я в чем-то благодарен этому приказчику: у меня есть прекрасный предлог находиться сейчас здесь, рядом с вами, лицезреть всю вашу красоту...

«Похоже, у него ночные обострения...» — успела еще мелькнуть мысль, а эльф уже перешел к решительному наступлению, сделав несколько шагов по направлению ко мне. Не знаю уж, что он задумал, наверное, это так и останется тайной, покрытой мраком летней ночи, ибо именно в этот самый момент проснулся Фир.

Таракашка, видя, что на меня надвигается леголасообразный, не переворачиваясь на живот, засучил передними лапами. Не иначе смагичил что-то, ибо шпийн, запнувшись на ровном месте, полетел на меня, сбив с ног. Матюгнувшись про себя, попыталась выбраться из-под Эрина.

За окном бэк-вокалом заливался приказчик:

Но вот финал трепа,
То есть моей баллады:
Свадьба, фанфары,
Такая вот лав-серенада.
У нас с тобой, мой милый,
В семье все о'кейно.
Извини, Эрин, если мечтаю
Слишком прямолинейно.

Увы, нет детей,
Зато есть два тестя,
И мы вчетвером
Тусим с ними вместе,

А с тещею эльфийской
Порой бывают проколы.
А чё так нервно
Реагирует на приколы?
Но я — мужчина, и первым
Прошу прощения,
Всегда нахожу выход
Из неловкого положенья.

Диссонансом в бодреньком речитативе местного рэпера прозвучало холодно-отстраненное замечание вошедшего Ария:

— А у вас тут, как посмотрю, весело... Надо бы почаще возвращаться домой неожиданно.

Я мысленно простонала: глупее ситуации невозможно было и предположить. Что ответить дракону на его приветствие? Банальное: «Это совсем не то, о чем ты подумал?»

Хотя картина, представшая перед ним, большинством мужей трактовалась бы однозначно: измена. Жена, в полупрозрачной ночной рубашке, подол которой задрался до середины бедра, лежит на ковре в спальне, а рядом с ней симпатичный и тоже не сильно обремененный одеждой эльф.

Арий смотрел на меня, и в его глазах кружила выюга. Надо было срочно что-то сказать, но я не представляла, что именно, а потому решила действовать по принципу великого римского полководца: лучшая защита — нападение.

— Дорогой супруг, случившееся — целиком и полностью твоя вина!

От подобного заявления Арий опешил, его брови непроизвольно приподнялись.

— И в чем же, моя дражайшая супруга? В том, что честно предупредил, что не потерплю измен?

В этом «дражайшая» была целая тонна сарказма, не меньше, но я проглотила завуалированный подтекст, уже вовсю входя в роль:

— В том, что попросил своего любовника составить мне компанию во время твоего отсутствия!

От этого заявления опешил даже Эрин, как раз только вставший с ковра. Фир, бывший безмолвным свидетелем сцены, даже замер, приподняв лапу, хотя до этого целеустремленно бежал прятаться в складки одеяла.

В повисшем безмолвии голос приказчика был слышен особенно

отчетливо:

Беру гитару в руки
И в ночной тиши
Ору теще над ухом
Из большой любви, от души:

Дай узреть, Эрин, лик твой милый,
Я не просто так прошу, эх, противный,
Рассказать хочу я о чувствах,
А потом иди спи, мой искусник.

— Вот видишь, еще одно доказательство ваших нетрадиционных межличностных отношений: серенады распевает, честным женам спокойно спать не дает... — В доказательство к сказанному я указала на окно, откуда и доносился речитатив.

После этого встала с пола, и, добравшись до подоконника, свесилась вниз. Крикнула, обращаясь к приказчику, оставшемуся в неведении о страстях, кипящих в моей спальне:

— Ваша серенада, уважаемый, была чудесной! Надеюсь, ваш возлюбленный, господин Эрин, оценит ее по достоинству.

— Очень хочу в это верить. Скоро уже рассвет, я пойду. Жаль лишь, что так и не увидел того, кто пленил мое сердце. Спокойной ночи, прекрасная донна... — донеслось печально в ответ.

Когда я, покинув свой наблюдательный пункт, повернулась к мужчинам, Арий выглядел озадаченным, а Эрин — готовым меня придушить. Определенно, ночь оказалась «незабываемой».

И все-таки коронная фраза была произнесена, но не мной, а эльфом:

— Арий, это совсем не то, что ты подумал...

Ответ дракона был сдержанным, но в голосе звучала сталь.

— Что я подумал, это не важно. Но даже... кхм... все услышанное не объясняет того, свидетелем чему я стал.

— Как раз объясняет. — Я была самым воплощением богини Исиды, спокойной и уравновешенной, объясняющей непонятливому мужчине очевидные вещи: — Так вот, твой любовник, Эрин...

Арий тут же меня перебил:

— Никакой он мне не любовник. — Холод и презрение в голое дракона ощущались почти физически.

— Хорошо, твой нелюбовник Эрин, следуя логике, не может тебе изменить со мной, потому что, согласно его же утверждению, он не интересуется девушками, у него есть друг...

На эти мои слова эльф лишь открыл и закрыл рот. Я кожей чувствовала, как ему претит навязанная роль, но выдержка профессионального шпиёна была выше всяких похвал.

Сложившаяся ситуация оказалась на редкость абсурдной, но выстроенной на логике лжи, единственно приемлемой для репутации настоящей Кассандриолы.

Арий, похоже, решив, что со всем непонятным лучше всего разбираться с утра, решительно произнес:

— К этому разговору мы еще вернемся, а пока позвольте мне удалиться. — С этими словами дракон решительно развернулся и вышел из спальни.

Недолго думая, побежала за ушедшим следом. Плевать, как это выглядело со стороны. Сейчас я могла поклясться чем угодно: супруг не собирался оставаться в замке. А куда может пойти (ну хорошо, в драконьем варианте полететь) разочарованный в жене муж? Ответ напрашивался — к Ликримии Шоон. Этого допускать мне крайне не хотелось, и я, кажется, уже знала, что нужно сказать, чтобы Арий остался этой ночью здесь. Вот только бы успеть, пока он не расправил крылья...

Каменная кладка под босыми ступнями. Не сумрак — мрак коридора, в конце которого винтовая лестница, спиралью уходящая вверх. По ней-то, расположенной в утробе одной из центральных башен замка, и поднимался дракон, судя по звуку быстро удаляющихся шагов.

«Успеть. Только бы успеть» — была единственная мысль в голове. О том, что мой шестилапый суфлер остался в спальне, даже не подумала. Я бежала, подняв подол до колен и перескакивая порою через две ступеньки, и все-таки нагнать дракона на лестнице не удалось.

Задыхаясь от нехватки кислорода (по горлу при каждом вдохе словно пробегала волна огня), я выбежала на площадку, расположенную на крыше башни. Зубцы, венчавшие по кругу донжон, и гладкие камни под ногами.

И Арий. Уже белоснежно-льдистый. Он был не большой — огромный. До этого в моей жизни самым масштабным из увиденных вживую, а не по телевизору или в журнале, «движущихся объектов» являлся БелАЗ, колесо которого было в два моих роста. Но для дракона даже эта машинка белорусского производства была лишь игрушкой.

«Теперь я ни за что не спутаю крылатого дракона и виверну», — подумалось некстати, как еще и о том, что моего голоса Арий, при

нынешних его габаритах, может банально не услышать.

Я набрала в легкие побольше воздуха и что есть силы крикнула одно лишь слово (на целое предложение не хватило бы сил):

— Трус!

Услышанное ящером обвинение, которое бьёт по самолюбию любого мужчины независимо от возраста (будь то только что распрощавшийся с ползунками малец или седобородый старец), возымело эффект. Дракон повернул голову и уставился на меня немигающим, тяжелым взглядом. Из его ноздрей вырвались языки пламени, когда он шумно выдохнул. Я поняла, что одно неверное слово, и он, взмахнув крыльями, улетит прочь.

Горло нещадно саднило, так что слова давались не просто с трудом, с боем, выигранным у собственного организма.

— А как еще назвать того, кто вместо нормального разговора с женой на следующее утро сбегает, оставив рядом с ней лишь наушников и шпионов. И сейчас ситуация повторяется: вместо того, чтобы поговорить, вновь расправил крылья и готовишься банально удрать.

Дракон яростно пыхнул огнем (меня окатило жаром, так, что, наверное, даже брови слегка опалило), и, забывшись, в какой он ипостаси, попытался ответить. Членораздельного ничего не прозвучало, зато рык был отменным. Недовольно переступив лапами, Арий начал перевоплощаться. Подозреваю, делал он это с одной-единственной целью: ответить одной зарвавшейся нахалке.

Его хвост втягивался, голова и лапы стремительно уменьшались в размерах, все больше приобретая черты, присущие виду *homo sapiens*. Наконец, трансформация, или что это было, завершилась, и передо мной на корточках остался абсолютно нагой мужчина, лицо которого прикрывали длинные светлые распущенные волосы.

Арий стремительно выпрямился и, резко повернувшись ко мне, ответил:

— Не стоит забываться, бросаясь столь хлесткими словами, Кесси. — Он схватил меня за руку, рывком притянув ближе. — Для меня важны поступки, а пустым звукам цены нет. То, что я увидел, — этого достаточно, чтобы сделать правильные выводы.

Сейчас было абсолютно наплевать на то, как мы оба выглядим. Ярость, бушевавшая в глазах Ария, была важнее, да и все, что накопилось у меня в душе за эти дни, тоже требовало выхода.

— И какие же?

— Что мне досталась такая же узерен, как и всем остальным, ничуть не лучше!

Он выплюнул это «узерен» как ругательство. Подозреваю, таковым оно и было.

— А ты, я смотрю, сравнение провел, выборку сделал и статистику подсчитал?

Как бы ни был зол Арий, но последняя моя фраза сбила его с толку, он даже хватку слегка ослабил.

— Это ты о чем?

— О том, что, судя по всему, у тебя обширный опыт в общении с человеческими женщинами, а точнее, с жёнами!

Наши лица были так близко друг к другу, что я чувствовала его горячее дыхание.

Была готова поклясться: в глубине глаз Ария беснуется пламя, готовое того и гляди вырваться наружу.

— Нет, до одного треклятого дня, именуемого свадьбой, я был избавлен судьбой от участи близкого общения с дочерями человеческого рода.

Мне стало обидно. И не только за себя, за многих девушек, не по своей воле ставших женами этих чертовых драконов. За ту же Айвику, которой досталось лишь потому, что ее муж наслушался шпионских докладов, основой которых были, как подозреваю, сплетни и слухи.

— Хорошо, — я медленно и верно закипала, — назови все своими именами: что ты видел?

— Измену. Дорогая жена, я видел измену, как бы ловко ты ни пыталась уверить меня в обратном.

— Нет, дорогой мой супруг, ты видел не измену, ты видел злого, разбуженного посреди ночи эльфа, пытавшегося отомстить твоей жене за то, что я сыграла с ним злую шутку. Ну хочешь, я могу поклясться тебе, что сегодня в спальне ты увидел что угодно, но только не измену?

Выражение, которому в нашем мире не придают особого значения, ставшее идиомой, Арий воспринял странно. Дракон посмотрел мне в глаза цепким, препарирующим взглядом.

— А не боишься, что тебя сожжет первородный огонь, если ты солгала. Клятвы на крови, они такие...

Я осознала, что ляпнула что-то не то, но отступить было некуда.

— Не боюсь, — смело посмотрела ему прямо в глаза, словно приняла разящий удар обвинения на щит своей правоты.

— Тогда повторяй за мной: я, Кассандриола Дирриеттинг, клянусь перед предвечным небом, земною твердью, благословенной водою и первородным огнем, что и мыслями, и поступками была верна своему

мужу. А если это не так, пусть заберёт меня первозданное пламя...

Я насторожилась: если все именно так, как сказал Арий, то быть мне сожженной этим самым огнем. И дело не в измене, а в том, что я не Кесси. Начала искать выход и, кажется, нашла:

— Я, та, которую ты зовешь Кассандриола Дирриетгинг, — протараторила с такой быстротой, что обзавидовалась бы даже Тина Канделаки, а потом, чуть сбавив темп, продолжила: — клянусь перед предвечным небом, земною твердью, благословенной водою и первородным огнем, что и мыслями и поступками была верна своему мужу, и если это не так, пусть заберёт меня первозданное пламя.

Арий, тут же чиркнувший по моей коже удлинившимся когтем, так что на линии пореза выступила кровь, замер в ожидании. Красные капли увеличивались, собираясь вместе, и, наконец, проложив влажную дорожку, упали на камни под ногами. Ничего не происходило, лишь порез затягивался на глазах, невероятно быстро. Прошло не меньше минуты в абсолютном молчании. Видно, дракон до последнего не верил, что я ему не лгала. А потом, отпустив мою руку и сделав шаг назад, припечатал:

— Хорошо, приношу свои извинения, я был не прав, не веря тебе в данном случае, но что касается всего остального...

Я мысленно простонала: «О Боже! Ну когда же у него закончатся все его „случаи“ и подозрения?» А потом решила, что стоит разобраться во всех недомолвках раз и навсегда. И лучше это сделать здесь и сейчас. Потому что разруливать проблемы стоит по мере их поступления, а в варианте с Арием стоит развенчивать по порядку все его подозрения.

— Остального? А можно по порядку?

На скулах муженька заходили желваки.

— По порядку? Ну раз ты настаиваешь... Начну с того, что ты мне солгала — магия у тебя есть.

«Хорошо, что начал с простого», — подумалось. На этот вопрос ответ у меня был, правда, супругу он вряд ли понравится:

— Начну с того, — калькой с Ария проговорила я, — что о том, что во мне магии нет, я не утверждала. Вспомни дословно сказанное в тот приснопамятный вечер. Если память не может оказать тебе такой услуги, процитирую: «С рождения я была обделена магическим даром». В произнесенном не было ни слова лжи, поскольку способность к чародейству у меня появилась намного позже, мне ее передал один маг.

Глаза мужчины сузились, все тело напряглось, как перед броском.

— Интересно... — Спокойствие и холод в его голосе абсолютно не сочетались с мимикой и позой, что говорило о степени крайней ярости. —

А что же ты ответишь на то, что чуть не убила Ликримию?

Так и потянуло ляпнуть: «А она угробила меня, пусть и в гипотетическом, несостоявшемся будущем», но разом вскрывать карты, обнажая все козыри, не хотелось.

— Убивать твою любовницу — много чести. Я себя чуть не спалила! А все потому, что не могу контролировать свой дар...

— Она мне не любовница. Мы расстались как раз накануне нашей с тобой свадьбы! Я честно пытался начать семейную жизнь без лжи, хотя бы до того момента, пока не появится наследница, но небо в насмешку послало мне самую лживую и изворотливую из жен.

— Лживую? Я ни словом тебе не солгала, порою ни договаривала, да, признаю, но не лгала, в чем и поклялась. А вот ты...

— Что я?

— Уверяешь, что с Ликримией покончено, а сам сейчас, ответь только честно, куда хотел лететь?

Крыть Арию было нечем, но тут подала голос извечная мужская логика:

— А что мне делать, если мою жену трясет до истерики, как только я к ней прикасаюсь? Извини, но я давно уже не мальчик.

— А спросить, почему так происходит, ты не пробовал? В чем причина, пытался узнать? — Я уже почти кричала.

— И в чем же? — рыкнул дракон.

— В прошлом, которое я бы хотела забыть, в недавнем прошлом. Но не в настоящем и не в тебе, если ты это хочешь знать.

Арий, против моих ожиданий, не расслабился, а напрягся еще больше, хотя, казалось бы, сильнее уже некуда...

— Это был мужчина? Он пытался тебя..? — Его учащенное дыхание, короткие фразы. Было ощущение, что дракон того и гляди вспыхнет. — Он...

— Да. Да. Нет, не успел. — Последний, невысказанный вопрос в интерпретации не нуждался. Меня начало трясти. Я говорила это и смотрела лишь в глаза Арию, не видя ничего вокруг. Он тоже, но на последней моей фразе все же отвел взгляд в сторону. А потом, резко сбавив тон, почти прошептал:

— Успокойся, все хорошо, я был неправ, прости, я тебе верю, только успокойся...

Он протянул ко мне руки в попытке обнять.

— Я верю, что ты была мне верна, верю в то, что не хотела причинить вреда Ликримии, и в то, что ты не можешь контролировать свой дар...

Последние его слова заставили и меня оглянуться: вокруг нас пылало кольцо огня, постепенно сжимаясь. И, судя по всему, я была его причиной. Но вот управлять вырвавшейся против воли стихией, к сожалению, не умела...

— Кесси, послушай меня, пожалуйста. — Голос супруга был тихим, словно доносящимся издалека, хотя по мимике я видела, что он кричит.

Сознание начало уплывать туда, где нет места эмоциям суетного мира, где значение имеет лишь спокойствие и порядок, абсолютный порядок. Дракон уже тряс за плечи, пытаюсь дозваться, а мне было все равно. Безразличие. Откуда оно возникло? Когда я перешагнула грань между обычной человеческой яростью и этим потоком силы, который стремился через мое тело, смывая все эмоции?

Лишь отстраненно подумала: Арий может улететь и спастись, а вот я — даже не доучилась в универе, и хотя химики не дают клятву, как медики, «светя другим, сгорать самому», судя по всему, именно эта участь меня и ждет. Причем «светить» и «сгорать» буду в самом прямом смысле этого слова.

Фира, в тот раз вытащившего из аналогичного состояния, рядом не было, а дракон... Если он и попытается, у него ничего не получится: он пробует обратиться к Кесси, а про девушку, стоящую перед ним, ровным счетом ничего не знает. А как дозваться до того, о ком ты не знаешь ничего, даже настоящего имени?

Арий этого делать и не стал. Когда дракон понял, что слова эффекта не возымели, он приступил к действиям: поцеловал. После, анализируя ситуацию, я поняла, что сделал он это, руководствуясь исключительно мужской логикой: переключить внимание истерично настроенной женщины на что-то иное. Пощечина, конечно, в этом плане тоже хороша, но ее эффект гораздо быстрее сходит на нет, а вот поцелуй...

Сначала я не почувствовала ровным счетом ничего, лишь мозг отстраненно констатировал факт: меня целуют. А потом... Настойчивые губы. Ярость и нежность. Такое ощущение, что Арий вкладывал все эмоции, что были у него в душе, в этот единственный миг, и у него получилось. Он смог выдернуть меня из водоворота безразличия. Первое, что я почувствовала, — его руки. Он охватил ими мою голову, держа ее, как драгоценный кубок, как сочный плод, притягивая ее к себе, не давая даже попытки отстраниться, вырваться. А потом... огонь и жар, нестерпимый, приближающийся, он был вокруг. И обжигающие губы Ария, властные, требовательные. Его язык, беззастенчиво исследующий мой рот. Этому напору захотелось сдаться, уступить, хотя бы напоследок забыться, чтобы

не было так страшно умирать в огненной лавине. И я поддалась, ответив яростью на ярость, страстью на страсть с такой же силой, без ложного стеснения и осторожности, что должны быть присущи первому поцелую. Мыслей в этот момент в голове не было, лишь тело ощущало один невероятный ожог. В этот момент хотелось бы забыть себя, забыть его, стать одним целым с ним. Я сама не почувствовала, насколько сильно обхватила Ария.

Дракон заворчал и напрягся, словно боролся с пламенем, не внешним, но бушевавшим уже внутри него. Он жадно вдыхал воздух, чтобы продлить удовольствие, чтобы хоть еще немного удержаться в этом ужасном и невероятном времени. Мои руки, не подвластные воле разума, скользили по его спине. Хотелось притянуть его еще ближе. Подушечки пальцев ощутили капли пота на его лопатках, и я инстинктивно впилась в его кожу ногтями.

Рык Ария, утробный, первобытный, а за ним — яркая вспышка, ослепившая меня, хоть глаза и были закрыты.

Сколько мы так простояли? Секунду? Минуту? Вечность? Не разжимая объятий, лишь ловя ртом воздух. Когда я открыла глаза — огня больше не было. Нас обволакивала лишь тишина. Даже цикады и соловьи — всегдашние полуночники — примолкли.

Дракон посмотрел на меня сумасшедшими, шальными, полными счастья глазами и совершенно не к месту сказал:

— Ну все, Кесси, ты попалась.

Этой его фразы я не поняла, зато осознала другое: я прижимаю к себе абсолютно нагого мужчину, и мы оба только что едва не поджарились.

«Вот тебе и поговорила с мужем! Уж лучше бы он улетел к этой своей Ликримии», — подумалось вдруг. Супруг же, судя по его довольному лицу (и спрашивается, с чего бы вдруг), никуда больше не собирался.

— Попалась, попалась, кто же спорит, — машинально подтвердила я, сама тем временем осторожно отступая назад, к услужливо распахнутому люку.

Арий смотрел на данный тактический маневр насмешливо. Этот уверенный в себе дракон стоял, скрестив руки на груди, и изучал меня с чисто мужским интересом. Да уж, представляю, какое любопытное зрелище ему сейчас открылось: батист, прозрачный, местами опаленный, не скрывающий ровным счетом ничего. А еще ветер, что гуляет на верхотуре даже в самую спокойную ночь, взялся вальсировать с подолом сорочки. Захотелось инстинктивно прикрыть руками хотя бы грудь, в столь характерном для стыдливой девушки жесте. За это-то поведение,

характерное для жертвы обстоятельств, плывущей по течению, я на себя и разозлилась. Хватит! Либо я ломаю обстоятельства, либо они ломают меня. И для себя решила: раз Арий признал свою вину, раз с подозрениями все выяснили, теперь его очередь отвечать на мои вопросы, а их хоть немного, но накопилось. Формулировка первого была отдаленно цензурной: «Какого лешего ты вообще приперся сюда посреди ночи?»

Для пущей решительности я опустила руки, сжатые в кулаки, и, повернув голову чуть набок, взглянула исподлобья на муженька.

— А скажи-ка, дорогой супруг, так рьяно утверждающий, что порвал с госпожой Шоон, по чьему навету ты решил вернуться домой столь рано? Помнится, идет война, на которую тебя столь спешно и отозвал правитель?

Арий едва не смеялся. Словно я была мелким фырчащим ежиком, но никак не серьезным противником словесной дуэли.

— Я жду ответа. — Мой сухой, даже отчасти каркающий голос заставил его перестать усмехаться.

Ответ дракона был серьезен:

— Когда вдруг в один день получаешь трех вестников, с первым из которых приходят в принципе ожидаемые вести (а как же, мысленно дополнила я: сама донесение Эрина переписывала, редактировала, еще бы там было что-то форс-мажорное); за ним неожиданные, но укладывающиеся в общую картину (это он, наверное, имел в виду мой фееричный спуск с лестницы, который пришлось в лучших традициях эпистолярного жанра изложить уже от моего лица); а в довершение — аж целый свиток, в котором содержатся опровержения двух первых (так, это, судя по всему, кляуза Ликримии о том, как ее чуть не поджарили), — поневоле начинаешь задумываться.

— И? — Никогда бы не подумала, что в один звук смогу вложить столько сарказма.

— И в результате решил разобраться во всем лично. Как убеждаюсь, не зря. — При последних словах дракон коварно улыбнулся. — А еще, похоже, кое у кого проснулась ревность...

Я же к его обаянию была непробиваема, как бетонная стена для перфоратора, в котором нет сверла.

— Нет, это не ревность, дорогой супруг, это банальная злость. Верить кляузам, сомневаться, подозревать, приставлять шпиона, о котором открыто сообщить в первый же вечер, — это для тебя нормально, а по-человечески поговорить с женой — нет.

От избытка чувств я топнула пяткой, о чем сразу же пожалела, поскольку отбила ту самую часть, что подвела мифологического Ахиллеса.

Заскакать на одной ноге или хотя бы скривиться не позволила гордость, хотя и очень хотелось.

Арий меж тем педантично уточнил:

— Для разговора по-человечески, как ты выразилась, нужны люди. Я же, как ты верно уже заметила, не человек.

— Да какая к черт... — я в последний момент вспомнила, что с сим рогатым фольклорным элементом мой дражайший супруг не знаком, и постаралась выправиться, насколько это возможно: — демонам разница!

Арий тяжело вздохнул, словно сдерживал растущее раздражение.

— А что мы сейчас делаем по-твоему? Говорим.

Я выпустила воздух сквозь зубы. «Так, остынь, — мысленно приказала я сама себе. — Надо уйти от данной темы, иначе с этим твердолобым драконом мы договоримся до банального скандала, и я вспыхну по новой».

Чтобы как-то отвлечься, да и закипающего Ария остудить, спросила:

— А как тебя отпустили? Вроде бы военное положение? — Тон был спокойный, но супругу то ли померещилась издевка, то ли еще какой-то подтекст. Он недовольно бросил, как выплюнул:

— Если ты о том, часто ли я смогу так внезапно наведываться, то обрадую тебя: редко. На завтрашнее утро назначено наступление на Кичиер, и сегодня предгрозовое затишье. Попросил друга меня подменить на эту ночь, и, активировав половину резервных магических зарядов, с тремя перебросками через стационарные порталы добрался домой.

— Скажи, все драконы такие вспыльчивые и нелогичные или это мне достался особый экземпляр?

— Ты это о чем? — Арий, сбитый с толку моим вопросом не к месту, даже запал растерял.

— О том, что я просто спросила, без экивоков, двойного смысла и подводных камней, а ты воспринял фразу в штыки, словно...

Я не успела договорить, как он стремительно приблизился ко мне и обнял, невзирая на сопротивление щуплой девицы в обгоревшей, продранной и грязной ночной рубашке.

— Извини, мне тяжело. Я честно пытаюсь, но ты совсем иная, не похожая ни на кого.

Про себя мысленно отметила, что формулировку: «Ни на одну из встреченных мною женщин», более точную в данном контексте, он виртуозно обошел. Похоже, решил лишний раз не напоминать о некой блондинке. Почему-то это меня обрадовало. Арий тем временем продолжал:

— От тебя не знаешь, чего ожидать. То сбегаешь, то превращаешь

первого сердцееда Актыра в мужеложца, то вспыхиваешь, как фитиль, то рассудительна, как прожженный политик. Я мало знаю о человеческих женщинах, мы, драконы, другие, но обещаю тебе узнать, как и ответы на вопросы: откуда у тебя магия, как зовут того подонка, который посмел... — почти шепотом закончил он.

Арий прижимал меня, согревая своим теплом. Его подбородок упирался как раз в мою макушку, отчего пришлось прижаться к его груди щекой. Ноздри приятно щекотал запах, который свойственен лишь мужчинам. В нем едва уловимыми нотками проскальзывал аромат кедра и привкус озона, что бывает в воздухе после сильной грозы. И, самое странное, мне это сочетание нравилось. Говорить почему-то уже не хотелось. Лишь стоять и молчать. Наверное, мы уже сказали за сегодняшнюю ночь все, что могли, и даже больше. Сил выяснять что-то лично у меня не осталось.

— Рассвет. — Голос дракона был спокойный и какой-то грустный. Следующая его фраза все прояснила: — Мне пора, я обещал вернуться с восходом.

— Успеешь? — Я задрала голову, чтобы увидеть его лицо.

— Да. Вот только одежду прихвачу, мою-то ты спалила... — Он по-доброму усмехнулся. — Пойдем вниз.

Переступив с ноги на ногу, только сейчас почувствовала, как озябли ступни. Мурашки тут же предательски высыпали на оголенные предплечья. Арий, увидев, что моя кожа напоминала «гуся ошипанного, синюшного», подхватил на руки со словами:

— Еще заболеешь... — и понес к люку.

Горизонт на востоке светлел, выбеляя небесную лазурь и раскрашивая в нежный румянец перистые облака. В голове не осталось ни одной стоящей мысли, но осознание того, что супруг, пусть и не мой, а Кассандриолы, скоро исчезнет, заставило задать ерундовый вопрос:

— А как драконы решают проблему с одеждой? Ведь когда ты превращаешься, то становишься, кхм, слегка больше. Или ты ее аккуратно складываешь и несешь в пасти с собой?

Арий лишь по-мальчишески улыбнулся, а потом, озорно сверкнув глазами, отчего стал моложе на добрый десяток лет, заговорщицким тоном произнес:

— Это великая тайна, которая открывается только избранным. Я тебе расскажу секрет, но не сейчас, а в следующий раз. А пока томись от любопытства в неведении.

Мне стало тоже отчего-то смешно. Захотелось болтать ногами и

веселиться. Так мы и спускались, улыбаясь, как двое ненормальных, которым вкололи убойную дозу галоперидола.

Наконец, перед дверями спальни Арий опустил меня на ноги.

— Заходить не буду. Кесси. — Он пристально посмотрел мне в глаза. — Я постараюсь вернуться как можно скорее. Прошу лишь об одном: береги себя. И не волнуйся. В твоём случае это смертельно опасно...

— Я постараюсь. И буду ждать, — вырвалось помимо воли.

Толкнув дверь спальни, вошла. В ушах все еще звучал голос дракона, его обращение: «Кесси». И как-то совершенно забылось, что, стремительно покидая свои апартаменты, я оставила там одного эльфа.

Он в данный момент и сидел на кровати, закинув ногу на ногу и внимательно разглядывая вошедшую меня. Сейчас в нём было не узнать того Эрина, к которому я, признаться, уже привыкла. Внимательный, цепкий, с отблеском металла взгляд, черты лица, которые стали враз жестче. Даже поза — обманчиво-расслабленная, но из такой легко можно и перекатиться через спину, и резко прыгнуть вперед. Эльф чем-то сейчас напомнил обнаженную катану, которая одной игрой солнечных бликов на своем острие предупреждает: «Я смертельно опасна».

Молчание затягивалось, и нарушил его сухой, менторский тон Эрина:

— Как мне к вам обращаться, сударыня? Судя по всему тому, что я подсмотрел сегодня на крыше донжона, вы кто угодно, но не Кассандриола Глиберус.

Наш мозг удивителен. Он работает двадцать четыре часа в сутки со дня нашего рождения и сбоит только на экзаменах или когда влюбляешься. А судя по вопросу эльфа, мне предстоял самый сложный диалог на достоверность образа светской барышни. Вот только что ответить на такое заявление леголасообразного? Взгляд невольно упал на паркет. В углу, притаившись под кроватью, сидел Фир. Его усы от возбуждения беспрестанно хаотично шевелились, а сам он всем своим видом выражал крайнюю степень возбуждения. Разве что не бегал под ложем.

— Итак, как же? — повторил свой вопрос Эрин.

— А могу узнать, на чем основано столь веское заявление? — начала я обтекаемо: сознаться-то всегда успеется, а вдруг потом окажется, что подозревали тебя совершенно в другом, а ты уже сдала козырные карты в пас.

— Раз вы настаиваете, извольте-с, — сухо ответил Эрин и начала загибать пальцы: — Вы нетипично смелы, сказал бы, даже отчаянны, что по сути своей не преступно, если бы не одно но: я навел справки о Кассандриоле, хотя для этого пришлось написать не одну дюжину писем

как ее бывшим институтским знакомым, так и светским сплетникам при дворе королевского величества Нериуса Седьмого Победоносного... Да-да, не удивляйтесь, я в отличие от вашего супруга хорошо знаком с людьми, и по роду службы мне часто приходилось бывать в резиденциях человеческих правителей. Связи, как вы видите, остались. Знакомства вообще жутко полезная вещь, порою ценнее звонкой монеты. Так вот, все в один голос утверждают, что девица Глиберус нрава кроткого, тихого. Она прилежная ученица, послушная дочь, ни разу не сказавшая резкого слова. Такую бы Ликримия проглотила, не разжевывая. В вашем же случае после аудиенции драконица драпала во все лопатки. Некая Верма, к слову, институтская подруга, охарактеризовала Кассандриолу не иначе как «синий чулок, чурающийся модных новинок. Неуверенную и лишь благодаря положению папочки имеющую пусть и скудный, но успех при дворе».

«Хороша же змеюка-подруженька у Кесси, — мелькнула у меня невольная мысль. — Если доведётся встретиться с этой Вермой, обязательно скажу ей пару ласковых, по-нашему, по-русски».

Похоже, на моем лице что-то такое отразилось, раз эльф сделал отступление от разоблачительной лекции и пояснил:

— Мне, признаться, эта девица тоже не пришлась по вкусу, хоть знаком я с нею был лишь через отчет друга. Слишком завистлива и алчна к деньгам. Всего за десяток золотых вспомнила всю подноготную и выложила ее Юринниэлю.

«Ну да, — мысленно прокомментировала я, — если этот Юринниэль умеет пользоваться своим эльфячьим обаянием как же виртуозно, как и ты, добыть информацию из злопыхающей подруженьки Кесси ему не составило труда. Деньги были лишь дополнительным стимулом для этой продажной твари».

— Но мы идем дальше. Итак, несоответствие характеров — это раз. Второе, что меня насторожило, — это магия. Я специально затребовал выписку из институтского архива. В графе «освидетельствование магом» значится: «дара к чародейству нет». У вас же он наличествует, и немалый. И третье — ваша речь, оценка ситуаций. В большинстве случаев в них нет ничего необычного, но барышни, подобные Кассандриоле, не знают о выборке и статистике, не рассуждают столь свободно о любви между мужчинами и, наконец, не бросаются за разгневанным драконом, когда тот встает на крыло.

Последняя фраза задела меня, и невольно вырвалось:

— Это почему же?

— Потому как данное поведение неприемлемо для аристократки. Или

институтских барышень не учат семейному укладу, гласящему, что жена должна подчиняться мужу, быть смиренной?

Поняла, куда клонит эльф: пытается добить меня мелочами. Ну что же, тогда с них и начнем. Вспомнив, что там про леди говорил Мериус, я почти процитировала его слова, не дав договорить ушастому:

— А также невозмутимой. Даже в постели. «Леди не движется, лишь подает признаки жизни»? Не так ли?

При этих словах эльф слегка смутился, а я начала тактическое моральное наступление, как трактор «Беларусь» на непаханое поле.

— Знаете, мой отец придерживался той точки зрения, что некоторые вещи хороши лишь в теории, а вот когда дело доходит до практики, то кислота и щелочь не всегда дают нейтральную реакцию среды. Вот и с семейными догматами: зачатую холодность и невозмутимость жен заставляют мужей искать тепла на стороне. Поэтому между светскими приличиями и семейным счастьем я всегда буду выбирать второе.

Эльф буравил меня взглядом, но не перебивал.

— Что же до магии — сей дар был получен мною невольно и совсем недавно.

— Позвольте полюбопытствовать: каким именно образом? — холодный тон, жёсткий, царапающий.

«Если блефуешь, то блефуй до конца, — решила я для себя, — а чтобы ложь была убедительной, в ней должна быть хотя бы голика правды».

— Позволю. Это произошло в день нашей с Арием свадьбы. В коридоре, по которому я бежала, лежал придворный архимаг. Он уже был на последнем издыхании, не мог даже и слова вымолвить (о том, какой квест мне поручил пройти этот шельмец, отбивший в мир иной, тактично умолчала), я с разбега упала на его тело и... дальше помню лишь резкую боль и как очнулась в темноте. А потом Арий меня нашел, — перевела дыхание, и, пока Эрин не успел вставить хоть слово, продолжила: — Может, именно в этом обстоятельстве и кроется перемена моего характера. Я чуть не умерла во время передачи дара. Сила-то у архимага была не маленькая.

Остроухий надолго замолчал, обдумывая услышанное. Я же решила вбить последний гвоздь в крышку гроба эльфячьего расследования:

— Что до Ликримии — эта дама сама виновата: не нужно было насылать на меня смертельное проклятье, а потом в глаза сообщать об этом при личной встрече. Признаюсь, ее заявление меня весьма разозлило, а поскольку силой управлять я еще не умею...

Оценивающий взгляд собеседника, недовольно поджатые губы, тонкие

изящные пальцы, которые в раздражении барабанили по колену мужчины — Эрин думал, анализировал, сопоставлял.

— Чем больше я с вами общаюсь, тем больше вам поражаюсь. Лицедейский талант, незаурядный ум, смелость и решительность — и все это прикрито вуалью глупости, кокетства и недалёковидности, столь виртуозно вами накинута на свой истинный образ. Из вас могла бы получиться отличная шпионка... — протянул он задумчиво, а потом резко спросил: — или уже получилась?

— По части шпионажа это вы у нас специалист, дорогой Эрин, — мило улыбнулась я.

Судя по всему, словесная партия, сыгранная нами сейчас, закончилась вничью, и это моего собеседника неимоверно злило, как и то, что он раскрыт.

— Как? — Короткий вопрос, заданный исключительно с профессиональным интересом.

— Ваш друг и наниматель Арий сам предупредил, что за мной будет слежка. Вычислять же особо не пришлось: меж вами и Нарией...

Леголасообразный недовольно скривился.

— Если бы не ваше падение, знакомых и приживалов в течение ближайших дней набежало бы не меньше дюжины. Тогда было бы не так просто найти ответ.

— Все, что ни случается, — к лучшему, — расхожая фраза нашего мира была как нельзя к месту.

Эльф поднялся с постели:

— Уже рассвело, — заметил он, бросив взгляд в окно. — На сегодня вам удалось вывернуться, как борейской анамне из-под рогатины змеелова, но сейчас, когда маски сняты, учтите: я буду следить за вами вдвое пристальнее.

— И все же я не ваша коллега по цеху, — бросила я уходящему эльфу.

Эрин на это мое заявление обернулся, стоя уже в дверях.

— Думаю, даже фразе: «Та, которую ты называешь Кассандриола...» ваш изворотливый ум сумел бы найти объяснение. Пока у меня нет прямых доказательств, от которых вы бы не смогли отпереться, но это только пока. Учтите, порою я одержим разгадкой секретов, а вы — сплошная тайна. И все же, как мне вас называть?

— Кесси, просто Кесси.

Дверь за ухмыльнувшимся эльфом закрылась, а я опустилась на колени. Фир, тут же выбежавший из своего укрытия, начал нарезать вокруг меня круги, причитая:

— Молодец! Я в тебе не ошибся! Думал, этот лопухий тебя под орех раскатает, а ты! Ты!

Его воодушевленное стрекотание воспринималось мною лишь как белый шум.

— Фир, а тебе не надо оповестить господина Глиберуса, что мы выяснили, кто и как проклял его дочь?

— Так я уже, с вестником отправил еще вчера! — радостно выдал таракашка.

— Тогда иди, пробегись по замку, пошпионь за этим Эрином, послушай сплетни слуг...

— Зачем это? — опешил таракашка.

— Я хочу побыть одна...

— Ээээ, только обещай мне, что нервничать не будешь, — забеспокоился мой усатый дуэнья.

— Обещаю, — покривила я душой.

Как только таракашка просочился между дверью и половицей, я на непослушных ногах доковыляла до кровати и рухнула. Слез не было. Была банальная безнадежная тоска и грусть. Отчего именно — и сама толком не понимала. Мысли в голове присутствовали на редкость мрачные и апатичные: «Кассандриола скоро займет мое место, и чтобы ее не раскрыл этот ушастый, нужно побыстрее его спровадить. А Арий... надеюсь, он будет счастлив со своей настоящей женой». От этих размышлений на душе стало как-то особенно пасмурно. А вот логика подсказывала, что надо бы настоящей Кесси свести знакомство с госпожой Амнезией. Желательно притворной и частичной. Это облегчит ей существование здесь на первых порах. Дракон ничего и не заметит...

Я покрепче стиснула подушку и закусил губу. Лучше уж так, чем слезы. Полежав немного, встала и потянулась за пером и пергаментом. Судя по всему, у меня появилась привычка записывать, а потом листы, испещрённые мелким почерком, закидывать Фиру в пространственный карман.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

17.02.2016 по римскому календарю

20 травня 9785 года по веремскому летоисчислению

День, столь эмоционально начавшийся, просто не мог пройти тихо. После того, как я закончила райтинг-терапию, чернила, еще не высохшие, аккуратно пересыпала песком. Эх, кто бы мог подумать: промокашкой-то моя прабабушка последней в роду Русовых, наверное, пользовалась, а я вон в какой архаизм ударилась. Спасибо Фиру — научил, а то до этого вообще по полчаса над пергаментом сидела — ждала, пока чернила высохнут, прямо как лак на ногтях.

Описала все события прошедшего дня (стало значительно легче) и только, припрятав свою писанину в надежное место (таракашка придет — закину ему), собиралась поспать, как в спальню просочился мой усатый дуэнья. Именно что просочился, как туман в дверную щель.

— Хорошо, что ты уже встала! У меня такие новости, такие! — Членистоногий напарник буквально пищал от восторга.

— Что, нашли убийцу архимага?

— Нет, еще нет, но, судя по всему, я знаю, в чем именно он не хотел принимать участие.

— И в чем же?

— Смотри. — Фир, щелкнув лапами, достал из кармана желтые газетные листы. С важным видом развернув периодику, он для солидности выудил из пространственного кармана невесть зачем спрятанное там пенсне. Держа его одной из средних лап, таракашка, с видом представительного лондонского джентльмена, зачитал:

— Сегодня, 20 травня 9785 года, руководитель магического отдела новейших военных разработок нашего союзника, королевства Эйлат, господин Кейларгус Орей, сменивший на посту внезапно скончавшегося придворного архимага Багрима Крискора, объявил о том, что работа над заклинанием под названием «Грозовой шквал» закончена.

Новость и впрямь была значимой. Хотя бы потому, что там фигурировало имя убитого. Я выхватила у Фира газету и пробежалась взглядом по типографским строкам:

«Сие заклинание, по уверениям господина Орейя, обладает

чрезвычайной способностью к поражению, распространяясь шквальной волной, в честь чего и получило свое название. Радиус его смертельного поражения, по уверениям нового архимага, — несколько лин, а частичного — до расстояния дневного конного перехода от эпицентра взрыва. К тому же остаточный эффект поражения от такого чародейства рассеивается в течение недели...»

Дальше читать не стала, газета выпала из рук. Перед глазами так и стояли Хиросима с Нагасакой... Так вот в чем не хотел участвовать архимаг! Вот его и убрали, найдя нового, сговорчивого. В голове мысли начали щелкать, как костяшки на счетах в руках опытной базарной торговли. И картина, которая вырисовывалась, была совсем не радужной. А тут еще слова Айвики про продажность короля и оружие... Война. Оружие. Война...

— Фир, скажи, Глиберус, отец Кесси, он что-то знал об этих разработках?

— Не знаю точно. Но вот то, что господин последние полгода разрабатывал реагент-закрепитель, чтобы заклинание в него впиталось, — было такое. Он еще по итогам работы гордился тем, что состав нужно только сильно разогреть, а лучше поджечь, и тогда сила заклинания высвободится. Что весьма удобно. Для активации такого не нужен будет сильный маг. — Таракашка поучительно задрал лапу вверх и запрокинул голову, отчего зайчик, порождаемый бликом его пенсне, заплясал на потолке.

Я не оценила ни гения придворного алхимика, ни речи членистоногого.

— Эх, ты! А господин, между прочим, на этот закрепитель полгода потратил! ночами не спал...

— Так ты все это время знал и молчал? О таком!

— Ну, я думал, это к делу не относится... — сдулся таракашка.

— А теперь послушай меня. Вот какая занятная картина видится мне: две стороны воюют, причем силы равны. И тут вскрывается, что в лабораториях одной из них почти готово оружие, которое может ход этой войны переломить. Действия противника?

— Ну, либо выкрасть разработки и начать их дорабатывать, либо попытаться уничтожить...

— А если времени на кражу и доработку своими силами нет? Если на границе маячит еще одна армия, другого неуемного соседа, а диверсия по

уничтожению разработки не представляется возможной? Имеется несколько архивов, или...

Фир не дал мне продолжить, щелкнув лапами, разве что «Эврика!» не закричал.

— Так вот почему драконы так быстро прислали посольство с мирным договором. Их дипломаты во главе с Саликом Чейдрой чуть ли хвостами пол не мели. Да и подписали его на не самых выгодных условиях, вот только я не понимаю, зачем наш король на это согласился, он мог бы подождать, а потом добить драконов...

На этот раз я перебила таракашку:

— Потому что король не дурак. Было, так полагаю, нужно время на доработку, к тому же, если сопоставить слова Айвики с тем, что мы уже имеем, то вырисовывается следующее: Нериус от этого получает полнейший профит. Продолжение войны — это затраты для казны. Мир в экономическом плане более выгоден.

— Откуда ты это знаешь?

— Не перебивай, у моей страны богатая история войн была и есть, так что идем дальше. Если бы Нериус сделал, как ты говоришь, то он получил бы в итоге вместо одного изнуренного войной государства два, а соседи, с которыми сейчас сражаются сыны неба, обрушили бы свою армию на только что завоеванные людьми земли драконов, которые бы и сдались без боя... При мирном же договоре и начавшейся войне между драконами и демонами выигрывают люди, продающие оружие обеим сторонам. Как итог — обогащение казны.

— Тогда, следуя твоей логике, — начал Фир, — за этой воной будет объявлена следующая: Нериус Победоносный может опустить забрало против выжившего в схватке противника.

— И подчинить себе территорию и драконов, и демонов, — закончила я.

Повисла долгая пауза. Каждый размышлял о своем.

— Думаю, эта статья, — нарушила я молчание и ткнула пальцем в газету, — своего рода PR-ход: кто из враждующих сторон больше заплатит, тому и достанется возможность испытать действие этого «Грозового шквала» на противнике. А во всеуслышание — чтобы боялись не только власть имущие, но и обычные граждане. Ведь боязнь рождает смуту, а смута способна расшатать самый надежный трон... Но это пока лишь предположения, которым нужны доказательства, — подвела я итог.

Фир лишь тихо присвистнул, а потом выдал:

— А я-то думал, женская логика способна только сломать любые

железные доводы...

— Это было нечаянно, больше не повторится.

— Нет уж, давай, эксплуатируй ее, эту твою логику, на полную. Убийство-то распутать надо. А то ишь, «не повторится»! И даже не вздумай ее выключать, — проворчал Фир.

На это его заявление я оптимистично ответила:

— Не переживай. Когда по непонятным причинам не срабатывает женская логика, то тут же на помощь ей приходит женская фантазия, которая контрольным выстрелом и добивает мужской мозг.

— Только меня этой фантазией не убей, снайперша.

Таракашка призадумался, а я решила резюмировать все сказанное до этого:

— Итак, ныне убитый архимаг по каким-то причинам, подозреваю, то ли не хотел дорабатывать этот «Грозовой шторм», то ли не желал, чтобы по итогам испытаний оружие попало в лапы драконам, за что его, скорее всего, и убили. Интересно, новый маг оказался более сговорчивым или..?

Я обратилась к Фиру, но таракан лишь развел всеми шестью лапами, разве что не добавил: «Не могу знать...»

— Хорошо, пока оставим этот вопрос открытым. Судя по тому, что и со стороны людей, и со стороны драконов «козлами и козами отпущения» были выбраны лица хоть и высокопоставленные, но не «голубейшая из кровей», правители обеих держав гипотетически предполагали возможность нового военного конфликта.

С этим Фир не мог не согласиться.

Я перевела взгляд на первую полосу газеты, где помимо сенсационной статьи присутствовал еще и анонс других новостей. Аккурат под заголовком «Актырский вестник» (судя по названию, издание не из бульварных) мелким шрифтом красовалось: «Победное шествие нашей армии по Кичиеру» и «Молодая княгиня Зур пожелала отречься от мирской суеты и ушла послушницей в орден Златокрылой Марьясы».

Про наступление читала по диагонали, а вот новая адептка этой Златокрылой святой меня заинтересовала. Аж два раза ознакомилась с маленькой заметкой о супруге князя Зура и про себя усмехнулась: «Ну да, вроде как повеление правителя этот таинственный субъект выполнил. Жениться — женился, но о том, что после свадьбы супруга не решит в монастырь местный податься, — уговора не было. Поэтому сейчас наш подозреваемый номер четыре почти „женатый холостяк“, сердечные увлечения которого на стороне общество осудить не сможет ни при каком из раскладов. Ловко, однако».

Я заинтересованно уставилась на газетные строки, а Фир тем временем — на меня. Когда ступор достиг апогея, таракашка обеспокоенно зашевелил усами и, толкнув меня лапой (скорее для очистки собственной совести, ибо сколь-либо ощутимого эффекта этот жест не возымел), выдал:

— Эй, что с тобой?

Я очнулась от размышлений.

— Да так, ничего, извини, задумалась. А какая вторая новость, которую ты мне хотел сообщить?

— В смысле, «вторая»?

— Ну, когда ты забежал в комнату, кричал: «У меня такие новости!». Одну, про «Грозовой шквал», ты озвучил, значит, должна быть и вторая.

Моя членистоногая дуэнья хлопнул себя лапой в районе основания усов:

— Вот первозданный мрак, я и забыл совсем с этой политикой! Вся челядь судачит о супруге князя Зура — Пайрем, ушедшей в послушницы. Версии одна другой чудесатей. Кухарка считает, что этот Ронгвальд — сам мракобес во плоти, вот и довел девочку до столь отчаянного поступка. Караульные с ловчими утверждают, что эта Пайрем — сама девица жутко изнеженная и избалованная, не привыкшая к семейной жизни, поэтому и бесится. Обе белошвейки в один голос судачат: дескать, на Зурову супружницу снизошла благодать святой...

— Вот мы и проверим, какая из них верна, — закончила я за таракашку.

— С ума сошла? — заверещал Фир, — в эту обитель за вход золотый, за выход два! Даже не вздумай туда соваться.

— И все же девица Пайрем может дать ответы на некоторые вопросы. Этот Зур — уж очень темная личность. Надеюсь, что с ней Кассандриола хотя бы не была близко знакома?

— Нет, — насупился Фир, «осчастливленный» моей новой идеей. — Сея барышня, насколько помнится, вообще получила исключительно домашнее воспитание, скорее всего, с перекосом в духовную сторону.

Он было хотел развить эту тему, но тут в дверь постучали. Пришлось ему срочно ретироваться.

В комнату вплыла Нария. Настроение у камеристки было явно радостным: она разве что не сияла, как солнце. После приветствия служанка произнесла:

— Господин Арий отбыл сегодня рано утром и не велел вас беспокоить. Хотел, чтобы вы отдохнули и выспались хорошенько. На словах же просил передать, что будет писать каждый день, и просил вас

быть осмотрительнее с Эрином — своей попранной донжуанской репутации он так просто не простит. — При этих словах Нария невеста чему разулыбалась, словно была в курсе ночной серенады. А может, и была? И добавила: — Судя по всему, вы, Кассандриола, очень дороги господину.

От последних ее слов на душе стало чуточку теплее. Но расслабляться не стоило. Попросила служанку распорядиться о виверне и раздобыть веревочную лестницу. Повторять фееричный спуск на шею эльфа как-то не хотелось. Тем более, в обитель Златокрылой я планировала отправиться одна.

Крылатый экипаж прибыл как раз после завтрака. На этот раз я, наученная горьким опытом, прихватила с собой небольшую дорожную кладь, где помимо лестницы было еще несколько полезных вещей. Фир уже традиционно угнездился у меня в прическе. «Хорошо хоть излюбленным местом дислокации таракашка выбрал прическу, а не декольте», — подумалось некстати.

Нария, задрав голову, наблюдала за тем, как погонщик закидывает меня в седло. Мужичок, суховатый и с сединой в висках, громко, как это обычно делают тугие на ухо люди, спросил:

— Куда направляемся, госпожа?

— В обитель Златокрылой, — так же громко ответила я.

Погонщик утвердительно кивнул, дав знать, что услышал конечную точку маршрута, но, судя по тому, как всполошилась Нария, моя реплика достигла не только его ушей.

Камеристка подхватила юбки и ринулась вверх по лестнице. Не нужно было быть провидцем, чтобы догадаться, к кому она поспешила за подмогой. Да, у остроухого эфэсбэшника сегодня день начнется опять с неурочной побудки...

Вот только бы знала я заранее, чем обернется моя нынешняя эскапада и где я встречу закат, трижды бы подумала соваться в эту обитель.

* * *

Стены обители Златокрылой были высоки, что невольно вызывало ассоциацию с неприступным бастионом. Виверна, заложив круг, пошла по спирали на снижение, точно приземлившись на небольшой пятачок брусчатки, аккурат перед воротами сего монастыря, расположившегося в густом лесу одного из предгорий хребта.

— Ну все, госпожа, прибыли. Если надеть чаво, обождать аль прилететь к сроку, — вы только скажите, исполню все в лучшем виде. — Погонщик был сама любезность, получив за перевозку целый золотой.

— Тогда прилетайте к полудню, когда солнце будет в зените. — Я решила не рисковать. Неизвестно еще, вдруг придется отсюда ретироваться в срочном порядке. В таком случае «припаркованная» виверна под боком не помешает.

Спустившись не без помощи веревочной лестницы, концы которой мужичок затем услужливо открепил, я посмотрела на массивные дубовые ворота обители. За ними-то и таилась ответы на многие вопросы.

Поблагодарив погонщика и скрутив поклажу, двинулась ко входу. Сильный поток воздуха в спину (не иначе, виверна на взлет пошла) придавал ускорения. Подойдя к воротам, я устояла на позеленевшую от времени медную колотушку, такую здоровую, что нужны были немалые усилия, чтобы использовать ее по назначению. Приготовилась к неравной битве, аккуратно положив свое добро на брусчатку и уперев ноги в камень. Схватила за колотушку. Но едва я только прикоснулась к металлу, створки начали открываться сами. Темная пасть пустого черного пространства, которое заволокло чернильным туманом, волна сырого, холодного, как в леднике, воздуха — и голос, сухой, слегка надтреснутый:

— Входи, дочь моя.

— А может, не стоит? — Реплика Фира, прозвучавшая в районе правого уха, была полностью идентична голосу здравого смысла. Вот только уйти — означало потерять шанс найти убийцу архимага. А потому я сделала первый шаг в этот филиал морга, где внезапно отключили электричество.

Уже было настроилась идти долго и упорно, но, как оказалось, темнота — лишь визуальный эффект. На деле коридор был не больше десятка шагов, вот только пройти их предлагалось в полнейшем мраке, настолько плотном, что классическая дымовая завеса, под прикрытием которой бравые ребята «Альфы» штурмуют противника, показалась бы прозрачной, как слеза.

Когда я очутилась во внутреннем дворе обители (к слову, по площади весьма внушительной), передо мной стояла одна из адептов Златокрылой. Высокая, костлявая, в длинной черной мантии с треном, в монашеском клобуке на голове, она походила на какую-то страшную птицу. Ее ссохшееся, пожелтевшее лицо, холодные, серые, немигающие глаза и бескровные, плотно сжатые губы ассоциировались у меня с упырем, хотя последнего видеть еще ни разу не доводилось.

— Что привело тебя в нашу обитель? — не сказала, скорее прокаркала приверженка ордена.

Глядя на нее, даже как-то не хотелось озвучивать то, что еще не столь давно казалось отличной идеей. Но деваться уже было некуда.

— Мое имя Кассандриола Дирриетгинг. Намедни моя соотечественница примкнула к вашему ордену, и я решила последовать ее примеру...

— Похвальное решение, но прежде тебе следует поговорить с настоятельницей. Я к ней провожу.

Мне оставалось лишь согласно кивнуть. Пока шла следом за провожатой, старалась подстроиться не только под ее шаг, но и настрой, под самую атмосферу обители: мрачную, немногословную, как будто застывшую во времени. Невольно подумалось: «Насколько же должен быть ужасен этот князь Зур, раз девушка добровольно решила заточить себя на всю жизнь в этом склепе?»

Все хорошее когда-то заканчивается, плохое, впрочем, тоже, и наша дорога до настоятельницы завершилась. Провожатая постучала костяшками в дверь, и, дождавшись властного: «Входите», приоткрыла ее, бросив напоследок, чтобы я дождалась приглашения на аудиенцию тут.

«Здесь так здесь», — философски решила я. Первое впечатление от давящей атмосферы начало блекнуть под натиском усиленной работы мысли. Мне надо было добиться встречи с этой Пайрем, а потом как-то выбраться отсюда. Вот только нутром чую, прав был Фир, за выход здесь два золотых...

Когда я наконец-то вошла в келью, выполнявшую роль приемной, помимо уже знакомой мне упыревидной монахини в помещении обнаружилась дородная фрау с лицом вечно чем-то недовольного человека.

— Рассказывай, дочь, что привело тебя к нам. Говори без утайки... — протянула она басовито.

— Отчаяние и желание найти здесь душевный покой, как и Пайрем, что прибыла сюда не столь давно.

При моих словах обе последовательницы учения Златокрылой переглянулись. «Не к добру», — пронеслось в голове.

Но меня, как приснопамятного Остапа, уже понесло. Рассказ о времени, якобы проведенном в стенах института благородных девиц (суфлировал Фир, солировала я, вплетая в ткань повествования и собственные воспоминания, правда, сильно отредактированные) был воспринят благосклонно, но без должного энтузиазма. А вот повествование о неверном муже, тем паче о его любовнице, заявившейся сразу же, как я,

немоцная, только что оправившаяся от тяжелой травмы, встала чуть ли не со смертного ложа, заинтересовала монахинь гораздо больше. Закончила свой рассказ фразой:

— Но я не столь благочестива и набожна, как моя соотечественница, поэтому перед принятием окончательного решения хотела бы побеседовать с нею.

Чернорясые посовещались. Результатом их непродолжительной беседы стало решение все же дозволить свидание с Пайрем, при условии, что я останусь на ночное бдение. По последнему пункту у меня было категорически другое мнение, но озвучивать его я пока не стала. Сейчас главное было, чтобы меня пустили к девушке.

Когда мы вошли в молельню, тринадцать женщин возрастом от восемнадцати до тридцати пяти лет, одетые одинаково в черные люстриновые халатики, вроде монашеских ряс, и в коричневые тиковые передники, в белых косыночках на головах, покорно стоя на коленях, пели то ли псалом, то ли еще какую молитву.

— Пайрем, встань с колен, дщерь моя. С тобой, проникшейся уже благодатью Златокрылой, хотела бы побеседовать Кассандриола. Эта девушка, как и ты, была насильно выдана замуж. Её вдохновил твой поступок, посему она готова пойти по твоим стопам, ей нужно лишь напутствие.

«Ай, как сладко врешь», — про себя откомментировала я эту полную патоки речь.

Тонкая, бледная зеленоглазая красавица, которой на вид было не больше двадцати, с золотисто-белокурыми косами, струившимися из-под скромной белой косынки, поднялась с колен.

В ее смиренном взоре, опущенных плечах не было даже намека на желание борьбы. Покорность и послушание — вот те эпитеты, которые подходили бы этой будущей инокине лучше всего.

Как только нас обеих отвели в небольшую келью, оставив одних, я задала не заранее подготовленный вопрос, а тот, что вырвался у меня непроизвольно:

— Зачем ты сюда пришла?

Девушка кусала губы, пряча взор. Я уже думала, что она не промолвит и слова, как прозвучал ее мягкий грудной голос:

— Передо мной был выбор: останься с князем, то погубила бы душу, придя сюда, я погублю лишь тело. А наше тело — тлен, душа же вечна.

— И как же ваш супруг мог погубить вашу душу? — Фир, закопошившийся в волосах, похоже, тоже жаждал знать ответ на данный

вопрос.

Послушница залилась краской до кончиков ушей и замолчала в лучших традициях белорусских партизан на допросе. Мой взгляд невольно пробежался по ее шее: гайтан с символикой ордена, прямая спина и колени, неестественно плотно сжатые. А еще предположение таракашки о излишне пуританском воспитании...

— Дело в первой брачной ночи? — ткнула пальцем в небо.

Девушка лишь кивнула, а потом по ее лицу беззвучно потекли слезы. Вот на такое проявление чувств я даже не знала, как реагировать.

— Ну, полно, полно, — прижала ее к себе, глядя по голове. — Мне ты можешь сказать все, без утайки. Я не настоятельница обители, давно отошедшая от мирской суеты. Нас обеих выдали замуж за драконов, и возможно, мне, как никому другому, дано тебя понять.

Послушница шмыгнула носом и посмотрела в глаза, будто спрашивая взглядом: «Правда? Могу?» В ее изумрудно-зеленых очах, цвет которых напоминал мне только что развернувшуюся молодую листву, плескалась боль и отчаяние. Она начала свою невольную исповедь, сбиваясь, постоянно отвлекаясь на цитаты из каких-то священных писаний и стыдясь того, о чем ей приходится говорить.

Как оказалось, разница в мировосприятии может довести до трагических последствий. Пайрем была воспитана в лучших традициях целомудрия, ровным счетом ничего не зная о плотской стороне семейной жизни. Ее отец, вдовец и рьяный приверженец священных трактатов, считал, что девице незачем не только общаться с противоположным полом, но и знать о мужчинах что-либо, ибо эти знания ведут к греховному падению. Содержа свою дочь в строгости, так, чтобы она ни разу не оставалась с мужчиной (за исключением собственного отца) наедине, батюшка добился того, что Пайрем искренне считала: дети рождаются в результате поцелуя, от всех бед и болезней помогают лучше всего молитвы, а удел женщины — смирение.

И вот такая пуританка вдруг оказывается в спальне с мужчиной, пусть и мужем, а князь Зур... Исполдволь, намеками и обходными путями (ибо прямо говорить о таких вещах послушница стеснялась) удалось выяснить, что супруг Пайрем, не подозревавший об особенностях мировоззрения молодой жены, начал раздеваться в спальне при свечах, причем делая это достаточно быстро. В результате девица, впервые оставшаяся с мужчиной тет-а-тет, увидела все и сразу. Чувств не лишилась (о чем, судя по всему, искренне сожалела). На мой завуалированный вопрос: «А что у него было такого, чтобы обнаженное тело вызвало панический страх?» — девушка

расширила от ужаса глаза, а потом, собравшись с духом, описала татуировку на правом плече, присовокупив, что такие носят лишь продавшие душу тьме. Фир как услышал, что у Зура имеется сей занятный рисунок: роза ветров, вписанная в эллипс, тут же оживился и начал нашептывать на ухо: «Расспроси подробнее, уточни, был ли на груди клиновидный шрам, и вообще, про рубцы и раны в районе сердца».

Почему этот пункт так заинтересовал усатика, я расспрашивать не стала, чтобы не нарушать конспирацию, а вот про шрамы уточнила.

— Значит и ваш муж тоже? — в ужасе воскликнула Пайрем.

— Что тоже?

— С таким же рисунком?

Пришлось кивнуть головой, соглашаясь.

— У Ронгвальда был и, как вы правильно сказали, клиновидный шрам как раз над сердцем, и несколько других, чуть выше, обвитые странной вязью, но страшнее даже не это, а то, что он хотел со мною сделать.

— И что же? — задала я ожидаемый в данной ситуации вопрос.

— Раздеть. Я думала, поцелуя будет достаточно, чтобы подарить супругу наследника, но ему было мало, он хотел надругаться... — Пайрем начала давиться слезами. — А я, я сказала, что не позволю ко мне прикоснуться, что лучше умру, чем... и выбежала из спальни. Я неслась по коридорам, не разбирая дороги, пытаюсь от него спрятаться. Толкнула, не глядя, одну из дверей, оказавшуюся незапертой. А в той комнате... там была пыточная, не иначе: цепи, короткие плетки, какие-то странные маленькие шарики, соединённые тонкой цепочкой, повязки на глаза... Когда князь меня нашел, то буквально выволок оттуда и сказал, чтобы молчала об увиденном. Я и молчала, несколько дней боясь заснуть и закрываясь в своей комнате, пока муж был дома. Хорошо, что он больше не пытался повторить того, что было в первую ночь. Как только он покинул дом, я сбежала и направилась сюда...

Она еще всхлипывала, а я про себя крыла благим матом и свихнувшегося на почве фанатичной веры отца Пайрем, и монашек этого гребаного ордена. Наверняка ведь эта девчонка и им рассказала, хотя бы в общих чертах, что произошло. А они, вместо того чтобы разубедить ее, объяснить, откуда берутся дети, уверили девушку: муж — воплощение всех грехов, и если хочет она спасения души, то путь ей один — стены обители. Догадка, родившаяся в голове, требовала подтверждения, и я решилась задать вопрос в лоб:

— Скажи, а для того, чтобы здесь остаться, кроме желания что-нибудь нужно?

Пайрем в недоумении уставилась на меня, пришлось пояснить:

— Подписывать бумаги, дарственную или еще что?

— Конечно, — как само собой разумеющееся ответила послушница. — Мое приданое полностью отходит обители, а князь должен будет заплатить еще двести тысяч золотых, как мне объяснила мать-настоятельница. Но это уже по их, драконьим, законам. Я так поняла, что муж, если жена захочет отправиться в монастырь, не должен этому препятствовать. А я вроде как сбежала, следовательно, он меня неволил... у нас такого же нет.

«Что-то мне это смутно напоминает», — подумалось вдруг. Никогда набожностью не страдала, в церковь особо не ходила и как-то не задумывалась, отчего некоторые попы ездят на «бэхе» шестой модели. А вон как: здесь «бумеров» нет, но мощну верующих адептки ордена потрошить тоже хорошо умеют.

Я смотрела на эту девочку, по годам мою ровесницу, но в душе — она же еще совсем ребенок! Наивную, запертую всю свою недолгую жизнь в своде догм и пуританских правил. И вот сейчас Пайрем собственноручно губила себя окончательно, в стенах этой обители.

Умом я понимала, что ничем помочь ей не могу. Здравый смысл вопил: «Себя сначала вытащи из всего, во что вляпалась», но я, наверное, полная дура и идиотка, раз решила объяснить послушнице хотя бы то, что произошедшее в первую брачную ночь — норма, что жить в браке можно, и эта самая жизнь намного лучше серых стен, где она заживо себя хоронит в постах и молитвах.

Уже было открыла рот, чтобы озвучить эти мысли, но призадумалась: а не сочтет ли Пайрем меня этаким мракобесием искусительницей? Начала осторожно, как бисер на нитку, подбирать слова, вспоминая пестики и тычинки, уроки биологии, издавна.

— Знаешь, твой батюшка тебе кое-что не рассказал о супружеском долге... Видишь ли, поцелуй — это вступление, за которым идут основные аккорды.

Пайрем смотрела на меня внимательно и подозрительно, впрочем, возражений с ее стороны тоже не последовало, и я восприняла молчание как согласие и продолжила. Лекция, в ходе которой сперматозоиды и яйцеклетки были переименованы в «частицы сути, из которых и зарождается дитя, похожее на обоих родителей», и проведен краткий экскурс в женскую анатомию и мужскую физиологию, затянулась надолго. Молодая адептка слушала внимательно, лишь только кончики ее ушей алели.

— Так это получается, что князь пришел исполнить свой супружеский долг, а я... — Девушка закрыла пылающие щеки руками.

Я ее прекрасно понимала. Перестройка мировоззрения процесс не сиюминутный, но, судя по всему, Пайрем не глупа и достаточно быстро все схватывает. Вот только времени у нас было еще меньше. Требовательный стук напомнил о том, что разговор наш весьма затянулся.

Я бросила взгляд на дверь, потом на послушницу. Что же, информацию я ей дала, пусть принимает решение, от которого зависит вся ее дальнейшая жизнь. Жаль, что на раздумья у нее — лишь толика секунды.

— А теперь ответь мне: если бы у тебя был шанс вернуться к мужу и попробовать все сначала, что бы ты выбрала? Осталась здесь или рискнула?

Огромные зеленые глаза смотрели на меня с надеждой. И в них впервые за все это время я увидела блеск. Блеск не слез, а решимости, готовности бороться за свою жизнь.

— Если бы судьба дала мне такой шанс, я бы обязательно попробовала, — ответила она порывисто, но потом сникла: — но из этой обители нет обратного хода.

— Я его найду, доверься мне.

— Вы уже закончили? — донеслось из приоткрывающейся двери.

— Да, вполне, я толь... — договорить мне не дал пронзительный, переворачивающий все внутри крик, донесшийся со двора, куда выходило окно кельи.

Что-то мне подсказывало, что возмутитель спокойствия нам с Фиром знаком, а потому не стоит мешкать. Пока Пайрем с вящим ужасом смотрела на открывающуюся дверь, я схватила первое, что попало под руку. Это оказался станок для вышивания, на котором лежала рама с пяльцами. Рушник, наполовину вышитый, полетел на пол, а вот сам станок был использован мною как метательное оружие.

Упыреобразная монахиня, входившая в этот момент в келью, инстинктивно сделала шаг назад, в коридор, в попытке ретироваться с линии полета столь специфического снаряда. Это мне и было нужно. В мгновение ока оказавшись рядом с дверью, я резко дозакрыла ее, толкнув изо всех сил.

— Стул, живо! — Мой резкий голос вывел послушницу из ступора, и она, схватив требуемое, кинулась на помощь.

В это же время на дверное полотно из коридора налегали с недюжинной силой. Еще немного в таком же духе, и удержать вход

закрытым я не смогу. Подоспевшая Пайрем помогла упереть ножки стула в пол, а перекладину спинки — в ручку так, чтобы открыть дверь было нельзя.

— Это ее немного задержит. И откуда у монахини такая силища? С виду-то немочь бледная...

— Мать Секлетерия каждое утро совершает моцион, укрепляющий дух и тело, — начала было девушка.

«Ага, не иначе сии упражнения из комплекса айкидо или карате», — закончила я за послушницу.

Впрочем, разводить светскую беседу времени не было. Я подбежала к окну как раз в тот момент, когда виверна с очередным оглушительным криком ударилась о ячеистый купол. Его границы стали отчетливо видны при соприкосновении брюха и лап ящерицы с прозрачной до этого поверхностью. Дрожащая полусфера, состоявшая словно из сот, показалась на пару мгновений, а затем снова стала невидимой.

— Это еще что за... — вырвалось у меня непроизвольно.

Фир, высунувший усы из прически, в тон мне прокомментировал:

— Твою дивизию! У них еще и охранный купол над монастырем. Дракону или виверне через такой не пробиться, слишком крупные...

Судя по всему, эльф (а за погонщиком сидел именно он) пришел к такому же выводу, и на следующем вираже ящерицы вокруг монастыря остроухий на манер пращи уже раскручивал веревку с крюком над головой.

Пайрем, широко распахнув глаза, стояла рядом, наблюдая разворачивающуюся картину. Она не заметила не только комментариев Фира, а оказись рядом с нею еще раз обнаженный супруг — и это, наверное, ускользнуло бы от ее внимания. Я тоже невольно залюбовалась: вот Эрин точным движением послал крюк между ячейками. Едва тот зацепился за один из остроконечных шпилей, эльфа инерцией выдернуло из седла, а виверна на бреющем полете ушла в сторону.

Леголасообразному каким-то чудом удалось буквально ввинтиться между ячейками сферы, и его понесло прямо на стену. Но этот верткий ушастый эфэсбэшник местного разлива был бы не он, если бы и тут не сумел выкрутиться: в последний момент сгруппировался так, что о каменную кладку стены спружинили лишь его ноги. Он, удерживая тело на натянутой веревке параллельно земле, пробежался по стене, гася силу удара, а потом, отпустив опору и сделав сальто в воздухе, приземлился на крышу амбара, находившегося рядом с башней.

— Откройте немедленно, чем вы там занимаетесь? — каркающий крик из-за двери напомнил о том, что и нам пора заканчивать с созерцанием.

— Развратом! — вырвалось у меня непроизвольно в ответ. — А вот сейчас еще и любовник к нам спешит.

После этого я высунулась из окна на полкорпуса и закричала, обращаясь уже к Эрину:

— Любимый, приди ко мне, я жду тебя!

Эльф, услышавший мой голос, ошалело завертел головой. «Не иначе на радостях. Дождлся-таки взаимности», — мысленно прокомментировала, сама тем временем отчаянно жестикулируя. Эрин заметил, откуда я ему семафору, и ринулся в мою сторону.

Я же, в лучших традициях средневековых дам, что сбрасывают веревочные лестницы с балконов возлюбленным, потянулась за своей поклажей.

Когда, закрепив концы подъемного средства, кинула ее вниз, так что верёвка со ступеньками резво размоталась из рулона, эльфу как раз оставалась пара метров до стены. Он бежал на диво резво, а следом за ним — толпа монахинь: кто с вилами, кто с рогатинами, а кто просто так, то ли для массовки, то ли реально для того, чтобы голыми руками изничтожить диверсанта.

По лестнице Эрин не забрался, а буквально взлетел, и, перевалившись через подоконник, тут же втянул спасительный подъёмный механизм следом.

Я просто-таки не могла оставить увиденное без комментария:

— Мечта любого мужчины, когда за ним женщины носятся толпами.

— Ага, — отдышавшись, выдал эльф, — а кошмар — когда преследуют с намерением разорвать в клочья. — Затем, осмотрев меня с головы до ног, выдал: — Я тоже рад видеть вас, Кассандриола, в добром здравии. Хотя последнее вызывает сомнение. Я имею в виду ваше душевное здоровье...

Если перевести на нормальной язык слова эльфа, получалось: «Какого лешего ты, Кесси, сюда приперлась?»

— Мое здравие в полном порядке, просто я не смогла оставить в беде подругу...

— Еще одну? — обреченно вырвалось у ушастого. Похоже, он провел аналогию: Айвика — ночная серенада, и сейчас мысленно готовился к чему-то подобному.

— Открывайте! — донеслось из-за двери. Судя по звукам, Секлетерия нашла то, что можно использовать в качестве тарана.

Выглянула в окно. Шустрые монашки уже тащили приставную лестницу. Засада.

— Ну, как будем выбираться? — задала я самый актуальный на данный момент вопрос.

— А о чем вы, княгиня, думали, когда сюда шли? — светским тоном осведомился эльф, хотя глаза его при этом метали грома и молнии.

— Я надеялась на вас. — Невинный взгляд и руки, разведенные в жесте «это само собой получилось», заставили Эрина закипеть так, что пар из ушей того и гляди пойдет.

— Вот и выбирайтесь сами, а я пошел. — Шпиён встал с пола и, отряхнув колени, направился к выходу.

Звук, характерный для барана, решившего испытать новые ворота на прочность, донесшийся с той стороны двери, несколько охладил его пыл.

— Да-да, и с другой стороны нас тоже ждут, — прокомментировала я.

— Арий за это дорого заплатит, — тихо прошептал эльф. Не иначе рассчитывал, что его никто не услышит.

— Золотом? — В критической ситуации желание язвить проявлялось у меня сильнее обычного.

— Нет, так просто он от меня не отделается, — мстительно ответил леголасообразный, обнаруживший, что лучше свои мысли держать при себе, не надеясь на тугоухость собеседников. А потом, оглядевшись по сторонам (Пайрем, созерцая Эрина, изображала кролика, перед которым удав извивался причудливыми кольцами), выдал: — Мне нужна рамка, любая, хоть оконная, хоть от картины. Чем меньше, тем лучше, но так, чтобы вы могли в нее пролезть.

— Для телепорта? — Я, кажется, начала понимать, что задумал ушастый. Хотя и не представляла: как? Магии-то в эльфе нет.

— Да, именно.

Пробежалась взглядом по келье. Оконная рама — ее не выломать. Зеркал и картин нет. Зато были палки. Пайрем замерла в благоговейном ужасе. Судя по всему, я совершила страшное богохульство, просто вырвав недовышитый рушник с ликом то ли святой, то ли мракобеса (образ из узелков в мешанине разноцветного мулине одинаково походил на обоих).

Критически осмотрела раму: небольшая, полметра шириной и сантиметров семьдесят длиной. Без юбок я пролезу однозначно, как и послушница. А вот эльф... Хоть он мужик и не бодибилдерской наружности, но плечи-то пошире женских будут.

— Пролезете? — Я продемонстрировала эльфу находку. Эрин, в это время увлеченно копошившийся с какой-то цацкой на полу, поднял голову.

— Издеваетесь? Вы бы, Кассандриола, еще рамку от мозаики витража предложили.

— Альтернатива — косяк от дверей, — указала кивком головы на «аналог» пялец, — но выламывать его будете сами.

Пайрем, наблюдавшая за нашей пикировкой, стояла, бережно прижав к себе поруганный мною рушник (все-таки, наверное, это был лик святой, раз послушница так за него ухватилась), и боялась вымолвить хоть слово.

— Ладно, между дверным проемом и этим... — эльф неаристократично ткнул на пяльца, — пролезу как-нибудь в сей пробник форточки.

Он подхватил свой амулет (или что это у него было) с полу, и, выпрямившись, взял у меня из рук рамку. Поставив на небольшом расстоянии два стула (друг напротив друга), Эрин на края сидений положил пяльца.

— А сейчас — не отвлекайте меня.

Я вроде и так не собиралась этим заниматься, Пайрем многословностью вообще не отличалась, а Фир, высунувший усы из прически, лишь недовольно перебирал лапами, не иначе молча критикуя действия дилетанта.

— Активировать амулет экстренного переноса без подстраховки через бетта-гиминную матрицу? Вот так, по-варварски? Да он рехнулся! — не выдержала членистоногая душа таракашки.

Благо сия возмущенная тирада была высказана на пределе слышимости, ускользнув от внимания как Эрина, так и Пайрем.

Тем временем леголасообразный опустил амулет в центр пялец. Цацка зависла в воздухе, а потом медленно, нехотя, начала раскручиваться против часовой стрелки. Лучи, исходящие из этого ювелирного подобия пятиконечной звезды, начали заворачиваться лепестками, заполняя пространство прямоугольного контура равномерным светом.

За окном послышался сначала женский даже не крик, а вой, сменившийся звуком падения чего-то большого и тяжелого.

Я непроизвольно оторвала взгляд от телепорта.

Эрин, стоявший у подоконника, отряхнул руки и, глядя вниз, во двор, изрек нравоучительным тоном:

— Запомните, милые дамы, если вы решите штурмовать окно неприятеля, нужно использовать приставные лестницы с крючьями, чтобы осаждаемым не так просто было их оттолкнуть от края стены.

— Вы их скинули? — Голос Пайрем дрожал. — Они же разбились...

«Нашлась тут жалостливая, — подумалось мне, — да и вообще, если так рассудить, у христианского слова „жалость“ ядовитый корень, который в первую очередь отравляет самого желельщика».

— Не разбились, а приземлились на тела своих сестер по вере, — педантично уточнил эльф, одной этой своей фразой получив от меня десятку бонусов симпатии.

— Однако, сеньориты, медлить не стоит. — Остроухий кивнул на портал. — Переход действует ограниченное время и скоро свернется, так что стоит поторопиться. И еще, сразу предупрежу: я подцеплял выход наугад, из ближайших, что сейчас стабильны и активированы. Скорее всего, это будет центральный телепортационный зал Актыра или общественный зал межконтинентальных перемещений, как вариант еще рамка местного университета чародейства — она тоже часто активна, если совсем не повезет, то выйдем в чьих-то частных владениях, но это вряд ли.

— Ну-ну, — тихо прокомментировал Фир.

Как оказалось, фраза таракашки оказалась пророческой.

Первым, подавая нам пример, телепортом воспользовался эльф. Он коротко, буквально в два шага взял разбег, резко прыгнул вверх, сильно согнув ноги, а потом ухнул в рамку телепорта как в колодец, аккуратно вписавшись в проем, так, что между его плечами и контуром расстояние получилось не больше толщины мизинца. «Ловок, чертяка», — подумалось невольно.

Следующей я решила отправить Пайрем. Этой девице все же стоило задать вектор ускорения, как тому ежу из поговорки, который птица гордая.

— Теперь ты. — Я посмотрела в глаза послушнице. Она еще сильнее прижала рушник к груди (и чего, спрашивается, ухватилась за эту тряпку) и нерешительно кивнула.

— Давай, залезай на стул и прыгай, точно так же, как Эрин, но только прямо, солдатиком. В детстве наверняка ведь купалась, в речке ныряла, и тут давай так же.

— Нннет, не купалась... — выдало это чудо.

— Тогда вот сейчас и научишься, — излишне оптимистично заключила я.

Девушка, опираясь на мою руку, взгромоздилась на один из стульев, а потом уже с него шагнула в рамку телепорта. Падая, Пайрем все же оглушительно завизжала, обеспечив мне частичную звуковую контузию. «Интересно, она повторит трюк „девица верхом на шее эльфа“ или приземлится нормально?» — подумалось некстати.

Дверное полотно, которое упорная монахиня продолжала брать тараном, дало трещину, да так, что щепка полетела в разные стороны. Недолго думая, я схватила свой саквояж, закинув его в телепорт. Повторив акробатический этюд Пайрем, взобралась на сиденье, чтобы нырнуть в

«прорубь» телепорта.

Однако и мать Секлетерия не дремала. Ее рука, показавшаяся из щели, оттолкнула спинку стула, и монахиня ворвалась в келью.

— Не уйдешь, мракобесье отродье! — С этим криком она ринулась ко мне.

Я решила, что хорошенького помаленьку, и прыгнула вниз. Подвела меня вечно о чем-то то кричащая, то пищащая госпожа Мода. Юбка оказалась объемной и длинной. За ее-то край и ухватилась последовательница учения Златокрылой.

Я уже была полностью в светящемся пространстве, когда сильный рывок дернул назад.

— Отстегивай низ амазонки! — писк Фира помог сориентироваться. Дернула ткань на себя, как дедка приснопамятную репку, а потом, вырывая с мясом все крючки и застёжки, просто-напросто отодрала от костюма юбку целиком, оставшись в панталонах. Монахиня, тянувшая с той стороны, наверняка, получив желанную добычу целиком, кубарем полетела к стене, но я этого уже не увидела. Телепорт начал сворачиваться.

— Давай! — скомандовал таракашка, — он сейчас и с той стороны схлопнется.

Этого-то он мог бы и не пояснять. Пара шагов, и я оказалась на месте, которое не походило ни на одно из перечисленных эльфом. Вывалившись из рамки, упала грудью на необструганные горбыли.

Первое, что увидела, — изгвазданные в грязи сапоги гренадерского размера. В уши ударил веселый и пьяноватый гвалт луженых мужских глоток.

— О, рэбья, вот и третья профурсетка пожаловала!

Этот комментарий был встречен одобрительными выкриками.

Я подняла взгляд чуть выше сапог. Попала! Вокруг были демоны.

Корчма, более всего похожая на бандитский притон, была грязной и зловонной. В нос ударил запах немытого тела и перебродившей браги. И демоны. Много. Здоровенные, с загнутыми, как у архаров, рогами, они смотрели на меня, как на новое развлечение. Столько мышц и тестостерона разом в жизни еще не встречала (матч «Спартак» — «Зенит», на который меня как-то затащил одноклассник Юрий, не в счет, там тестостерона не было, был лишь адреналин, да и то у фанатов, а я все два с хвостиком часа кутала нос в шарф, про себя моля, чтобы сыграли не важно как, лишь бы побыстрее).

— Хоть последняя пришла уже готовая, — пробасил все тот же голос, принадлежавший, не иначе, главарю этой теплой компании.

Снова грянул хохот. Я встала на четвереньки, потом выпрямилась, отряхивая панталоны, и самым светским тоном осведомилась:

— Ну, и кто тут мой клиент? Я по опту не работаю!

Эрин, с начавшим наливать фингалом под глазом (его, с заломленными руками, скрутили двое демонов), и Пайрем, обливающаяся слезами (ее под видом удержания уже облапывал какой-то архаровец), с недоумением вытаращились на меня. Впрочем, рогатики тоже.

Пока пьяноватые и не очень головы обдумывали услышанное, я, ухватившись за последнюю фразу про жриц любви, развивала тему, заговаривая зубы (и рога) этих складов тестостерона. Для спича как нельзя лучше подошел тон дотошного юриста (потому как, полагаю, опыт затыкания рта визгливым базарным бабам у собравшейся публики был немалый, а вот ответить на уровне «белому воротничку»...).

— Итак, уважаемый, — я подошла к одному из ближайших здоровяков и одернула несуществующую складку на его кожаном жилете, — кого вы ожидали увидеть?

Демон от такой моей наглости слегка растерялся:

— Дык наш господин заказал нам, значит, девок на развлечение, даже проход вона открыл. Сказал, что славно сегодня повоевали, можем и отдохнуть. Ну, мы и ждали, шо щас крали появятся, а вылетел сначала ентот, ушастый, — говоривший мотнул головой на Эрина, — и без разбору кулаком Дёмру по сусалам и заехал...

Судя по тому, что краснота на скуле одного из демонюк, державших эльфа, начала наливать синевой, это и был тот самый Дёмр. Да уж...

— А за ним блаженная, заоравшая что-то про мать и геенну...

«Ну, Пайрем... не могла заорать ничего другого? Обязательно было про святую мать с геенной огненной вспоминать!»

— Она не блаженная! Она профессионалка своего дела! Просто так ругается, — вступилась я за послушницу. — Разве уважаемый не слышал выражения: «мать твою через колено и с вывертом»? А про геенну — это слышала. Гангрону с сифилисом вот вспоминать она любит...

— Неа, а это как, покажешь? — заинтересовался демон, услышавший упоминание новой позы (судя по всему, он был местный любитель нетрадиционных асан «Камасутры»). — А чего эта так вырядилась тогда? — Кивок уже в сторону Пайрем.

— Так заказ же пришел от вашего господина такой, — все больше вживаясь в роль интердевочки, вещала я, — одна классическая — это я, один для нетрадиционных (все и без уточнений поняли, что речь идет об эльфе) и одна для ролевых игр...

— Вот ведь, аристократия! — непроизвольно вырвалось у кого-то с галерки, — не мог трех нормальных заказать. Все у них, господ, с вывертом. Вот на кой нам мужик, как его приходовать-то?

Эльф, понявший, что я его только что из категории «любителя мужчин» перевела в «проституты», дернулся, не иначе с намерением меня придушить (все же хорошо, что его удерживали двое демонов, один мог бы и не справиться).

— Вот сейчас и разберёмся, и если произошла ошибочка, произведем замену, — педантично уточнила я. — И отпустите, наконец, ребят. Не видите, красавчик Ко-ко устал, перенервничал. У него сегодня и так до вас клиент жутко требовательный попался, вот он и вспылil. Вы ведь наверняка не с букетами его встречали...

По похабной ухмылке демона поняла — не с букетом, скорее уж с трещащими в причинном месте штанами.

— Ладно, — махнул рукой мой собеседник-здоровяк. А потом уже обратился к державшим Эрина, — отпустите эту мару. И ро-ле-вич-ку тоже. — Презрительно протянул козлорогий, кивком указав на Пайрем.

«Уф, с одним разобрались: этих двоих отпустили. Теперь бы еще выбраться отсюда», — пронеслось в голове. А на макушке почудилось странное такое копошение. Словно Фир давился беззвучным смехом.

— Ой, не могу, — прошипел над ухом неунывающий членистоногий оптимист, — держите меня за усы и лапы, кому рассказать, не поверят... Мы-то тут, а в келью сейчас наверняка ввалилась толпа полуодетых лореток с намерением совратить благочестивую Секлетерию...

Я непроизвольно представила картину, как доблестная монахиня отбивается от любвеобильных блудниц, жаждущих отработать заплаченные им деньги. «Вот и пусть грешные души, доставленные на дом, эта Секлетерия и спасает, а нас с Пайрем оставит в покое», — подумалось мстительно.

— Веди тогда нас к заказчику. Будет у вас сегодня вечерок в лучшем виде, горяченький. Это вам я, куртизанка со стажем, гарантирую, — продекламировала, обращаясь к главарю рогатых.

Подхватив свой саквояж, с прямой спиной и самым невозмутимым видом последовала за топавшим впереди громилой. Знаю, как выгляжу со стороны. Невысокая, скорее даже мелкая, с задранным, как у зазнайки, носом и холодным, цепким, словно оценивающим, сколько каждый из демонов может заплатить за ночь со мной, взглядом. А внутри все буквально кричало: «Беги, беги прочь отсюда, куда глаза глядят! Это же дивы! Они тебя на части разорвут!» Но разумом понимала: если хоть на

долю мига дать слабину, позволить страху промелькнуть во взгляде... Тогда да, таки разорвут. И единственное спасение из этого ожившего кошмара — блефовать, играя на грани.

Эрин, слегка поостывший, это тоже осознал, состроив гримасу профессионала, которому предстоит привычная, но опостылевшая работа. Эльф подхватил под локоток застывшую столбом послушницу:

— Эмануэль, давай уже, выходи из образа скромницы. Ролевые игры отменяются, — проворковал он. А потом чуть писклявым, исковерканным голосом бросил в пространство, ни к кому из демонов конкретно не обращаясь: — Она у нас такая лицедейка... Как войдет в роль, так еще долго в привычное амплуа не возвращается. Зато достоверность исполнения — выше всяких похвал.

Фир, единственный из нас всех, кому в случае провала легче всего было сделать лапы, от души наслаждался сценой «эльф обыкновенный, ориентации нетрадиционной, в мужском малиннике», даваясь беззвучным смехом так, что на моей макушке его аж потряхивало.

Мы шли по коридору, а мысли лихорадочно скакали, как блохи по шкуре дворняги. Хорошо бы было нашей немногочисленной компании остаться с главарем этих демонов тет-а-тет. Но, как говорится, человек предполагает, а небесная канцелярия располагает...

Демонюка, подойдя к одной из дверей, осторожно, я бы даже сказала, с пиететом, постучал.

— Господин, к вам энто, заказанные профурсетки пожаловали.

— Я к себе никого не вызывал, — донеслось из-за двери, — это вам, развлекайтесь.

— Вышла небольшая накладка, — приветливым тоном работницы «Облапош-банка» начала я. — Хотелось бы уточнить некоторые детали и произвести замену девочек. Мы можем поговорить не через дверь?

— Входите, — выдал позволение властный голос, в котором мне послышались нотки обреченной усталости.

— Миль пардон, — проворковала я, обращаясь к провожатому, и игриво повела плечиком, ненароком оттесняя от входа здоровяка-демона.

Эрин, не будь дурак, пристроился следом, таща на буксире шокированную Пайрем.

Когда мы оказались в «нумере», первым делом невзначай прикрыла дверь, дабы любопытный громил-рогатик и помыслить не мог присоединиться к беседе. На нашу удачу, в замочную скважину оказался вставлен ключ, который ушастый, скрытый от взгляда хозяина комнаты моей спиной, не преминул незаметно проверить.

«Приятно иметь дело с профессиональным шпиёном, когда играешь с ним за одну команду», — подумалось мимоходом.

Хозяин комнаты предстал перед нами полуобнаженным, сидящим в кресле напротив горящего очага. Он созерцал языки пламени, что в исступлении обнимали сухие поленья, и в его лице не было ничего демонического: большие темные глаза смотрели на мир с невыразимой печалью и мудростью, губы, сложенные в горькую усмешку, черные вьющиеся волосы, свободно ниспадающие на плечи. Разве что рога, и хвост говорили о его нечеловеческой сути.

От фигуры демона веяло какой-то скорбной задумчивостью, усталостью, словно он взвалил на плечи непосильную ношу и сейчас в одиночку несет ее, невзирая ни на что. В хозяине комнаты не было ни злобы, ни презрения. Создавалось впечатление, что он весь погружен в свои мысли. Див первым нарушил меланхолическое оцепенение:

— Итак, о какой неувязке вы, мадемуазель, говорили? — По мере того, как он внимательно изучал меня и спутников, в его глазах просыпался все больший интерес. Даже почудились отблески пламени, хотя он и повернулся к очагу спиной.

Говоривший поменял положение тела, словно собирался встать с кресла, но в последний момент передумал. При этом простом движении я отметила перекачивающиеся мускулы на его груди, невероятно широкие мощные плечи и сильные руки, которые он положил на колени. Длинный, толстый хвост демона, который, казалось бы, жил собственной, независимой от хозяина жизнью, начал нетерпеливо постукивать о неструганные доски пола.

— Видите ли, вы, уважаемый, заказывали... — Я старательно тянула время, отвлекая на себя внимание хозяина апартаментов, приправив начало фразы милой улыбкой и многообещающим взглядом. Эрин же тем временем аккуратно начал уходить вбок, а потом резким, стремительным броском кинулся на дива.

Оборвала себя на полуслове. Взгляд лихорадочно метался по комнате. Надо было помочь эльфу. Как-никак двое дерущихся выступали в разных весовых категориях, да и закричи этот демон — ключ дверь не удержит, сразу набежит подмога. Пока немногословность борьбы объяснялась очень просто: оба, схватившись за горло противника, душили друг друга, надсадно хрипя.

Пламя свечей недовольно мигнуло, чтобы в следующий миг ярко вспыхнуть. Похоже, скоро я так поднаторею в сражениях на подсвечниках, что впору будет открывать собственную школу боевых искусств. Что-то

вроде «канделябр-секьюрити-профи», не иначе. С такими мыслями схватила подсвечник, и, подбежав к мужчинам, прицелилась. Как только демон оказался ближе, обрушила ему между рогов увесистое основание своего «орудия ближнего боя».

Поверженный сразу же обмяк, а ушастый, выползая из-под тела, надсадно прохрипел:

— Что так долго? Я чуть не задохнулся.

— И это мне говорит шпион? Да вас, милый Эрин, профессия обязывает уметь драться, — в сердцах произнесла я.

— Вы, княгиня, правильно заметили, я — следователь по деликатным делам, шпион, если хотите, но никак не коновал. Укладывать демонов на лопатки не нанимался.

— Зато вы получили бесценный опыт, — парировала я.

В этот момент в дверь робко постучали.

— Господин, у вас все в порядке? — осведомился с той стороны наш давешний провожатый.

Мы с эльфом переглянулись. Пайрем так и вовсе, как вошла в комнату, изображала суриката из рекламы, увидевшего «Тойоту Раф четыре»: в смысле застыла как вкопанная и не шевелилась.

Идея, пришедшая в голову, была банальной, но должна была сработать.

— Эрин, стоните, как будто вам очень хорошо, а я подхвачу.

Эльф, сообразивший, что требуется изобразить сцену бурных любовных утех, начал издавать весьма характерные для мужчины звуки. Я стонала в унисон, при этом копошась в саквояже. Ушастый же сидел верхом на поверженном противнике, удерживая в хвате его руки.

— Пайрем, скажи «еще, еще» томно, словно сейчас в обморок грохнешься, так, чтобы за дверью было слышно.

Послушница, к которой я обратилась, сначала уставилась на меня, а потом все же сообразила, что от нее требуется, выдохнув это пресловутое полуобморочное «еще» несколько раз подряд. Станиславский бы от такого исполнения не то что в гробу перевернулся, самолично бы восстал, дабы объяснить, с каким придыханием надо сии звуки произносить. Ну да ладно, у нас не премия «Оскар», сойдет.

Кинув эльфу веревку, которую достала из саквояжа, я опустила декольте максимально низко (получилось а-ля «провода, оголенные по самую розетку»), растрепала волосы и нацепила на лицо озорную улыбку.

Подойдя к двери, приоткрыла створку ровно настолько, чтобы громила, топтавшийся в коридоре, мог увидеть лишь меня.

— Мы тут с вашим господином немножко развлекаемся. Подождите чуть-чуть, а потом займемся решением и вашего вопроса, — я томно вздохнула. — Не беспокойтесь. Девочки придут уже скоро. Ваш хозяин только с нами закончит и сразу же откроет портал...

Провела языком по верхней губе и стрельнула глазами в демонюку, а потом поманила его пальцем так, что здоровяку пришлось наклониться, и прошептала ему прямо в лицо:

— А ты, красавчик, мне нравишься. Закончу с господином, и ты будешь следующим на очереди.

Слегка ошарашенный этим заявлением, демон расплылся в счастливой улыбке.

После эдакого монолога закрыла дверь и сразу же скривилась. Непередаваемое амбре чеснока и седёлки нашего провожатого дало о себе знать.

Эльф зря времени не терял: качественно связал оглушенного демона, даже хвост и тот не ушел от бдительного ока остроухого. Его Эрин веревкой примотал к левой ноге хозяина комнаты, благо длина пут это позволяла. Кляпом послужил злополучный недовышитый рушник, который Пайрем ради общего дела отдала леголасообразному на растерзание.

— И что теперь? — подала голос послушница. Кажется, девочка начала отходить от шока.

Вместо ответа я подошла к окну и выглянула вниз. Второй этаж. Не то чтобы высоко, но все же. Рядом, у этой же стены, была коновязь, где мирно хрупали овес из мешков, накинутах на морды, семь лошадей.

— Думаю, нашего демона стоит взять с собой, — выдал эльф.

— Зачем? — задала я резонный вопрос. Одно дело сбегать самим, другое — тащить на горбу еще и этого здоровяка.

— Знаете, княгиня, сдаётся мне, что мы напоролись не на простого аристократа. Есть у меня одно предположение... — эльф не стал озвучивать все свои мысли, а лишь подытожил: — сам не жажду, но придется брать.

А потом взвалил тело поверженного врага на плечи и понес к окну. Поскольку створок не было и в помине, Эрин просто сгрузил ношу на подоконник, а потом аккуратно толкнул вниз. Звук получился глухой, но характерный.

— А вдруг он шею свернул?

— Нет, сомневаюсь, — уточнил остроухий, — а если что и сломал — у демонов потрясающая регенерация. А теперь доставайте свою лестницу, княгиня, потому как я-то и прыгнуть могу, а вот вы, думается, мой трюк не

повторите.

В этом я была с ушастым согласна. Как и в том, что приобретать опыт полетов со второго этажа не очень-то и хотелось.

Пока мы с Пайрем выбирались из комнаты, Эрин уже успел перекинуть демона через седло одной из лошадей и закрепить саквояж, который я спустила первым, на другой кобыле.

— Давайте, — эльф махнул рукой, — залезайте. Вы на одной лошади, я на другой. Остальным я перерезал подпруги, чтобы задержать тех, кто кинется в погоню.

То, что кинутся обязательно, даже не обсуждалось. Я уцепилась за луку седла, и, вставив ногу в стремя (благо растяжка у меня была неплохая, а лошадь невысокая), взгромоздилась на лошадь. Протянула руку Пайрем.

С моей помощью девушка кое-как взобралась следом, устроившись сзади.

— Знаете, Эрин, у нас небольшая проблема, — старалась говорить спокойно, чтобы создать хотя бы видимость того, что ситуация под контролем. — Я не умею ездить на лошади. Совсем.

Эльф поднял глаза к небу. Звезды отвечали ему безмолвием.

— Я умею, — робко послышалось из-за плеча.

Обернулась. Пайрем кусала губы, но глаза смотрели решительно.

— Значит, тебе и садиться за руль, — машинально выдала я, перекидывая ногу через луку седла, чтобы спуститься.

Повисла пауза. Послушница недоуменно смотрела на меня.

— Лошадь — это не машина, здесь нет руля! — нравоучительно прошипел на ухо Фир. — Теперь выкручивайся сама, языкатая.

«Нет чтобы помочь, он еще и обзывается», — про себя прокомментировала я. Но в одном таракашка прав — надо срочно исправить оговорочку по Фрейду.

— В смысле, у штурвала. Это такое идиоматическое выражение. Вы разве не знали? Когда капитан у штурвала в состоянии нестояния, его за рулем заменяют...

— Ну-ну, — глубокомысленно протянул Эрин, пока я взбиралась на лошадь в качестве заднего пассажира.

Наконец мы тронулись, лошади неохотно, тяжело перешли на рысь, а затем и в галоп.

— Идем на восток, к рассвету, — скомандовал ушастый. — У меня есть подозрение, что линия фронта совсем близко. Судя по местности — больно уж приметные каменные столбы вдалеке, — это Кичиер, значит, и драконья армия где-то рядом.

— Это хо-ро-шо. — Я никак не могла привыкнуть к галопу и подстроиться под ход лошади, отчего зубы клацали. Пятая точка, на которую я с такой легкостью нахожу приключения, уже была напрочь отбитой. — Но на-до сбить след. Мо-жет, по те-че-ни-ю ре-ки пой-ти или то, что за-пах от-би-ва-ет, рас-сы-пать...

ДЕНЬ ШЕСТОЙ

18.02.2016 по римскому календарю

21 травня 9785 года по веремскому летоисчислению

Занимался рассвет. Восходу багрового светила предшествовал ветер. Он в ключья разорвал плотное покрывало грузных, казалось бы, незыблемых туч. Первые солнечные лучи, которые рассекают тьму предрассветных сумерек, но не греют, расплескались по лесным прогалинам, заблудились в листве, растеклись по стволам вековых кленов и дубов.

— Я слышу шум воды, — подал голос Эрин, поворачивая лошадь к оврагу. — Нам стоит туда спуститься.

Возражений не последовало.

Склон был достаточно крутой, а ручей шириной чуть больше метра, не иначе как питавшийся от родников (вода в нем враз сводила судорогой ноги и пенилась холодными бурунами), извивался лентой течения в ложбине. Чтобы добраться до криницы, пришлось спешиться. Лошади упирались, не желая идти за ненормальными наездниками. Леголасообразному даже пришлось накинуть одной из кобыл на морду камзол, а второй — платок с головы Пайрем, чтобы зашорить глаза. Комфортнее всех себя при спуске чувствовал демонюка, вольготно висая вниз головой, как мешок картошки, перекинутый через седло.

Когда мы оказались в ложбине, вновь сели на лошадей. Продвигаться по руслу мелкой речушки было бы гораздо легче, если бы нас так рьяно не атаковало комариное войско. Причем усиленной дегустации подверглась именно Пайрем, ну и мне досталось за компанию. То ли кровь девушки была деликатесной группы, то ли главную роль сыграло темное одеяние послушницы, но она то и дело хлопала себя по плечам и лицу. Вокруг меня комарье тоже роилось, но я стоически терпела, лишь отдуваясь.

Так мы продвигались довольно долго, пока Эрин первым не вывел свою лошадь из русла и, как только мы выбрались из оврага, скомандовал привал.

Не знаю, кто больше обрадовался отдыху: мы или лошади, со спин которых слезла двойная ноша. Пока эльф стреноживал животин, я и Пайрем приводили себя в порядок.

Критически осмотрев то, что осталось после сражения с Секлетерией,

пришла к выводу, что мне срочно нужна юбка. Хоть какая захардяшная. Жалостливая послушница отдала мне свою нижнюю.

Как раз в момент переодевания очнулся наш контуженный.

Див сначала приоткрыл один глаз, затем второй.

— Такие бы ноги да в руки! — протянул демон, присвистнув.

Поскольку Пайрем в этот момент как раз одергивала подол, а я натягивала юбку, идентифицировать, кого именно демонюка пристально облапал взглядом, не представлялось возможным.

— Свои побрей, такие же будут. — Я ответила быстрее, чем успела подумать.

Контуженный смерил меня внимательным взглядом, а потом враз посерьезнел.

— Не знаю как, милая мадемуазель, к вам обращаться, но примите мои поздравления — вы первые, кому удалось меня похитить.

— Зовите меня Кесси, а ее Пай, — я кивнула на послушницу. — И что же, было много желающих похитить вашу рогатую светлость до нас?

Ехидство в моем голосе прорезалось помимо воли. Уж больно мне было интересно узнать, что за субчика прихватил Эрин, но спрашивать в лоб — навряд ли демонюка представится по всей форме.

Связанный лишь хмыкнул, услышав про «рогатую светлость», и попытался дернуть привязанным хвостом. Кисточка коего недовольно качнулась, выказав досаду хозяина из-за невозможности использовать пятую конечность.

— Признаться, другие, приходившие до вас, были не столь оригинальны и расчетливы, потому и попадались. Шпионки, представившиеся куртизанками... не предполагал, упущение, за которое мне придется дорого расплачив...

— Мы не шпионки! — выкрикнула Пайрем, запальчиво перебив говорившего, и спутала мне тем самым все карты.

Ненавязчиво толкнула девицу вбок, намекая на то, чтобы она замолчала.

— Дорогая, сходи к ручью набери воды...

Послушница, поняв, что сболтнула лишнее, решила ретироваться.

— Что вы хотите в обмен на мою свободу? — сразу же перешел к делу демонюка.

«Эх, еще бы знать, кто ты...» — подумалось мне.

— А что вы можете предложить? — вопросом на вопрос ответила я.

— Думаю, третий сын правителя Чернолесья и по совместительству глава партизанского движения может много чего предложить... —

задумчиво протянул тихо подошедший Эрин.

Сейчас его лицо было точно таким же, как в то утро, когда он заподозрил меня в шпионаже: холодное, словно высеченное из мрамора, в котором не было эмоций, один голый расчет.

— А я так полагаю, передо мной опальный глава отдела разведки княжества Элирелии? Помнится, говорили, вас каменные тролли живьем сварили...

— Эти слухи были слегка преувеличены. — Судя по интонации, демонюка затронул не самую любимую тему Эрина. — А вот вам, многоуважаемый Дейрий, пару лет назад прочили командование всей армией Чернолесья. Хотя за прошедшее время вы изрядно изменились, подурнели, я бы сказал, но в партизанское-то движение? Несolidно, знаете ли...

По тому, как эти двое играли в гляделки, можно было сделать вывод: знакомы они были давно. Не факт, что лично, но портретики друг друга точно созерцали, и не раз. Я затаилась, как мышь под веником: все же любопытство — извечная женская черта, погубившая не одну Еву, а мне было интересно, до чего эти двое договорятся.

— Смотрю, Эриниэль изменил своим принципам. У меня в досье напротив вашего имени значилось: «всегда работает один», да и стиль исполнения заданий до этого момента я считал более изящным...

Их диалог все больше напоминал обоюдное кружение двух мартовских котов, которые пока не начали выдирать друг другу усы лишь по той причине, что один из них связан. Еще немного, и перейдут к решительным оскорблениям: издевками-то уже обменялись.

Что лучше всего выбивает из колеи двух драчунов, вставших в бойцовскую стойку? Правильно, ушат холодной воды. В качестве оной я использовала фразу:

— Не буду лукавить, дорогой Дейрий, похитили мы вас не просто так, а чтобы оженить, как требует старинный горский обычай. Вот, кстати, и невеста возвращается.

Как раз к последним моим словам кусты раздвинулись и из-за бересклета выбралась Пайрем.

Последовала немая сцена, а демонюка даже неаристократически икнул от неожиданности.

Фир, не иначе проснувшийся от дремы, тихонько ехидно прокомментировал на ухо: «Ты, когда не знаешь, в какую сторону стрелять, попадаешь аккурат в яблочко. Если мне не изменяет память, демоны гулять по девкам могут долго и охотно, но вот женятся всего один раз. Второй

нельзя, даже если вдовым остался. А ты тут одной фразой... представь, какой шок бедный переживает. Бью лапу об заклад, этот рогато-хвостатый уже все прикинул: и то, что человеческая женщина живет мало, и то, что если и родит наследника, то полукровку, который претендовать на престол не сможет. Ему угроза отпиливания рогов не так страшна (а эти винторогие своими бодульками ой как гордятся, остаться без них — все равно что калекой стать), как женитьба».

Судя по всему, демон взвешивал то, насколько угроза реальна, и решил проконсультроваться у Эрина:

— У этой милой барышни всегда такая манера вести переговоры: бить ниже пояса по самому больному? — уточнил Дейрий у коллеги по шпионскому ремеслу, кивая в мою сторону.

Эльф сокрушенно вздохнул, непроизвольно почесал затылок, который еще помнил покатые бока злополучного ведра, прилетевшего ему не так давно на макушку, и выдал, не иначе в сердцах, из мужской солидарности:

— Да, всегда. А ночью еще хуже. Скажу тебе как мужчина мужчине: даже не пытайся! Это все равно что жалящую гидру без рукавиц свежевать.

— А я смотрю, ты пробовал? — бессовестно уточнил демон, сплетничая в прямом смысле у меня перед носом.

Кончики ушей Эрина покраснели, и, хотя леголассообразный лишь хмыкнул, Дерий расплылся в ухмылке.

— Если уж тебя эта красотка заинтересовала, значит, в ней что-то есть... Интересно, что?

— Деньги, обещанные за деликатную работу, — невинно хлопая ресничками, уточнила я.

Демон расхохотался.

— Так, значит, наш гений шпионажа после того, как не пришелся со своими принципами ко двору нового светлоэльфийского владыки, подался в альфонсы... — похабно протянул рогатик.

— Не в альфонсы, а в частные следователи, — вступилась я за Эрина, который и рта не успел открыть. — А вы что-то, милый друг, слишком счастливы для жениха, — и мстительно добавила: — вот доставим вас в штаб, там и обвенчаетесь с Пайрем...

Последние звуки потонули в шуме падающего тела. Послушница грохнулась в обморок. Поскольку рядом с нею никого, кто бы поддержал девушку, не оказалось, приложилась о землю она знатно.

«Не вынесла своего счастья», — прокомментировал из волосяного окопа Фир.

Эльф поспешил на помощь послушнице, не оценившей моих стараний

по устройству ее семейного счастья, пусть и чисто гипотетического.

Демонюка же слегка сник, и, как заправский торгаш на базаре, начал вести переговоры:

— А может, вместо женитьбы вас устроит выкуп? Золотом? Алмазами? Могу и скакунами. Военных тайн, извините, сдать не могу, родина, какая бы она ни была, даже по кусочкам не продается.

— Нет, — кровожадно заявила я, на манер заядлого шопоголика, который удавится за скидку в полпроцента и будет торговаться даже за оную до посинения. — Не могу же я подругу несчастной оставить. Когда ей еще цельный принц под ноги упадет, пусть и из партизанского движения? Она девушка простая, с хозяйством ей тяжело справляться одной, — меня несло как на американских горках, — а ты мужик сильный. Дрова там порубить, корову подоить, воды принести...

Эрин смотрел на меня с восхищением (это же надо такой бред нести и так правдоподобно), взор же демонюки угасал (не иначе поверил в возможность сих перспектив).

Дейрий перевел взгляд на начавшую подавать признаки жизни Пайрем, критически осмотрел будущую супругу и произнес:

— Нет, я не согласен. Если уж так хочется осчастливить кого-то семейными узами, давайте другую, а у этой, увы, грудь не перевешивает остальных ее недостатков. Да хоть вас, милая барышня... Вы хотя бы не пресное тесто, которое будешь жевать изо дня в день, не чувствуя вкуса. В вас есть перчинка.

— А я смотрю, у вас желание насолить Эрину хоть в чем-то неистребимо?

— А как же! Этот ушастый зараза двенадцать лет назад моей бабке голову задурил, об их страстном романе все Чернолесье гудело...

— Только так я мог пробраться к тайнику с чертежами! Я же не виноват, что они хранились в опочивальне этой матроны, кстати, весьма симпатичной, несмотря на ее почтенный возраст... — парировал леголасообразный.

— Эх, говорил я отцу, что стоит документы отдать на сохранение министру тайной канцелярии. Посмотрел бы я на то, как наш милый эльф соблазняет трехсотлетнего демона, убеленного сединами...

«Нет, знакомы все же лично, — констатировала я, — а помимо государственных интересов еще и такие интимные подробности всплывают...»

Эльф, уводя разговор в другую сторону, помог послушнице подняться.

— Пайрем, вам надо привести себя в порядок, вы испачкались.

Давайте я провожу вас к ручью, — заботливо предложил Эрин, и девушка во второй раз пошла по проторенному маршруту.

В голове мелькнула мысль: «Интересно, а третий умывательный заход у нее будет?»

Мы с демоном остались тет-а-тет.

— А я смотрю, этот вислоухий на вас глаз положил? — провокационно начал Дейрий. — Но поверьте, эльфы в постели — сущие поленья, я же могу предложить намного больше.

Если этот рогатый думал меня смутить, говоря столь откровенно, раздевая взглядом, — своего он отчасти добился. Вот только все испортил Фир циничной фразой: «Из этих двоих ставлю на демона. Рогатый — более опытный кобелиссимо, чем Эрин». Смущение как рукой сняло, зато членистоногому тут же захотелось возразить: эльф вообще-то изображал пылкую влюбленность лишь по той причине, что ему так проще всего было замаскировать необходимость находиться рядом и шпионить. К тому же, подозреваю, Арий ему еще отдельно приплатил за проверку жены на верность дражайшему супругу.

Эта мысль возникла оттого, что после нашего делового разговора утром в спальне больше признаков «неземной страсти» в мой адрес леголасообразный не выказывал, а то, что демону показалось... Что же, пусть бы рогатик заблуждался, вот только это его желание насолить давнему противнику как бы не вышло мне боком.

Взгляд Дейрия тем временем раздевал, ласкал и обжигал страстью. Похоже, див решил флиртовать по полной, как в том совете: «расслабился и получал удовольствие» — делал что угодно, лишь бы не вести разговоров на самую опасную тему — политическую. Ведь он, судя по всему, далеко не дурак и прекрасно понимает, что пока заговаривает зубы ерундой, к нам приближается погоня.

Однако и лошадям нужен отдых. Загнать их — означает самим выкопать себе яму. Единственное — вынужденной привал можно было бы использовать более эффективно, а не зубоскаля. «Зато всплыло кое-что ну очень интересное из прошлой жизни нашего шпиёна», — утешила сама себя.

Увы, в допросах я была не сильна, а потому сидящий передо мной рогатый секретер с информацией так и оставался заперт на все замки.

Пока я размышляла, Дейрий решил перейти от флирта конкретно к соблазнению, правда, в интерпретации демона это было чересчур откровенно.

— Только представьте. Ночь и наше с вами единение, — начал

будоражающим воображение голосом вещать он, — общее наслаждение от того таинства любви, которое происходит между мной и вами. Я опущусь на вас, ощущая шелк кожи, прохладу вашего живота, и медленно, затаив дыхание, начну проникать... Вы откроете рот, чтобы вскрикнуть, но звука не последует. Крик истинного наслаждения всегда отдает безмолвием. Будете ощущать мою тяжесть, моля о продолжении, задыхаясь, чувствуя всю полноту жизни в одном мгновении. Сжимаясь и расслабляясь, в агонии страсти, наполненная мною, вы почувствуете себя счастливейшей из женщин...

«Не знаю как в деле, но на словах этот Дейрий весьма опытен. Теперь буду надеяться, что он практик, а не теоретик, — цинично прокомментировал над ухом мой личный суфлер на полставки. — Главное, меня на тестирование взять не забудь». Такую циничную реплику таракашки я списала на то, что мой усатый дуэнья боялся, как бы его подопечная, то бишь я, при описании этакой постельной мизансцены не стушевалась и не растеклась карамельным сиропом по полянке. Едкие и колкие замечания — самые действенные пилюли от многообещающих речей демонюки. Они гораздо лучше любых увещеваний в стиле: «Не поддавайся, этот рогатый шельмец пытается тебя соблазнить».

— В ваших словах чувствуется знание и опыт... — провокационно улыбаясь, начала я.

Демон лишь многообещающе ухмыльнулся в ответ.

— А опыт — самый хороший учитель в жизни. Берёт, правда, дорого, но объясняет очень доходчиво. Интересно, сколько раз вам пришлось обжечься, чтобы расплатиться по счетам за преподанную науку?

— Кажется, я начинаю понимать, что в вас нашел этот ушастый засранец, — задумчиво протянул демон. С него тут же внешней водой сошла вся томность, исчезла поволока в глазах и нарочитая игра мышцами.

— Рада, что с прелюдией мы закончили, — деловито прокомментировала я. — Может, теперь поговорим серьезно?

— Согласен, но откровенности гарантировать не могу.

— Понимаю, и все же... Как так получилось, что Кичиер, о взятии которого заранее раструбили все газеты, не покорен?

Дейрий лишь грустно усмехнулся.

— Армия правителя драконов завязнет здесь еще надолго, это я вам гарантирую. Мое пленение ничего не изменит.

— Подкрепление? Новое оружие? Рецидивисты в тылу врага? Партизанское движение? Неучтенный фактор? — медленно перечисляла все возможные варианты, которые могли бы задержать в этих лесах полки и

корпуса драконов, внимательно глядя на собеседника.

— Значит, все же новое оружие, — проанализировав реакцию демона, подытожила я. По тому, как на сотую долю секунды опустился левый уголок губ, поняла, что догадка была верной. Выдало демона при перечислении даже не лицо, а хвост, кисточка которого непроизвольно метнулась вверх при одном из предположений.

Задумалась надолго, сопоставляя уже имеющуюся информацию. Добыли формулу «Грозового шквала»? Не похоже, иначе бы не просто задержали армию противника, а разметали ее в клочья. Взгляд упал на край штанины демона. Тонкие точки-проплешины, словно мелкие брызги, проевшие ткань. Для кого стороннего они бы не сказали ничего, но для химика, испоганившего таким макаром не один лабораторный халат, — если не все, то многое. Разбавленная азотная кислота оставляет весьма характерные отметины на ткани из хлопка и льна, с чуть желтоватым ободком по краю, в отличие от того же олеума, что напрочь обугливает кант.

Мазок, словно застывшая капля зубной пасты, на левом запястье связанных веревкой рук. Вот только структура отметины — пенистая. Догадка, озарившая меня, заставила буквально подскочить к демону и, как заправской ищейке, приняохаться к его запястью. Сказать, что Дейрий был удивлен, — значит, ничего не сказать.

— У вас в роду были оборотни? — только и смог спросить он обеспокоенным голосом.

— Нет, алхимики, — все еще сомневаясь, в который раз пробуя уловить нотки не самого приятного, но весьма характерного амбре и выворачивая руку демона, ответила я.

И все-таки узнала. Сомнения разрешили несколько красных гранул, застывших в том пенистом мазке. Азид свинца — соединение с весьма характерной кристаллической структурой и едва уловимым специфическим запахом, который почти выветрился. В свое время, когда спецкурсом читали химию взрывчатых веществ, Закамский — преподаватель до жути придирчивый — спустил с нас три шкуры, заставляя на основе органолептики распознавать некоторые иницирующие и фугасные, дающие основную энергию для взрывной волны, вещества. И сейчас за эту науку я была благодарна въедливому, занудному, но такому прозорливому профессору.

Выходит, все же партизаны использовали бомбы или мины, причем не на основе бездымного пороха. Было что-то посильнее, раз в качестве инициатора основного взрывчатого вещества выступает не примитивный

фитиль — а-ля бикфордов шнур, — а азид. Сдается мне, что это что-то из нитросоединений. Азотная кислота — однозначно. Но с чем? Покопалась в памяти и поняла, что спектр поисков весьма широкий. От пресловутого тринитротолуола (он же в обиходе тротил) и пахнущего общественной уборной астролита до «китайского разрушителя». Здесь хоть до посинения гадай — точного ответа не найдешь.

— Значит, наследник престола заделался профессиональным подрывником?

От вопроса, сказанного будничным тоном, демон вздрогнул.

— Как догадались? — спустя несколько мгновений спросил он, уже без обиняков и экивоков. На этот раз его голос был сухой, я бы даже сказала, отдающий канцелярщиной.

— Если вы алхимик, то даже по остаточным следам работы с реактивами и взрывсмесями можно узнать многое.

Дейрий непроизвольно глянул на штанину.

— Маленькая деталь, выдавшая с головой, — задумчиво протянул он, а уже в следующий миг воздушной волной меня опрокинуло, прокатило по дернине, а потом приложило о ствол ближайшего дуба.

Пока приходила в себя, демонюка споро, невесть как высвободившимся из пут хвостом, начал ослаблять веревки на руках.

— Давай вставай, некогда прохлаждаться! Этот козлорогий пусть не алхимик, но маг, как оказалось, приличный! — заверещал Фир, забыв о конспирации. — Чистую волну силы, не требующую заклинаний и пассов, высвободил, зараза!

Демону сейчас было немного не до меня, потому он и не обратил внимание на суфлера, засевшего на макушке.

Побег Дейрия, может, и увенчался бы успехом, но испортила все Пайрем. Увидев меня (надо полагать, что кровь, ручьем хлеставшая из носа, и рассаженная скула весьма сильно сказались на моей внешности), девушка, не иначе в сердцах, решила отомстить врагу (хотя таракашка потом уверял, что просто жениха отпускать не хотела) и с криком кинулась Дейрию на спину. Обхватив шею демона руками, а корпус — ногами, послушница зубами вцепилась в ухо опешившему от такой атаки демону. Они вместе упали на траву (благо боком, и рогатый не придавил своей тушей девицу), а подоспевший Эрин начал, нет, не пытаться скрутить хвостатого, а запихивать ему в рот какую-то траву.

— Все равно ты у меня ее проглотишь, — зло шипел леголасообразный, с силой разжимая челюсти противника. Непродолжительная борьба, и все еще наполовину связанный демон

повалился на лиственный опад и обмяк.

Предвосхищая вопросы, Эрин пояснил:

— Волчье лыко. Для людей его яд летален, но демоны более устойчивы, и их он всего лишь оглушает на длительное время. После пробуждения вызывает у представителей этой расы расстройство моторики и не дает некоторое время пользоваться магическими способностями. — Эльф выдохнул, придирчиво осматривая дело рук своих, а именно: тело мирно почивавшего демонюки. — Я рассчитывал, что ваша милая беседа продлится чуть дольше и мы спокойно успеем насобирать несколько пучков листьев сего чудесного кустарника. О том же, что волчье лыко нам понадобится непременно, я догадался сразу же, как один из партизан упомянул, что их главарь сам открывал портал для жриц любви. Вот мне только интересно, кто был учителем нашего дорогого Дейрия. О том, что славному отпрыску правящего рода подвластна магия, в досье сказано не было...

— А ты сам ожога не получишь? — зажимая нос, чтобы кровь не бежала, прогнусавила я. Обеспокоиться заставил тот факт, что леголасообразный машинально растирал в руках ядовитые листья.

— Светлые эльфы всегда умели ладить с растениями, — ушастый сделал небольшую, буквально секундную паузу и игривым тоном закончил: — и с девушками.

Пайрем, отпустившая Дейрия сразу же, как он вырубился, и для надежности отбежавшая от тела рогатого на несколько шагов, при этих словах эльфа порозовела. Я непроизвольно покачала головой, хотя в моем случае это оказалось чревато новой порцией крови из носу: этой барышне еще учиться и учиться правильно реагировать на мужчин и постигать сложную науку отличать истинные знаки внимания от тех, которые представители сильной половины, как авансы, раздают массово, лишь ради спортивного интереса или в силу привычки.

Эльф, уже развернувшийся к нам спиной и направившийся к лошадям, через плечо бросил:

— Задерживаться не стоит, лошади немного отдохнули. Пора двигаться дальше.

Но прежде чем отправиться в путь, мне хотелось выяснить один вопрос, зуд от которого прямо-таки физически начал меня раздражать.

Пока я подбирала нужные слова, Эрин перекинул бесчувственное тело через седло, а потом резко замер, словно прислушиваясь.

— Первородный мрак! Все-таки взяли след. В седло. Быстро. И аллюр три креста, не оборачиваясь. — Короткие рубленые фразы эльфа, которым поневоле подчинишься, заставили действовать.

Вопрос, вертевшийся в голове, так и остался неозвученным, но да будет еще время. Во всяком случае, очень хотелось в это верить.

Эрин помог остолбеневшей Пайрем взобраться на лошадь, я же, не иначе на адреналиновой волне, вмиг оказалась за спиной послушницы.

Саданула пятками по раздутым бокам животины, и она понесла сразу с места в галоп: похоже, была на этакый старт выдрессирована. Пришлось вцепиться в сидевшую впереди напарницу по несчастью, чтобы не упасть. Та же изо всех сил натянула узду, ремни которой от резкого рывка здорово рассадили ей ладони, так, что из сжатых кулаков сочилась кровь.

Наша лошадь вырвалась вперед, поскольку Эрин и демонюка весили значительно больше двух субтильных барышень. В ушах свистел ветер, ветви норовили поддеть, как на рогатину, а перед глазами все слилось в одну сплошную зелень, цвет которой становился с каждым мигом все светлее.

«Опушка, — мелькнула мысль. — Но что за ней? Поле? Излучина реки? Обрыв?»

Гадать долго не пришлось. Нас вынесло на заливной луг, с разнотравьем высотой по самые лошадиные баки. Ости вейника и белоголовника начали лупить по щиколоткам. Чуть приотставшая лошадь Эрина нагоняла нас, а в спину издали неслось улюлюканье погони.

Арбалетный болт, просвистевший совсем рядом, так, что ткань моего рукава разорвалась, а плечо ожгло, заставил Пайрем вздрогнуть и на миг выпустить поводья. Лошадь, получив вольную, понесла. Мы обе вылетели из седла, ухнув в высокую траву.

Эрин изо всей силы лупил сивую, заставляя ее через натугу держать галоп. Демон, мешком перекинутый рядом с лукой седла, издали походил на труп, причем не первой свежести.

Судя по тому, что стрелы и арбалетные болты начали снова совсем рядом и в избытке, не мне одной открылась сия обманчиво-прискорбная картина. Не иначе, партизаны решили, что их предводитель убит, и брать нас живьем теперь не имеет смысла.

Вдруг кобыла эльфа оступилась, сбиваясь с галопа, мотнула башкой и резко завалилась на бок, придавив демонюку. Эрин, в последний момент выпрыгнувший из седла, успел сгруппироваться и приземлился на ноги

недалеко от нас.

Лошадь, избавившись от двойной ноши (одна катапультировалась сама, вторая, спокойная как мешок картошки, залегший до весны, мирно почивала в разнотравье), встала, распрямляя мосластые ноги, и помчала прочь.

Чиркнувшая совсем рядом стрела заставила меня инстинктивно пригнуться, отрываясь от рекогносцировки. Пайрем и вовсе распласталась на дернине.

Фир, не иначе видя, что дело швах, остервенело зашептал на ухо:

— Понимаю, моё упущение, обещал объяснить, как управлять силой, но... не думал, что она понадобится так скоро. Поэтому, пока арбалетные болты не превратили вас в трех ежей-переростков, у нас с тобой будет ускоренный курс. — Таракашка выдохнул и с уже расстановкой произнес: — Ты должна разозлиться. Вспомни то, что вызывает у тебя не просто раздражение. Гнев, боль, ярость, желание крушить — самые сильные эмоции, которые заставляют потерять голову, контроль. Но оставь мне якорь — слово, которое у тебя ассоциируется с чем-то светлым, радостным, чтобы можно было до тебя достучаться. И помни, что я говорил про магический резерв. Он как водохранилище, которое сдерживается дамбой твоего самоконтроля. Когда окажешься у прорвавшей плотины, постарайся хоть как-то направить поток, чтобы он не сжег нас всех.

«Вот тебе и ускоренные маг. курсы», — прокомментировала я про себя, приподнимая голову над соцветьями пижмы. Эрина уже не было видно: тоже, как и мы, залег в траве. Хотелось надеяться именно на это. Мысль о том, что его могла прошить стрела, гнала прочь.

— Полет, — прошипела сквозь зубы.

— Что? — не понял усатый.

— Якорь — полет, — пояснила я, а сама тем временем уже в подробностях вспоминала тринадцатое февраля, день, разделивший мою жизнь на «до» и «после». Смазливое лицо Лихославского. Ликримию, самодовольно разглагольствовавшую о цветах и девушках, их принимающих. Желтые страницы газеты, где типографским шрифтом отпечатаны всего два слова: «Грозовой шквал». В душе поднималась волна злости.

Было ощущение, что за моей спиной — огромная сила. Крепостная стена. Орда. Это чувство нарастало как волна цунами, взявшая разбег на морском просторе и сейчас идущая к берегу, готовая обрушиться и накрыть собой все окрест. И мне этого очень хотелось. Но сознанием, не до конца потонувшим в этом водовороте, понимала: нельзя. Надо ее именно что

направить.

«Я — скала. Я — волнорез, что рассекает спиною любой шквал и устоит. Не согнусь, не сломаюсь, не потеряю себя. Сумею выстоять» — эти слова стали для меня набатом, мантрой. Они не позволяли мне скатиться в эмоции, которые будут, в свою очередь, напрочь смыты потоком бесконтрольной силы.

Не слышала, кричал ли мне что-то в ухо Фир, не видела, что с Пайрем. Просто поднималась с колен, глядя на всадников, несущихся галопом.

На краткий миг время словно замедлило свой бег. Было ощущение, что стрелы летели не через воздух, а будто бы сквозь кисель, медленно прокладывая себе путь ровно до того места, где споткнулась лошадь эльфа, а потом просто сгорали в воздухе, не дойдя до цели.

Демоны осадили коней и враз начали разворачиваться. А я пылала. Вся. Словно сама была магмой, жидким огнем. Всполохи пламени танцевали на предплечьях, играли в волосах. Подняла руки раскрытыми ладонями вперед, и с пальцев полетели огненные искры.

— Полет! Полет! — Голос, проникавший в сознание почему-то принадлежал Пайрем. — Полет на виверне, на метле, в ступе, на чем угодно. Хоть на драконе. Полет!

«И правда, я ведь мечтала полетать на льдистом драконе, — пришла откуда-то мысль. — Навстречу рождающемуся дню, багрянцу зари, что раскрашивает перистые шапки облаков».

Мир постепенно приобретал яркость и контраст, запахи становились все сильнее. Почувствовала на лице дыхание полуденного зноя. Когда огонь угас не только на руках, но и в душе, осмотрела себя. Да уж, как говорится, «сходила за хлебушком», то есть съездила в монастырь помолиться... На мне сейчас красовались обгорелые лохмотья, которые было проще снять, оставшись вовсе нагишом. Накинутая на плечи рыбацкая сеть и то прикрыла бы больше.

Я подняла глаза вверх, чтобы хотя бы солнцу выразить всю свою субъективную оценку ситуации, но, судя по всему, небо решило послать слушателя более материальной: усиленно хлопая крыльями, к нам летели несколько драконов.

Они рассекали крыльями ветер. В их полете была удивительная красота, я бы даже сказала, музыка, завораживающая своей ослепительной силой. Вот только дослушать мелодию до конца, воочию увидеть, как величественные дети небес пикируют на землю, как происходит превращение ящеров в девятерых сильных мужчин, мне не довелось. Усталость, накрывшая штормовой волной, враз подкосила ноги, руки, до

этого мелко подрагивающие, онемели, и сознание резко начало угасать. Последней связной мыслью было: «Если сожгла свою одежду, как же Фир? Вдруг он тоже обуглился, пока я была огнем?»

* * *

Возвращению в реальность предшествовал въедливый голос таракашки, не иначе забравшегося мне прямо в ухо:

— Давай уже, очнись! Ну же! Управление силой всегда истощает, знаю, но ты же сильная девочка, давай, поднажми, выбирайся из мрака!

По ощущениям я лежала на траве, ости которой врезались в спину. Ветер щекотал лицо. И темнота. Сначала я подумала, что веки прикрыты, и оттого ничего не видно. Но нет.

— Фир, ты жив. — Сказать эти три простых слова оказалось неимоверно трудно. Звук вышел как у спустившей колесо камеры, надсадно-шипящий.

— Жив, жив, хотя признаться, думал, что все же поджарюсь и буду первым в моем тараканьем роду, кого постигла столь нелепая смерть: во фритюре огненных волос. Весь запас магии, что в меня закачал господин Глиберус, пришлось извести, чтобы удержать защиту, — укоризненно произнес таракашка.

Судя по словоохотливости и тону моей членистоногой дуэньи, перетрухнул он здорово. Поэтому-то сейчас спешил выговориться и сбросить напряжение. Я ему мешать и не собиралась, особенно учитывая некоторые обстоятельства.

— Фир, знаешь, у нас проблема. — Эти слова дались уже с меньшим трудом, хотя я все еще шептала.

— Какая? — обеспокоенно осведомился усатый напарник.

— Кажется, я ослепла.

Сразу же после сказанного ощутила, как по моему лицу семянт три пары лапок.

— Ты ничего не видишь? — уточнил таракашка.

— Нет, а должна? — Судя по звукам, которые рождали ныне мои голосовые связки, я не иначе как дальняя родственница гюрзы. Шипение вышло уж очень похожим.

— Вообще-то да. У тебя глаза открыты, правда, зрачок не реагирует. Он к тому же еще и аномально широкий. — Сказано это было тоном микробиолога, узревшего в чашке Петри вместо колонии бактерий

динозавра, не иначе.

— Печально. — Сил эмоционально реагировать на эту данность не было. Оставила их все, видно, когда пыталась совладать со стихией.

— Печально! И это все, что она может сказать! — Фир верещал в ушную раковину так, что я имела большую вероятность помимо слепоты приобрести в комплекте еще и глухоту. — Сначала у вас были неслабые шансы стать отличной мишенью для партизанского отряда демонов, потом я чуть не поджарился, а ты перенапряглась, сумев обуздать огромный поток силы, и теперь ничего не видишь, надеюсь, что только временно. И на все на это — «печально»?

Да уж, членистоногий по эмоциональному накалу мог дать фору многим актрисам трагического амплуа. Меж тем таракашка выдохнул и уже более спокойно продолжил:

— Раз сама не видишь, доложу обстановку: ты лежишь на траве, в рубашке Эрина. Тебе, обморочной, её ушастый отжаловал сразу, едва отряд драконов приземлился. С себя, между прочим, снял, так что проникнись, — глумливо начал Фир. — Кстати, нашего шпиёна таки продырявили. Жаль, что не чуть выше, а то эльф со стрелой, торчащей из зада, — это картина, достойная для описания потомкам. А так всего лишь голень — неинтересно.

Сил как-то комментировать эту новость не было, хотя сердце все же при «продырявили» предательски кольнуло. Хоть Эрин — и тот еще... шпиён, одним словом, но все же свой.

А Фир продолжал доклад:

— Пайрем и остроухий фискал, кстати, уже перебинтованный, сейчас как раз разговаривают с драконами. А нас оставили здесь, на траве. Эрин, правда, порывался взять тебя на руки, но поскольку он сейчас немного не в форме, эту идею на время оставил. В общем, нас укрыли плащом и решают, судя по всему, как быть. Жаль, стоят далековато, слов разобрать не могу, — сокрушался таракашка. А потом, сменив тон на ехидный, добавил: — А наша монашка-то льнет к эльфу... не иначе влюбииилась.

Судя по его подколке, он ждал от меня реакции. Мне же было, как в том анекдоте: «и по барабану, и по бубну тоже». Не дождавшись ничего, усатый дуэнья продолжил:

— Демонюка, к слову, как очнулся, начал крыть всех таким отборным матом... Я аж заслушался, — восхищённо сплетничал членистоногий. — Причем ни разу не повторился. И почему это драконы ему рот заткнули кляпом? Ну подумаешь, он родословную этого Ауда Эймвольта вывел к ишаку, совокупившемся с женщиной, у которой планка социальной

ответственности занижена, или попросту шлюхой... Но за эти слова запихивать Дейрию в рот грязные портянки? Звери они, а не драконы.

Фир продолжал разглагольствовать, умело перемежая иронию и цинизм, маскируя их под простодушие, а у меня в голове словно что-то щелкнуло: Ауд Эймволт — главный страж облачных врат и еще один вероятный убийца.

То ли я начала приходить в себя, то ли эффект от последствий общения с силой ослабевал, а может, просто решающим оказалось извечное женское любопытство: интересно же взглянуть на кандидата в душегубы архимага. Перед глазами сначала появилось небо: темное, тусклое, словно предзакатные сумерки, уже готовые перейти в непроглядную мглу. Постепенно облака начали светлеть, небесная лазурь все больше наполнялась цветом. Зрение начало возвращаться.

Горько усмехнулась: помнится, несколько месяцев назад я спорила с подругой. Она доказывала, что при нервном и физическом истощении может наступить временная слепота, которая проходит, как только организм восстановится. Я же сомневалась, утверждая: если уж зрение потеряно, то восстанавливать его тяжело и долго. Но вот сейчас довелось на собственном опыте убедиться: Вика не врала.

— Я прячусь, к нам идут, — с этими словами Фир сбежал с моего лица и зарылся в волосы. Надо мной склонилась Пайрем.

Щека девушки была в травяном соке, волосы — сплошной колтун, одежда местами разодрана, но главное — она улыбалась.

— Ты пришла в себя. Наконец-то. Что чувствуешь? Что-нибудь болит? Пить хочешь? — этими вопросами она завалила меня, как спам электронную почту.

Пока я силилась ответить, Пайрем, обернувшись к драконам и Эрину, крикнула:

— Кесси очнулась!

Споро приковылявший остроухий как-то примирил меня с мыслью о том, что я пока временно недееспособна.

Эльф деловито проверил пульс, реакцию зрачка, положил руку на лоб.

— Пресветлые лесные чащи, кажется, обошлось, — по его тону чувствовалось, что переживал, хотя и не выказывал этого. — Скажите, вы выдержите полет на драконе? Понимаю ваше состояние, но оставаться здесь тоже не стоит. Демоны в любой момент могут вернуться с подкреплением. Я как раз об этом и говорил с Аудом. Он со своим отрядом патрулировал окрестности, когда увидел огненный столб. На всполохи пламени и прилетели. Думали, дети Чернолесья опять испытывают свое

мракобесье оружие...

— Смогу, — единственное, что удалось прохрипеть в ответ на столь долгую речь.

Большого эльфу и не потребовалось. Он подхватил меня на руки, при этом плащ, которым я была укрыта сверху, упал на землю. Краем глаза успела увидеть, как Пайрем бережно подняла ткань и свернула, а потом пошла следом.

Чувствовалось, что каждый шаг давался остроухому с трудом, но эльф упорно держал меня на руках, не позволяя никому из драконов взять его ношу.

— Ауд, мы готовы, — произнес подстреленный шпион, как только мы подошли к отряду.

Я внимательно посмотрела на того, к кому обращался эльф. Высокий, жилистый, как ремень, с русыми волосами, заплетенными в косу, и уродливым шрамом, стянувшим правую половину лица. В этом мужчине чувствовалась внутренняя сила и какая-то мрачная решимость.

В ответ на слова эльфа Эймвольт лишь кивнул и начал превращаться в дракона. Остальные уже были в крылатом обличе, готовые встать на крыло.

Первое впечатление у меня о страже облачных врат было, что он — замкнутый, неразговорчивый. Скорее всего — одиночка по жизни.

Крылатый ящер Эймвольт отливал на солнце сталью. Его броня, испещрённая мелкими и внушительными бороздами — несостоявшимися шрамами, говорила о том, что этот дракон не понаслышке знает, что такое сражение.

Он опустил шею и подставил распластанное крыло так, что Эрин взбежал по нему, как по сходням. Пайрем на карачках (видно, боялась упасть) повторила маневр эльфа: взобралась по крылу и разместилась в основании шеи другого крылатого. Добычу, сиречь демонюку, еще один сын неба взял как кошка кутенка. Только не за шкуру, а за веревки, которыми драконы успели спеленать Дейрия не хуже, чем египтяне мумию свежеусопшего фараона. Рогатый в ответ на такое к себе отношение сказать ничего не мог, но смотрел так, что самым точным эпитетом было бы «матерился взглядом».

Полюбоваться на картину «полет демона в стиле лягуха-путешественница» не удалось. Дракон взмахнул крыльями и буквально в несколько рывков набрал приличную высоту.

«Сбылась мечта идиотки, — подумалось вдруг, — лечу на драконе».

Сильные, надежные мужские руки нежно обнимали за талию. Я

чувствовала аромат кожи Эрина, в котором угадывались нотки апельсина и корицы. Нас разделял всего лишь тонкий батист рубашки — единственная преграда меж его грудью и моей спиной. Спутник ласково провел ладонью по животу, словно хотел удобнее перехватить.

В это самое мгновение дракон сделал резкий вираж, и я невольно вжалась в мужчину и застыла.

— Не бойся, я рядом, — близ уха раздался ласкающий слух баритон. — Знаете, Кесси, возможно, когда мы спустимся на землю, нам еще не скоро удастся поговорить наедине: я Ария, увы, хорошо знаю. — Эльф вздохнул, словно набираясь решимости. — Поэтому понимаю, что выбрал не лучшее место и время для предложения, но все же. Дорогая Кассандриола, ни одной женщине я еще этого не говорил, но вас прошу...

Чувствуя, куда клонит этот ушастый поганец, под шумок так тесно прижавший меня, что я спиной и ягодицами почувствовала всю его мужскую анатомию, в нижней части весьма характерно выраженную.

— Я вообще-то замужем...

— Мне это ничуть не мешает, — соблазнительно протянул эльф.

«Нет, все же в этом ушлом шпиёне я ошиблась, — подумалось невольно, — будет предложение не ливера, в смысле сердца и руки, а банальное — стать любовницей». Уже подбирала слова витиеватого маршрута, по которому отправлю эльфа со всей его родней, когда прозвучало:

— Я прошу вас стать моей напарницей.

— В смысле? — Признаться, я слегка опешила.

— В прямом. Еще ни разу не встречал женщины столь решительной, умной, изворотливой. Я все еще убежден, что вы — шпионка, резидент, если хотите, вот только не пойму, кто ваш наниматель и какие цели вы преследуете. И даже несмотря на это, прошу подумать над моим предложением.

Я не успела и рта раскрыть, как Эрин продолжил:

— Я не обещаю золотых гор, потому как одни деньги прельщают лишь дураков, но могу вам гарантировать обеспеченную свободную жизнь, вне устоев и семейных догматов, которыми так славятся заскорузлые драконьи умы. Вы женщина, рожденная для большого полета. А что ждет вас с Арием? Жизнь наседки на гнезде — не ваш профиль, уж извините.

Я резко обернулась, так что между нашими лицами не осталось и пяди пространства. Эльф молчал, внимательно глядя на меня, и ждал ответа.

Будь я рождена в этом мире, возможно, его слова и имели бы притягательность. Действительно, не представляла, как можно всю жизнь

прожить на три «К»: Kinder, Küche, Kirche, или вечно беременной у плиты с молитвой на устах. Но Кассандриола — другое дело. Она, судя по рассказам Фира, как раз таки домоседка, ей и даром не нужны эти приключения на пятую точку, а посему...

Я потянулась к эльфу и, дотронувшись губами до его уха, нежно поцеловала мочку. Почувствовала, как все тело мужчины от этого, в принципе, целомудренного прикосновения напряглось. Эрин вздрогнул, словно на мгновение дотронулся до оголенного провода, и с наслаждением протянул, словно мольбу, как молитву: «Ещё». Но я уже отстранилась и вглядывалась в лицо спутника. Из его глаз медленно уходила поволока блаженства, на лице проступали черты разочарования.

— Почему вы отстранились?

— Это был первый и последний раз, когда мы с вами были так близко, — холодным менторским тоном произнесла я. — Мой поцелуй в обмен на ваши слова. Предложение, которое вы озвучили, — это мираж, который, признаюсь, соблазняет меня и манит, обещая много больше. Но есть понятие долга, которому я, дочь придворного алхимика Микелиса Глиберуса, должна следовать...

— Очень жаль, — печально протянул эльф. — Из нас бы могла получиться неплохая пара.

Он на мгновение замолчал, а потом, хитро прищурив глаза, произнес:

— Арию просто повезло. Но я не из тех, кто сдается без боя, учтите, Кесси, я всегда добиваюсь чего хочу и кого хочу.

— Даже если это что-то лежит в спальне титулованной бабульки? — не могла сдержаться.

Леголасообразный лишь шумно выдохнул и с нехорошим прищуром посмотрел на демона, болтающегося в пасти летящего впереди дракона.

Остаток пути мы провели в обоюдном молчании. Из того полета мне запомнился жаркий ветер, лазурное небо и солнце, которое слепило.

Наконец, дракон спикировал вниз, пробежал несколько метров вперед, гася тем самым инерцию, и остановился посреди военного палаточного лагеря.

Эрин все так же ловко подхватил меня на руки (я не возражала по той лишь причине, что сама сейчас навряд ли смогла бы стоять, не то что идти, — слабость все еще давала о себе знать) и спустился по крылу, подставленному Эймвольтом.

Ящер Пайрем не стал утруждать себя оттопыриванием конечностей, а просто разогнул спину так, что девушка прокатилась по его хребту, как по крутой горке. Визгу было, правда, гораздо больше, чем при катании на

обычной ледянке. Как только ящеры трансформировались, за столь самовольный «сброс» пассажирки молодой дракон тут же схлопотал:

— Хвостовой группы, что это только что было? — сурово спросил Ауд.

— Извините, командир, с непривычки забыл, — отрапортовал молодой дракон.

— Чтобы память тебя больше не подводила, два наряда вне очереди.

Обрадованный тем, что легко отделался, дракон козырнул, звонко ответствовав:

— Разрешите приступить к исполнению?

Командир лишь кивнул, и проштрафившийся, развернувшись, припустил прочь, пока Ауд вдогонку не присовокупил еще чего-нибудь.

Дейрий же, которого просто-напросто выплюнули из пасти, нимало не заботясь о целостности его костей, сейчас лежал на траве, внимательно разглядывая все окрест.

Пока наблюдала за происходящим, не заметила, как к нам приблизились несколько драконов, среди которых был Арий, мрачный, как предгрозовая туча.

Я в неглиже, сидящая у эльфа на руках, только и смогла, что обреченно простонать:

— Дорогой, чувствую, эта фраза будет у нас скоро ритуальной, но это не то, что бы ты мог подумать...

— Арий, прошу, не суди лишь по тому, что ты увидел. Я все объясню, но этого не сделать в двух словах. — Эльф был серьезен и сдержан. — Кесси пока не может ходить, поэтому...

— Носить свою одежду она тоже не может? Поэтому позаимствовала твою? — иронично уточнил мой муженек.

— Ну, раз меня здесь так встречают... — протянула я. — Посылочки доставили, и будет. Эрин, возвращаемся домой, в замок.

Эльф на эти слова лишь хмыкнул, но не успел сделать и шагу, как супруг оказался рядом со мной.

— Кесс, извини, я погорячился. — Было видно, что слова давались ему с трудом — он ломал сам себя, свою гордую натуру, а потом посмотрел в глаза эльфу. — Я сам в состоянии донести свою жену.

С этими словами он бережно взял меня из рук у враз нахмурившегося эльфа.

Больше не обращая ни на кого внимания, Арий, пристально рассматривая мое лицо, произнес:

— Я оставил тебя чуть больше суток назад. Дома. В твердой

уверенности, что самое страшное, что может случиться, — то, что ты разозлишься и вспыхнешь. И, небесная твердь, я никак не ожидал тебя увидеть посреди военного лагеря в таком виде. Ты просто сумасшедшая...

— А еще находчивая и хозяйственная, — похвалила я сама себя. Отчего-то захотелось весело болтать ногами и дурачиться.

— Это еще почему? — Дракон сделал вид, что повелся. Хотя он уже успел увидеть и трофейного демонюку, и Пайрем.

— Ну как же! — с наигранным негодованием воскликнула я. — Супругу графа Зура в монастыре нашла? Нашла. Опять же демона, принца, а не абы какого, на дороге валяющегося, к рукам прибрала? Прибрала. В хозяйстве этакий пригодится...

Пока я несла всю эту чушь, Арий словно оттаивал, в уголках его глаз начали собираться морщинки, как у человека, который готов засмеяться, но усилием воли сдерживается. Дракон все же сдал оборону и улыбнулся.

— Я благодарен providению, пославшему мне именно тебя. И мне нужно непременно отнести тебя в свою палатку, а то, знаешь... Твой вид заставляет меня ревновать даже к Кичиерским каменным столбам.

Я ничего не имела против — роль бесплатной стриптизерши не прельщала. Когда мы уже подходили к палатке, навстречу нам попался юноша, я бы даже сказала, паренек. Угловатый, лопухий, с россыпью веснушек на лице — сущий мальчишка.

— Командир, ваше поручение выполнено, — радостно отрапортовал он Арию. Увидев же меня, юноша смутился так, что залился багряным румянцем по самую маковку.

— Хорошо, Флейтвар, спасибо. — Муженек был сдержан. — Благодарю.

— Чем я еще могу...

Спасибо. Подготовь несколько копий карты Северного участка Кичиера для разведывательного отряда.

— Будет исполнено! — Парнишка, придерживая рукой фуражку, чтобы та не слетела, развернулся на сто восемьдесят градусов и помчался исполнять поручение, которое, судя по всему, ему было в радость.

— Это и был ненаследный принц? — помимо воли вырвалось у меня.

— Он самый, — печально вздохнул дракон, глядя удалившемуся метеору вслед. — Угроздило же его попасть в опальный список. Хотя, подозреваю, одна из бывших фавориток правителя постаралась. Отвергнутые женщины весьма коварны.

— А я смотрю, у тебя большой опыт в этом вопросе? — протянула я.

— Ревнуешь? — тут же оживился Арий.

— Констатирую факт, — умерила я пыл муженька, а потом вернулась к изначальной теме: — А почему именно его тебе жаль?

— А как не жалеть парня. Ему еще и шестидесяти нет, только гвардии капрала получил. По вашим, человеческим, меркам, считай, пятнадцатилетний мальчишка, отхвативший в супруги, как я понял, прожжённую стерву.

По тому, как закопошился в моей голове Фир, я поняла, что имя супружницы бастарда ему известно.

Арий же решил не развивать далее эту тему и осведомился:

— Гораздо больше супруги Флейтвара меня интересует другой вопрос: что ты успела натворить за это время?

— А может, сначала напоишь, накормишь и спать уложишь? — Я хотела, чтобы знаменитая присказка про звучала игриво, но эффект испортил невольный зевок в конце.

Напряжение, державшее в тонусе последние сутки, спало, и сонливость начала одолевать с неимоверной силой.

— Хорошо, — добродушно улыбнулся муженек. — Умеешь ты, Кесси, уговаривать.

От его «Кесси» стало грустно. Наверное, потому как я ею не являлась, а была Наташей Русовой, девятнадцатилетней уроженкой славного города с более чем тысячелетней историей (хотя ученые, в угоду очередной универсиаде утверждали и другое, дескать, ровно тысяча лет, миллениум, чтоб его), временно занявшей чужое место.

Обещание свое Арий выполнил. После того, как принес к себе и уложил на постель, которая была не иначе как жидким тюфяком, постеленным прямо на землю и накрытым походным одеялом.

— Извини, я не рассчитывал, что... — начал оправдываться супруг, как и всякий мужчина, которого постигла нечаянная женская ревизия.

— Спасибо. Другого и не надо, — перебила дракона, избавив его от неловкости. — И буду безмерно благодарна, если еще найдется, во что переодеться и чего поесть... — протянула, зевая, а потом спохватилась: — А как же Пайрем? Ей тоже надо устроиться.

— Я позабочусь о том, чтобы известить графа Зура. Думаю, он будет рад возвращению жены в лоно семьи.

Глаза немилосердно слипались, тюфяк манил и обещал самый дивный из снов, но любопытство пересилило, и сонным голосом я все же задала вопрос:

— Почему рад?

— Двести тысяч золотом за то, чтобы его жена стала монахиней, —

это не откупная монастырю, это грабеж. Даже для казны небольшого государства, не то что для одного мужчины, пусть и графа. Этот платеж разорил бы его подчистую. Должно быть, эта Пайрем — великая грешница...

— Может, наоборот — святая, — вступилась я за девушку, тем временем накрываясь одеялом.

— Если бы святая, то, монастырки должны были бы приплатить супругу — такую благолепную им отдал.

— Не отдал, а сбежала, к тому же это неправильный монастырь был, значит, и платежная система у него — неверная... — Последние слова, сказанные на автопилоте, озадачили моего супруга, на мгновение замолчавшего, а мне было достаточно и малости — я заснула.

Уже практически находясь в царстве Морфея, через поволоку сна почувствовала, как Арий заботливо укрывает и, целуя в макушку, шепчет:

— Май тем юра тем.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

19.02.2016 по римскому календарю

22 травня 9785 года по веремскому летоисчислению

Дыхание утра, нежное, в облаке грез, зовущее улететь в небесную высь за сновиденьем, — я чувствовала его, ощущала кожей, хотя веки были еще плотно закрыты. Понежиться подольше не дал деловитый голос, который, кажется, достанет меня и на том свете.

— Не притворяйся, я вижу, что ты проснулась. — Усатый дуэнья был в своем репертуаре.

Пришлось нехотя приоткрыть один глаз.

— Выспалась? — Таракашка сидел у меня на груди. В верхней правой лапе он держал миниатюрную пилочку для ногтей, которой, судя по всему, не далее минуты назад полировал свою членистоногую конечность.

— Да. — Я с наслаждением потянулась.

— Ну вот и хорошо. — Фир обрадованно взмахнул пилочкой, как дирижер палочкой, урезая марш. — А то я весь истомился в ожидании. И еще этот Арий постоянно к тебе заглядывал. Только расположишься со всем комфортом, так нет, идет, проверяет, не проснулась ли его Кесси... Тьфу, да и только.

Я лукаво прищурилась, впрочем, еще не выбираясь из-под одеяла.

— И поэтому ты так истомился? — поддела таракашку, памятуя о его болтливости. По-другому разговор в исходное русло было не направить.

— Нет, не поэтому. У меня к тебе целая куча вопросов накопилась.

— Ан-налогично, — поддакнула я тоном следователя-колобка из одноименного мультика.

Фир, набравший уже в грудь воздуха, сдулся, махнул лапой так, что пилочка исчезла в пространственном кармане (вот шельмец, а еще говорил, что всю магию потратил, чтобы не сгореть, выходит, заначка-таки осталась), и вместо тирады выдал:

— Вот ты мне скажи: на кой надо было эльфа почти до оргазма доводить? Мне его даже жалко стало, чисто по-мужски...

Признаться, я ожидала какого угодно поворота разговора: интерпретации ран на груди Зура, имени супруги Флейтвара, взрывчатки, которую используют демоны, но оргазм...

— Когда? — Если не знаешь, что ответить, — задавай вопросы. Эту

тактику я и решила использовать в диалоге с Фиром.

— Да когда летели в лагерь, на драконьей шее Эймвольта. Зачем эльфа в ухо целовать было? Это же у них самая чувствительная зона...

«Вот влипла!» — была самая цензурная мысль из всех.

— Ну я же не знала, хотела подразнить...

— Подразнила быка на корриде. Теперь этот ушастый клещ не за профессиональный, а за чисто мужской интерес от тебя отцепляться не будет.

Мне оставалось лишь тяжело вздохнуть.

— А есть что-нибудь более оптимистичное? Например, что раны на груди у этого графа Зура означают: он и есть наш убийца... — перевела я тему. Фир с легкостью поддался.

Таракашка печально развел лапами, даже усы его чуть обвисли.

— Увы. В этом плане тоже порадовать не могу.

— А что можешь?

— Сказать, что эти отметины на груди лишь означают насильственное лишение его магических способностей. Розу ветров — своеобразный семантический символ — обычно наносят на грудь жертвы, когда хотят против воли забрать ее магический дар, а после обряда наносят ритуальные шрамы.

— То есть?

— Судя по всему, подозреваемый когда-то так же, как и покойный архимаг, получил в грудь удар кинжалом из алькулара — это металл такой особый, специально для убийства колдунов, чтобы те, умирая, магией не могли достать своего душегуба. Только у этого вида оружия клинок традиционно трехгранный. И мне очень интересно, как Зур после такого ритуала смог выжить...

— Поясни.

— Такие ритуалы — незаконны, а жертва после них обычно умирает. — Фир ненадолго замолк. — Я вот сейчас подумал. У нашего покойного периодически случался резкий рост магического потенциала... а что, если...

— Личная месть, — синхронно выдохнули мы с таракашкой.

Воистину, у дураков, как и у гениев, мысли сходятся. Я предпочла отнести себя с Фиром к последней категории (для самолюбия оно менее болезненно).

— Вот тебе и мотив... Помимо пресловутого «Грозового шквала», — уточнила я. Судя по всему, с пунктом «хотел» мы разобрались, остался «мог». — А если все же взять основную нашу версию?

— Зур, судя по всему, превосходно, пусть уже и с чисто теоретической точки зрения, разбирается в маскировке — вспомни тот голос и что я про него говорил. Плюс ему не составит большого труда вникнуть в основы магической части наработок «Грозового шквала». — Фир был сама серьезность. — Так что, если с этой стороны, у него даже двойной профит: и лично отомстил, и своей стране помог.

— Выходит, наш любитель БДСМ кандидат в убийцы номер раз?

Вопрос мой Фир благополучно пропустил, ухватившись за незнакомую аббревиатуру.

— А Ббмс — это кто?

Замялась. Как иномирскому членистоногому объяснить скандально модное словечко двадцать первого века? На то, что муж Пайрем относится именно к ребятам, любящим постельные игры подобного рода, меня натолкнуло описание «секретной комнаты», в которую Пайрем вбежала по ошибке в первую брачную ночь.

— Так называют тех, кто любит игры с кнутом и плеткой.

— Так это же кучеры, — недоуменно вывел таракашка.

— Нет, не совсем. Так называют тех людей, которые любят, чтобы их наказывали или же...

Договорить я не успела.

— Аааа, ты про вакхов, что ли? Это те, кто поклоняются Вакху и устраивают вакханалии. Ходят слухи, что во время ритуалов адепты Вакха испытывают неземное наслаждение. — Последние слова членистоногий протянул мечтательно.

Я прыснула. Воображение сразу же нарисовало Фира со стеклом в лапах, вдохновенно шлепающего князя Зура по оголенной филейной части. Последний стоял на карачках и завывал от наслаждения.

— Ладно, — я решила, что с темой Вакха стоит закругляться, — может откроешь мне великую тайну, что за сокровище досталось Флейтвару, раз он удостоился сочувствия?

— Охотно, — протянул Фир тоном заправского сплетника — Фанни Кейпин, девица внешне крайне невыразительная, но с настолько дурным нравом, что ей даже за солидное жалованье не удастся найти камеристку надолго.

— Увольняются? — уточнила я.

— Сбегают, — вздохнул таракашка. — То одной лицо раскаленными щипцами прожжет (служанка всего лишь нечаянно ее ими задела, когда завивала локоны), другую оставит на ночь в подвале, в леднике, за то, что девушка забыла закрыть фрамугу и спальня госпожи выступилась... И

таких случаев не один десяток. Вот поэтому-то и сбегают субретки от госпожи Кейпин, стабильно и регулярно. Как сама понимаешь, — таракашка оседлал любимого конька и разошелся, — с таким нравом очередь из женихов у дверей дома госпожи Фанни (к слову, не самой богатой из невест) не выстраивается. Но мне сдается, что на сию девицу с драконьей стороны был «спецзаказ». Видно, сильно кому-то малец Флейтвар не угодил, раз ему такую свинью с женитьбой подсунули. Я еще когда на церемонии эту парочку увидел, подумалось: «Свезло рыжему драконенку знатно...» А драконенок-то, выходит, — бастард.

— Да уж... — подвела я итог.

Повисла пауза, во время которой полог палатки откинулся и внутрь вошла девушка. Фир едва успел юркнуть в складки одеяла.

— Ой, извините, я не знала, что вы только проснулись. Ауд просил принести вам одежду...

Девушка, а вернее, молодая, еще только что вступившая в пору расцвета женской красоты сеньорита, буквально излучала счастье. Оно отражалось в ее глазах цвета персидской больной бирюзы, сквозило в каждом движении тонкого, изящного, гибкого, словно змейка, стана, в летящей походке.

Вошедшая в первый миг засмушалась, а потом подняла на меня лукавые глаза.

— Меня зовут Земира Дар. Я, как и вы, была отдана замуж за дракона, за Ауда, Ауда Эймвольта.

— А я Кесси, просто Кесси, — постаралась ответить ей в тон.

— Знаю, мне Ауд сказал, — ответила Земира.

В глазах девушки черти плясали джигу, не иначе, и я не смогла удержаться от вопроса:

— Ты счастлива? И ничего, что я сразу так, по-панибратски?

— Да, очень. И на «ты» даже лучше.

Девушка подошла ближе и опустилась на половик, положив рядом с собой принесенную стопку вещей, и заговорщицки улыбнулась. По всему было видно, что ей не терпелось обменяться мнениями, или попросту, чисто по-женски, посплетничать. Что же, без лукавства, мне тоже этого хотелось, а еще с учетом того, что Земира могла рассказать об Ауде, то и давно.

За болтовней ни о чем и обо всем сразу удалось узнать и причину счастья девушки. Как выяснилось, девица Дар была сиротой, причем с солидным приданым. Как это водится, дальние родственнички не хотели просто так выпускать солидный куш, уплывающий из рук, и двоюродный

дядя по линии отца хотел решить проблему просто и гениально: подумал, не присвататься ли и не пойти под венец в третий раз? Благо двух своих предыдущих жен он уже успешно схоронил. Судьба сулила девушке роль безропотной жены при старике-муже, и то, что Земиру включили в список драконьих невест, было для нее подарком судьбы. А уж когда она поняла, какой муж ей достался...

Я не выдержала и решила уточнить, что в Ауде такого особенного. Оказалось, что сразу же после свадьбы он повел себя не как все его соплеменники: расспросов молодой жене учинять не стал, как и обличать в изменах и предупреждать о слежке, а просто обрадовался тому, что у него, в отличие от большинства стражей, будет жена. Ведь женихи из хранителей облачных врат незавидные: живут на одно жалованье, на границе, в глуши. Редкая светская красавица рискнет мотаться с таким по гарнизонам. А Эймвольт, давно поставивший на своей внешности крест, и мечтать не смел, что ему выпадет счастье стать супругом этакой чаровницы. Он оценил Земиру, отнесся к ней с трепетом, и она влюбилась в него за эту самую радость. Ауд же был счастлив именно ей самой, а не приданому или титулу, которые шли к невесте довеском.

Я невольно поймала себя на мысли, что любовь Земиры и Ауда (а судя по рассказам девушки, это была именно любовь) родилась из взаимного уважения и того, что они оба заранее ценили того, кого уготовила им судьба.

Под конец нашего разговора я все же решилась спросить:

— А в день свадьбы, помнишь, в янтарной комнате? Ауд никуда не отлучался? Арий вот куда-то ненадолго исчез... — Я протянула скучающе-задумчиво, словно мимоходом, делясь впечатлениями об одном из самых главных дней в жизни любой девушки.

Во взгляде Земиры на мгновение мелькнуло беспокойство, но ее голос был столь же беззаботен, как и мой.

— Отлучался, но лишь для того, чтобы проводить меня в парк подышать свежим воздухом. Мне стало дурно... — смущенно протянула она, а потом добавила, словно пыталась раскрасить унылую пастель повествования яркими красками: — Эймвольт еще, чтобы поднять мне настроение, как мальчишка, подарил букет пионов. Наверняка с клумбы нарвал, пока я не видела, — лукаво закончила собеседница.

У меня после этой фразы был легкий когнитивный диссонанс: образ угрюмого, нелюдимого стража Ауда и клумба с пионами... Но, похоже, Эймвольт, который для всех остальных — неприступная скала, с Земирой совершенно другой.

Я искренне порадовалась за этих двоих. Хотя бы один из шести браков оказался счастливым.

Девушка помогла одеться. К слову, платье, принесенное юной госпожой Эймвольт, оказалось мне впору, видно, с Земирой у нас был практически один размер. Порадовали также чулки, гребень и прочие мелочи, без которых ни одна женщина себя не мыслит.

Фир, на этот раз решивший провести разведку без меня, тихонько удрал еще утром, пока я переодевалась, а моя собеседница была чем-то отвлечена. Прошипев под усы, что наведается в гости к Мериусу. Как он найдет палатку именно этого дракона, для меня осталось загадкой, но да членистоногому виднее. Я лишь успела шепнуть таракашке, что раз отправляется на рекогносцировку, то пусть разузнает, куда подевали честно украденного демонюку. Фир на это лишь фыркнул.

За сборами и разговорами прошла первая половина дня, а потом собеседница, вызвавшаяся сегодня на роль экскурсовода, предложила прогуляться по лагерю, объяснив, что пока мужей нет (улетели на разведку и вернутся лишь к вечеру), делать все равно нечего.

Лагерь меня впечатлил. Стройные ряды белых палаток, несколько павильонов и тенты, обозные телеги и боевые фургоны, но самое главное — нет суеты, все как-то... буднично. Повара полевой кухня и прачки, марширующие в ногу отряды. Да, была война, но был и день. Обычный день, который как-то незаметно перешел в самый обычный вечер.

— Может, заглянем в штабной павильон? Там после заката собирается презанятная публика, — озорно поинтересовалась Земира.

— Отчего бы и нет? — в тон ей ответила я. Ждать Ария, сидя в душной, за день прогретой на полуденном летнем солнце палатке не хотелось, а про Пайрем Земира, увы, ничего сказать не могла, потому как сама была не в курсе, где госпожа Зур и что с ней.

Штабной павильон был виден издалека, украшенный штандартами, выпелами и флагами. Я отодвинула полотняный полог и заглянула внутрь. Деревянные столы и стулья, знававшие лучшие времена, бутылки, открытые и еще закупоренные, и дух, тот самый, что витает в исконно мужском, холостяцком жилище, перемешанный с табачным дымом.

В павильоне было шумно илюдно, как в мужском общежитии. Дам, кроме нас с Земирой, не наблюдалось вовсе. Моя спутница, юркой змейкой проскользнувшая меж офицеров, направилась к кому-то ей знакомому, потянув меня за собой.

— Господин Йолин, позвольте вам представить Кассандриолу Дирриеттинг, супругу Ария.

Я удостоилась цепкого оценивающего взгляда. Сама же в ответ пристально изучала мужа Айвики. Того, кто доверял шпионским отчетам больше, чем собственной жене. Советник после внешней ревизии приветливо улыбнулся, задержав взгляд на моих открытых плечах, но не успел вымолвить и слова, как к нам подлетел какой-то молодой офицер с едва пробившимися усами и фразой:

— Господин Иолин, умоляю вас, представьте меня вашей очаровательной знакомой!

Земира лишь прыснула в ладошку.

— Этот юный офицер по совместительству мой племянник и изрядный повеса Аякс Иолин. — Процедуру знакомства советник начал самым серьезным тоном. — Предупреждаю вас, Кассандриола, несмотря на свой возраст, он уже опытный сердцеед.

По интонации советника стало понятно: расточать авансы сему молодому дарованию не стоит, ибо чревато, поэтому я лишь сухо ответила:

— Очень рада. Супруга Ария, Кассандриола Дирриеттинг.

— Еще одна очаровательная дама в нашем сером мужском обществе, — патокой растекался Иолин-младший, привлекая к нашему разговору и других, сторонних. — До этого госпожа Эймвольт развлекала нас по вечерам музицированием, но, может, и вы...

Так. Я посмотрела на Земиру, невинно разводящую руками. Не иначе, девушка устала от излишнего, порой назойливого мужского внимания? Похоже на то. Теперь же чертовка ловко перевела стрелки, свалив функцию аниматора для офицерского состава на меня. «Ну уж нет, дорогуша, так просто ты не отделаешься...» — коварно подумала я. Совсем отказать не представлялось возможным. Мужчины, истосковавшиеся по женскому обществу, этого просто не позволили бы, но если совсем не удастся решить проблему, можно немножко отомстить...

— Конечно, но при условии, что леди Эймвольт будет мне аккомпанировать, — проговорила я невинно в ответ.

Земира успела лишь только обреченно кивнуть, как в углу уже начали расчехлять потрепанный клавесин.

«А я ведь совсем не умею петь, и голоса почти нет», — подумалось некстати, а потом вспомнила приказчика с его убойным рэпом под окном у Эрина и решила. Нет, на роль местного Эминема или Фифтисента я претендовать не рискнула, а вот просто прочитать с расстановкой стихи под музыку, подумала, что осилю.

Земира, севшая за клавесин, взглянула на меня, словно спрашивая, какую мелодию играть.

— Лирическое что-нибудь, на твой выбор.

Пальцы девушки запорхали по клавишам, и из потертого и побитого жизнью клавесина полилась на удивление чистая мелодия, вот только приятной неги и лирики в ней не было, скорее — призыв к бою, к атаке. Земира тоже мстила, как могла.

Я кашлянула, прочищая связки. Пришлось срочно менять уже выбранное стихотворение на то, что больше подошло бы к звучащей музыке. И рискнула. Была не была. У Кипелова тоже голосок не райский, но слушают же...

На ум пришли строчки стихотворения, написанного некогда подругой.

Кровь снова просит боя,
А сердце — перемен,
И лишь душа — покоя
Родных, надежных стен.
Но впереди дорога
Уныла и сера,
Лишь морозящий дождик
С привалом у костра.

Самое странное, что офицеры слушали не кривясь, хотя это скорее была не песня, что-то среднее между речитативом и музыкальными потугами.

Когда-нибудь мы будем
Сидеть у очага,
Рассказывая сказки
О дальних берегах
Своим веселым внукам,
Что окружают толпой.
Пока — одни сраженья
И волчий дальний вой.

На последних словах я поймала задумчивый взгляд Эрина. И когда только он успел просочиться? Ему вроде как после ранения лежать полагалось? Но поговорить в этот вечер нам с эльфом было не суждено.

Как только отзвучали последние аккорды, Земира поднялась из-за

клавесина и извиняющимся тоном произнесла:

— Прошу покорнейше прощения, но мы с Кассандриолой сегодня утомились, поэтому вынуждены покинуть ваше прекрасное общество.

Не слушая вздохов и печальных возгласов на тему «Вы нас покидаете», «Как же мы будем, во мраке», «Не будьте столь жестоки» и прочих, Земира ловко ретировалась, и я повторила ее маневр.

Как только мы вышли из павильона, я прямо спросила плутовку:

— Скажи честно, специально?

— Да, — не стала юлить девушка, — думала, на тебя переключатся. Но ты умудрилась спеть так, что хотелось не смотреть на тебя, а слушать слова. А это плохо.

— Почему? — Я решила сыграть под дурочку, хотя догадывалась, что сейчас скажет девушка.

— Если кавалер начинает оценивать то, что говорит леди, а не как, то она перестаёт быть интересна ему как девушка-картинка. Скорее уж для мужчины она становится умным собеседником. А офицерам штаба думающие не нужны, им красоту подавай. Вот и получилось, что маневр был напрасный. Слушали тебя, а глазами и взглядами раздевали меня.

— Не могу сказать, что опечалилась по этому поводу, — теперь уже я лукаво улыбнулась. — Проводишь меня до моей палатки? А то боюсь, еще заблужусь...

Девушка согласно кивнула и, доставив меня к пологу, попрощалась.

В апартаментах Ария меня уже ждал Фир. Как только я села на тюфяк, вытянув ноги, таракашка, доселе молчавший, с важным видом выудил стопку писем, перевязанных фиолетовой лентой.

— Вот! Из личного тайника Мериуса, — гордо протянул он. — Занятное, я скажу тебе, чтиво...

Знала бы я, какую тайну хранят эти пергаментные листы, призадумалась бы — стоит ли открывать этот ящик Пандоры и вчитываться в строки витиеватого почерка...

Стопка, перетянутая лентой, была весьма солидной. Я повертела в руках первый конверт. Угрызения совести (читать личную переписку — дело, мягко говоря, не благородное) потерпели сокрушительное поражение желанием узнать, что же там такого нашел меж строк Фир.

Прежде чем приступить к прочтению, осмотрела конверты. Разные даты и цвет пергамента: некоторые с тонким цветочным флером, иные — в розанах и сердечках, но самое главное — разные адресантки, их писавшие, если полагаться на почерк.

Судя по всему, наш дорогой Мериус — любитель поностальгировать, а

может, просто коллекционер со своеобразным чувством юмора, подумалось вдруг, ибо, сунув нос в пару таких посланий, убедилась — они-таки любовного плана.

Впрочем, попалась и пара черновиков-клише, судя по уверенному, размашистому почерку, и самого дракона. Не иначе универсальные заготовки типа: «признание первое», бланки номер один и два, «приглашение на свидание», типовое, и шаблон для сообщения о том, что пора расстаться. Практичный, оказывается, мужик этот Мериус. А может, просто не любит голову ломать над витиеватыми фразами?

Как въедливая ищейка, я взяла след издалека, начала с самых ранних эпистолярных изысков. Фир в это время нарезал вокруг меня круги, нетерпеливо потирая передней парой лап и подгоняя: «Читай быстрее!»

Переписка с некой Азилией двухгодичной давности была милой, но скучной до зевоты. Из прочтенного выходило, что барышня была глупа как пробка, а девичья честь охранялась ее папа получше, чем узники Тауэра. Однако, отцу так и не удалось сберечь главное достояние. Судя по трем последним письмам, девица согласилась на пылкие признания Мериуса и отдалась-таки ему. После этого было ее слезное письмо об объявлении помолвки, а потом и признание в тайной беременности. О содержании ответных посланий дракона особо гадать не пришлось, иначе не был бы он в опальном брачном списке, а давно и прочно наслаждался бы прелестями женитьбы по залету.

— Лучше всего описать роман с этой Азилией можно двумя словами, — вынесла я вердикт.

Фир, на мгновение остановившийся, заинтересованно поднял лобастую голову:

— Какими?

— Поматросил и бросил. Но она сама виновата, с первых же строк было понятно, что у дракона к ней чисто спортивный интерес. Никогда не доверяла фразам: «Ты для меня больше, чем воздух», «Я все отдам» и подобным. Если человек говорит, что готов отдать все, значит, в действительности не отдаст ничего.

— Ну да, — согласился мой членистоногий коллега по следствию, — но ты давай, читай дальше, не отвлекайся.

Дальше было еще пять подобных скоротечных романов, заканчивавшихся примерно одинаково. Впрочем, в одном случае было письмо отца, грозившего дуэлью, а в другом — рогатого супруга, но уже без дуэли, а с требованием материальной компенсации морального урона его чести. Этот образчик эпистолярного жанра мы с Фиром оценили по

достоинству.

Последняя адресантка значилась не иначе, как Лиловая Леди (да-да, именно так Мериус обращался к ней в черновиках и так она сама подписывала свои послания).

«Обожаемая моя Лиловая Леди, здравствуй! Новый день зовет меня навстречу заре, а ночь, проведенная в любовной муке, которой ты щедро одарила меня, так коротка. Все мои мысли лишь о тебе, неистовая красавица. Я не могу забыть твоих пылких объятий, поцелуев под дождем. Эти воспоминания сводят с ума...»

Пробежала глазами пару абзацев. Чувств в данном черновике письма было гораздо больше, чем во всех предыдущих, да и поведение этой Лиловой Леди разительно отличалось от прочих предшественниц.

Ее ответные письма, короткие, были лишены той образной эмоциональности, что изливал Мериус, даже ночь любви она назвала в одном из посланий *«случайным недоразумением, помутившим рассудок»*. И, самое интересное, именно от нее наш сердцеед получил коротенькую записку, всего в несколько слов: *«Нам нужно расстаться. Прости и прощай. Обещай не забывать меня, мой янтарный дракон. PS Прошу оставить наш роман в тайне. Тебе еще есть что терять: надежный лучший друг — это редкость»*. Эта записка была затерта, ее края потрепаны, чувствуется, что ее перечитывали не единожды. Но она не была последней. Самым свежим было письмо, датированное 19 травнем 9785 года.

«Мой возлюбленный, сегодня меня пытались убить. Да-да, меня, слабую беззащитную женщину, лишь жертву обстоятельств, хотели стереть с лица земли огненной волной. Прошу, умоляю, помоги мне, ибо больше не у кого искать защиты. Мой противник силен и коварен, он обладает магией такой силы, что способна разрушить всю горную гряду Водораздельного хребта, и вызвать его на честный поединок в небесах — означает обречь себя на неминуемую гибель. Поэтому заклинаю тебя тем чувством, что было между нами, помоги мне, найди кинжал из алькулара, ибо только ранив моего врага и лишив его магической мощи, я смогу вызвать его на суд небес. Знаю, знаю, что ты скажешь: это оружие вне закона. Но иного выхода у меня нет. Молю тебя о помощи,

по-прежнему влюблённая в тебя Лиловая Леди».

— И что ты об этом думаешь? — Я задумчиво вертела в руках сие послание.

— Как что? Это же очевидно! — Фир аж вскричал от возмущения. — Этот Мериус, скорее всего, и есть один из убийц нашего архимага! Все сходится. И кинжал — орудие преступления, а мотив — месть из-за любовных переживаний.

Таракашка поднял членистую лапку вверх, словно этот жест мог послужить еще одним доказательством его правоты.

— А скажи, милый друг, какое сегодня число?

Фир от такого вопроса опешил.

— Двадцать второе травня, — удивленно протянул он.

— Хорошо, — покладисто согласилась я. — Тогда еще один вопрос: какого числа убили архимага?

— Шестнадцатого, — еще более удивленно ответил мой усатый дуэнья.

— В итоге мы получаем, что данное послание было написано через три дня после смерти архимага и оно никак не может быть отнесено к убийству. Даже если бы Мериус и хотел уничтожить врага этой Лиловой Леди, то у него бы ничего не получилось, ибо он был уже двое суток как покойник.

Я поднесла письмо к носу и вдохнула едва уловимый аромат лаванды. Пазлы сошлись в кусочек картины.

— Фир, а у тебя есть предположение о том, кто эта самая Леди?

Таракашка лишь удивленно помотал головой.

— А вот мне кажется, что эта дама нам с тобой знакома, и, я бы сказала, весьма близко. Госпожа Ликримия. Если помнится, ее дракон именно лилового цвета, и не иначе как девятнадцатого числа она нанесла нам визит, итогом которого стало огненное торнадо на моих руках.

Фир молчал, затаив дыхание, и я, вдохновленная столь благородным слушателем, продолжила:

— Получается презабавная картина, как я предполагаю. Сначала Ликримия вскружила голову нашему дорогому Мериусу. Охотник в этот раз сам стал жертвой искусной женской игры. Но потом наша Лиловая Леди решила, что куш мелковат, а может, именно через Мериуса свела знакомство с Арием и переключилась на добычу покрупнее. Именно так выглядит ее записка о том, что нужно расстаться и сохранить все в тайне.

— Продолжай, — подбодрил Фир.

— Но вот неожиданный мирный договор, и Арий в опальном списке. Планы Ликримии рушатся, как карточный домик. Она принимает решение устранить помеху, вставшую на ее пути к алтарю: я про проклятье, которое подцепила настоящая Кассандриола. Однако свадьба все же состоялась, и, если исходить из того, что мне привиделось, наша дорогая любовница двух господ (да-да, подозреваю, что некоторое время эта дама делила свое ложе с двумя драконами, не знавшими друг о друге, — это в ее стиле) явилась девятнадцатого травня не иначе как с целью убить соперницу собственными руками. И тут ее постигла еще одна незадача: у молодой супруги ее любовника оказывается магический дар, и неслабый. А как я уже говорила, натура этой женщины не терпит поражений, и она обращается к тому, кто пылал к ней искренними чувствами.

— Ты хочешь сказать, что этот маг, упоминаемый в письме, — ты? — уточнил Фир очевидное: таракашка так и не смирился, что его версия провалилась.

Я лишь кивнула головой, молча собрав письма в стопку (за исключением нескольких, особо интересных посланий — их отдала Фиру на сохранение), и перевязала уворованное из личного тайника дракона лентой. А потом оптимистично заявила погрузневшему таракашке:

— Мы идем в гости.

— К кому?

— К Мериусу, разумеется. Используем появившийся козырь, хоть это и мерзко, но мне нужны ответы. И еще вопрос: как ты его палатку нашел?

Фир хитро хмыкнул, но все же соизволил ответить:

— Да он вместе с Арием заглянул, пока ты спала. Вот я тайно и проводил его, когда наш дорогой дракон поспешил отчалить к себе.

«Вот тебе и магия, — подумалось разочарованно, — банальная слежка — самая эффективная во все времена и во всех мирах».

Пока мы молча шли меж рядов палаток, Фир, вольготно устроившийся у меня на плече, а не в волосах для разнообразия, решил осведомиться:

— Ну и что ты хочешь от этого Мериуса? Если он убийца — не скажет же тебе об этом прямым текстом?

— Может, и скажет. Мне интересно, насколько он поддается шантажу и что для него дороже: любовь или истинная мужская дружба?

Шатер Мериуса Атриха был внешне ничем не отличим от остальных таких же, выстроившихся в одну шеренгу, но Фир уверенно указал лапой именно на него. Я откинула полог и вошла внутрь. Половики, тюфяк, складной тканевый стул, походный столик, дорожный фонарь, несколько баулов вещей в углу.

Хозяин среди данных предметов интерьера отсутствовал, что не могло не радовать. Признаться, я предпочла бы начать этот разговор, имея на руках лишний козырь в виде неожиданности, чем заявиться, когда Мериус был бы уже внутри.

Обстоятельства играли мне на руку. Удобно расположившись в самом темном углу на стуле в ожидании дракона, я размышляла, таракашка, кажется, медитировал. Или как называется состояние, когда вечный болтун вдруг замолкает, садиться в позу а-ля шестилапый лотос и невидяще начинает пялиться в одну точку фасеточными глазами?

Постаралась упорядочить мысли. Итак, что мы имеем?

Ауд Эймволт. Первое впечатление об этом драконе, подкрепленное рассказами Земиры: сердце — любимой, жизнь — правителю, честь — никому. Мог убить? Маловероятно, но все же. Единственный мотив такого поступка — та самая любовь к родине и ярое желание упредить войну, получив оружие, которое заведомо решит исход любой битвы.

Ронгвальд Зур — наш тайный любитель БДСМ. Самый вероятный мотив — личная месть. Уж больно подозрительно, когда у одного магические силы были отняты, а у второго — нашего покойничка, судя по словам Фира, имели место несколько бонусных вливаний. Вполне вероятно, что эти двое — сообщающиеся сосуды. Данную версию стоит проработать подробнее.

Кеттиль Иолин — прожженный дипломат, сухарь и по совместительству муж Айвики. Мое личное, полуинтуитивное мнение — мог. В первую очередь из политических соображений, ибо кто владеет оружием, решает, когда будет мир, а когда — война.

Флейтвар — бастард, к которому удача если и приходила, то исключительно когда парнишка спал. Убить сам? Навряд ли, но если за ним кто-то стоит...

Арий. Он в роли убийцы? Этот вариант был бы самый худший, но правда — штука, которую в моем случае просто необходимо знать, но в которую при данном исходе не хотелось верить.

И наконец, Мериус, о том, какова его роль во всей этой истории, мне и предстояло выяснить прямо сейчас.

Шли минуты ожидания, Фир был все так же неподвижен.

— Ей, йоганиста, ты чего, постиг великий дзен? — мой шепот заставил таракашку встрепенуться так, что его усы затрепетали.

— Прости, решил вздремнуть немножко, пока была такая возможность...

— Это ты хочешь сказать, что в такой позе спишь? — решила я

уточнить. — А я думала, ты увлекся новомодной йогой.

— Нет, такими извращениями не занимаюсь, — гордо ответил членистоногий, — просто так сидеть удобно. Ты вот сама представь, если бы у тебя было шесть рук, куда их девать, когда сидишь?

Ответить я не успела, по причине того, что хозяин палатки наконец-таки вернулся.

Мериус зашел внутрь, уверенно протянул руку к фонарю и повернул у него колесико. Два кресала щелкнули, высекая искру, и палатка озарилась тусклым светом.

— Вот мне всегда было интересно, что заставляет друзей идти на предательство? Делить ложе с любимой друга?

Дракон вздрогнул от моего голоса, а потом, увидев, кто хозяйничает в его палатке, разве что не зашипел.

— Кто вы такая, и кто дал вам право... — в запале начал было он, но был перебит.

— Здесь вопросы задаю я, — и шлепнула пачкой писем о стол. — Дорогой Мериус, — панибратский, слегка снисходительный тон, чтобы сразу расставить все точки над «ё», — насколько я поняла, товариществом с Арием вы дорожите?

Мужчина медленно наливался белой яростью, но молчал.

— Поэтому, дабы сохранить настоящую мужскую дружбу, — процедила я, — предлагаю вам сделку.

— Говорите, — выплюнул Мериус.

— Мое молчание в обмен на ответ.

— И на какой же вопрос?

Атрих начал медленно пятиться, а я не успела озвучить и слова, как Фир с матерной интонацией заорал:

— Ложись!

Есть команды, которые выполняешь не задумываясь, инстинктивно. Наверное, реакция на них была заложена еще в генах наших предков. Те же, кто на них не реагировал, попросту выбывали из списка живых под натиском естественного отбора.

Я упала вперед прежде, чем поняла, что делаю. Над головой просвистел какой-то камешек, ну да разбираться было некогда. Быстро поднявшись, узрела надвигающегося на меня Мериуса. Мужчина решил, не иначе, самолично придушить наглую шантажистку.

Наплевав на приличия, я вспомнила о приеме, запрещенном даже в боях без правил, и, высоко подняв подол юбки, со всей силы пнула дракона в то место, которое мешает любому мужчине в бою.

Атрих, не ожидавший такого коварства и набравший приличную скорость, от души припечатался о мой башмак. Я, к слову, равновесия не удержала, и на половики мы повалились вместе, причем практически лицом к лицу.

В голове всплыла лекция по БЖД — вузовской сестрице школьного ОБЖ, — когда преподаватель нам рассказывал о нападении маньяка. Советы про: «расслабиться и получать удовольствие», «в сумочке каждой девушки, даже не живущей половой жизнью, должен быть презерватив, ибо вдруг сексуальный маньяк (ага, представила, как я предлагаю ему перед процессом изнасилования воспользоваться знаменитым резиновым изделием номер два)» и «обхватить злыдня писюкавого покрепче с криком: я вся твоя, женись на мне» — я отбросила. А вот «растопыренными пальцами ткнуть в глаза и рубануть ребром ладони по кадыку» — осуществила.

Что могу сказать: либо я была очень прилежной студенткой, либо кадык у моего противника оказался не тренированный на удары, но Мериус надсадно захрипел. Правда, долбанула я ему по шее с испуга и от души не ладонью, а локтем, но то же мелочи... Наверное.

Использовать прием «пятерня» не дал Фир, споро подскочивший к нам и державший в передних лапах маленький камешек.

— Зафиксируй его. Надо запихнуть это дракону в ухо, — пыхтя, пояснил таракашка, кивая на камушек.

Делать нечего. Я оседлала ошалевшего мужика сверху (в голове мелькнула идиотская мысль: «Только бы Арий не увидел», — поза была слишком уж однозначная) и схватила его за плечи. Буквально мгновение, и Атрих скинул меня, а потом заорал от боли и забился в конвульсиях.

— Это действие заклинания «Ласковые сети», — поучительным тоном начал Фир, умудряясь перекрикивать Мериуса, бывшего словно в эпилептическом припадке. — Рассчитано специально на демонов, но оказывает действие и на представителей других рас, хотя и менее эффективно. При попадании в человека вызывает мгновенный паралич, а если заряд был посильнее — то смерть. Ты, кстати, вполне могла и умереть, стукни амулет по лбу. Дракон же у нас мужчина сильный, его заклинание этого голыша только оглушит, да и то, если запихнуть амулет ему в рот, нос или ухо. При обычном контакте с кожей — ящера не проберет.

Мериус затих, словно оглушенный электрической дубинкой, а таракашка, пробежав по его лицу, деловито залез в ухо и убрал камешек.

— Ну, чего встала, вяжи, — как ни в чем не бывало произнес Фир, тыча в трофейного дракона лапой.

Прежде чем приступить к процессу связывания, все же решила уточнить у усатого напарника:

— А тебя этот амулет не стукнет?

— Неа, — самодовольно заявил членистоногий, — они только на теплокровных рассчитаны.

Я направилась к баулам. Пара льняных рубашек, разорванных на полосы, подошли для того, чтобы связать оглушённому руки и ноги. Наблюдая за мной, Фир выдал:

— А Эрин в чем-то все же прав: если до этого ты и не была, то скоро станешь профессиональной шпионкой. Во всяком случае, по способам оглушения мужчин у тебя твердая пятерка: ведро, подсвечник, теперь вот оказывается, что и руками-ногами ты махать умеешь.

— Жить захочешь, и стриптиз станцуешь, — откомментировала я этот сомнительный комплемент.

Тем временем наш болезный начал приходить в себя. Поцелкав пальцами рядом с правым ухом Мериуса, убедилась: он меня слышит. Пока обездвиживала дракона, заодно и разоружила его, и сейчас, вертя в руках кинжал, с интересом рассматривала связанного.

— Итак, мы остановились на том, что вам, дорогой мой друг, надобно ответить на пару вопросов. Однако ставка за правильный ответ возросла: теперь это не просто мое молчание, теперь на кону ваша жизнь.

Я старательно отыгрывала роль полоумной маньячки, даже острием кинжала по горлу провела так, что остался небольшой порез и в ранке выступила кровь. Дала Атриху почувствовать, как капли соскальзывают с кромки лезвия на кожу.

Мужик задержался, понимая, что придется отвечать.

— Итак, вопрос первый: куда вы направились из янтарной залы в день вашей свадьбы?

Судя по всему, дракон ожидал чего угодно, но не этого. Он удивленно посмотрел на меня, а потом прохрипел:

— С невестой, то есть уже женой, в большой зал для приемов.

— Нет, вы меня не поняли. Куда вы отлучались из янтарного зала во время банкета?

На лице Мериуса отразилась усиленная работа мысли, наконец, то ли память подкинула ему нужный момент, то ли пришло озарение, как лучше соврать.

— Я искал Ария. Он куда-то исчез. Хотел с ним объясниться.

— По поводу? — Это уже влез Фир, вызвав у нашего допрашиваемого приступ нервной икоты.

— Не отвлекаемся, — напомнила я и повторила вопрос членистоногого напарника: — Итак, по поводу чего объясниться?

— Раз уж мы... ик... после церемонии были оба женаты... ик... я хотел узнать у Ария... ик... о его планах в отношении Ликримии... ик.

Так, все понятно, Мериус решил, не стоит ли попытать счастье с возлюбленной еще раз, и разведывал почву. Дальнейшие слова связанного подняли его имидж (до этого обитавший в районе плитуса) в моих глазах:

— Я хотел... и к... рассказать Арию, что давно уже влюблен в Ликримию, про наши отношения... ик... объясниться с ним, и что раз уж он теперь женат... ик... то, может быть, позволит мне... ик...

— А то, что вы сами только что стали женаты, вас не смутило? — прорезалась-таки женская солидарность.

— Но я же был влюблен, а Арий... по нему было видно, что это просто очередной роман. Он даже не ухаживал за ней, как за будущей супругой!

При этих словах даже икота у Мериуса куда-то пропала, а я поразились силе мужской логики.

— Да, он дарил ей дорогие подарки, они появлялись вместе в свете, но он никогда даже в шутку не упоминал о том, что намерен жениться на Ликримии. Я же, до того, как угодить в этот проклятый список женихов, предлагал ей все: свой титул, состояние...

— Недолгую жизнь, — закончила я за него. На недоуменный взгляд дракона пришлось пояснить: — Вас не смутил тот факт, что первые два мужа вашей Лиловой Леди отправились к праотцам как-то подозрительно быстро.

Мериус замолчал: крыть было нечем. Да и с сумасшедшей, у которой в руках нож, и спорить как-то особого желания, полагаю, не возникало.

— Итак, вы утверждаете, что отправились искать Ария. И как, нашли?

— Нет, — буркнул дракон. — Побродил один по коридорам и комнатам и вернулся обратно в зал.

— И никого по дороге не встречали?

— Нет.

— Фир, есть способ как-то проверить правдивость его слов? — кивнула я таракашке. Напарник важно кивнул и вынес вердикт: — Пусть поклянется на крови, что ни словом, ни делом, ни бездействием не способствовал смерти архимага.

Мериус взбледнул, но стоически выдал:

— Не буду по всякой ерунде давать клятвы на крови.

— А жить хочешь? — в тон ему ответил Фир. — То-то же, давай, клянись, слушаю.

Атрих обреченно протянул слова клятвы, точно такой же, как и я тогда, на крыше. Капли упали на половик в абсолютной тишине. Минуту мы с таракашкой посидели, для контроля. Ничего, только сипящий связанный дракон и причудливая игра теней на стенах палатки.

— И зачем же вы тогда так сопротивлялись?

— Да кто же его знает, этого вашего покойника. Вдруг я на приеме на него нечаянно косо взглянул, а он пошел и повесился от этого на суку с горя. А я и не знавши, что виноват. Клятвы же на крови, они такие, двойственности и идиом не понимают. Быть испепеленным по сущей ерунде не хотелось, — протянул дракон, а потом задержался: — Развяжите, я же все вам сказал.

— Значит, не Мериус, — произнесла я вслух, мысленно вычеркивая его из списка подозреваемых, а уже потом, обращаясь к связанному, добавила: — Ваши письма, правда, не все, оставляю вам. Засим разрешите откланяться.

— А развязать?

— Ну, это уж вы как-нибудь, голубчик, сами. Из стольких брачных сетей выкрутились, из льняных пут уж и подавно. Вся ночь как-никак впереди...

— Ах ты..!

— Чем и горжусь, — лаконично ответила я, и, уже отдернув полог палатки, добавила: — Знаете, по поводу вашей жены: женщина в постели становится бревном, когда к ней начинает долбиться дятел.

Фир, сидевший на плече, не выдержал и заржал: уж больно недоуменное лицо было у нашего уже бывшего подозреваемого.

В палатку Ария я успела как раз за пару мгновений до того, как вернулся супруг. Притвориться спящей уже не успевала, поэтому просто повернулась к нему навстречу:

— Здравствуй, дорог... — Окончание фразы застряло комом в горле.

Правое плечо дракона было все в крови. Но даже не это было самым страшным. Лицо. Холод и отчаяние. Глаза, в которых застыла боль потери.

— Что случилось? — Я все же пересилила себя, заставила произнести самый банальный из всех вопросов, глядя мужу в глаза.

Арий ничего не отвечал, лишь смотрел на меня пристально, словно я — его последняя надежда, та сила, которая заставляет жить и выживать.

Медленно, шаг за шагом подходила к нему все ближе, как сапер к бомбе, готовой рвануть в любую минуту. Когда до дракона осталось совсем ничего, он просто сделал шаг навстречу и резко обнял, буквально схватил, зарывшись носом в мои волосы, и долго не отпускал. Сколько мы так

стояли? Я обняв его, а он — меня, — не знаю. Да это было и не важно. Каким-то шестым чувством понимала — так должно быть. Сейчас дракону нужно было именно почувствовать меня рядом.

Его голос, прозвучавший в тишине, заставил вздрогнуть. Надтреснутый, безжизненный:

— Знаешь, Кесси, что для меня тяжелее всего?

Я лишь помотала головой.

Арий, глядя в темноту, сам ответил на свой вопрос:

— Смотреть в глаза матери и говорить, что ее сын погиб. Погиб, а я был его командиром и не смог уберечь. Этот обычай у нас, драконов, существует испокон веков. И я должен буду стать черным вестником в одиннадцати домах. Одиннадцати! За один только вылет. Мрак и преисподняя! Я знаю, что это война, что смерть здесь идет об руку с победой, но думается, лучше бы я сам наступил на тот заряд...

— Не лучше! — Я резко перебила его. — Думаешь, я рада буду носить вдовый наряд? Думаешь, твоя мать долго проживет, услышав три самых страшных слова для женщины, подарившей жизнь: «Ваш сын погиб»? Не смей! Слышишь, не смей даже так думать!

Арий обнял меня еще крепче, хотя, казалось бы, куда еще.

— Спасибо.

Я вдыхала запах пота и крови, но было ощущение, что муж даже не замечал, что ранен.

— Тебя надо перевязать.

— Надо, — согласился он неохотно. — Я сейчас.

И, разомкнув объятия, направился в угол палатки.

Я осталась стоять в центре, недоумевая: сказал бы мне, что найти, а то с его-то рукой... Но мужчина, похоже, был иного мнения. А может, просто не привык к помощи и заботе, предпочитая справляться с бедами самостоятельно? Иначе как объяснить то, что сейчас он чуть ли не шипел от боли, перебирая вещи, но меня о помощи не просил.

Я без церемоний подошла к нему.

— Скажи, что ты ищешь, и я помогу.

— Котомку, в ней чистые бинты, иголка с шелковой нитью и эликсир для заживления ран.

— Как она выглядит? Я все найду и рану тебе тоже обработаю. Это не обсуждается! — категорично заявила я.

Арий выпрямился, внимательно посмотрел на меня, его взгляд оттаивал, вьюга и холод уступали место удивлению. Он провел пальцами по моей скуле, словно этот жест мог дать ответ на невысказанный вопрос.

— Ты удивительная, Кесси. Я считал, что человеческие девушки, барышни благородного происхождения, презирают вид крови, иные, по слухам, даже падают в обморок. А ты рвешься зашивать разорванную плоть...

— Ну, допустим, не рвусь, а просто здраво понимаю, что у меня двумя руками это получится лучше, чем у тебя одной.

— Мне не впервой, я бы справился...

— Женился — терпи. Такая уж у тебя теперь доля — иногда подчиняться супруге.

Арий невесело усмехнулся, а я отвела взгляд.

— Давай я все же найду эту котомку.

Поиски не заняли много времени. Единственное, что смутило, — это обеспокоенная возня Фира, пока я копошилась в вещах, и его едкие комментарии:

— И не могла промолчать про обработку раны? Кассандриола даже во время ежемесячных недомоганий каждый раз твердит, что ей дурно и невыносимо больно, а уж чтобы накладывать стежки не на канву, а на живого дракона... Она бы и помыслить такого не могла.

Ответить членистоногому, не вызывая подозрений Ария, я, увы, не имела возможности, чем таракашка и пользовался, распинаясь о том, что я опять прокололась. Наконец, он удосужился спросить:

— А ты хоть раз зашивала раны?

Я лишь помотала головой. Смысл последующего высказывания Фира остался для меня лингвистической тайной. Хотя примерный посыл я все же уловила.

Ответить этому шестилапому паразиту захотелось с матерком, в духе моей бабушки, которая прошла от Москвы до Рейхстага, и сдается, швы накладывала и узловые, и непрерывные, и кисетные, и обвивные, а узлов навязала нераспускающихся, морских, ассистируя полевым хирургам... Жаль, что науку старушки я не переняла. Лишь в детстве видела, как она ловко порою орудует иглой, штопая очередную прореху на продранных внучкой-непоседой штанах. Сейчас же мне предстояло сделать то же самое, но с плечом Ария.

Я развязала котомку, швейные принадлежности обнаружили в специальном маленьком футляре.

— Возьми склянку с темной жидкостью, чтобы обработать иголку и нитку, — пояснил Арий. Он сам уже сидел на тюфяке, внимательно следя за каждым моим движением.

Таракашка затаился в шевелюре, больше не смея даже шевелением

лапы отвлечь.

Я кивнула, принимая к сведению слова дракона, и, вдев нитку в иголку, опустила их в жидкость на несколько минут. Сама же подошла к Арию.

— Надо снять рубашку... — протянула задумчиво, прикидывая, как половчее это сделать.

Муж, ухватившись за рукав, просто дернул посильнее. Ткань треснула, оголив плечо.

Да уж. Рваная рана с неровными краями — это зрелище не для слабонервных. Плеснув на руки той же жидкостью, в которой были иголка с ниткой (судя по запаху — местный аналог спиртового раствора), аккуратно начала ее очищать чистой тканью, смоченной кипяченой водой. Закончив процедуру, приступила к самому страшному для себя: сведению краев и наложению шва.

В голове мелькнула мысль: «Хирург — профессия, требующая не только ответственности, но и бесстрашия. Каждый день с ножом на человека...» Арий внимательно следил за моими действиями. Я же, подрагивающими руками накладывая стежок за стежком, каждый раз думала о том, что дракону наверняка больно. Но он ни разу не дернулся. На середине я сдалась:

— Отвернись, пожалуйста.

Арий отвел взгляд, а потом, не иначе как для того, чтобы отвлечь меня, заговорил:

— Я всегда думал, что женщина и война — несовместимы. В принципе, и сейчас так считаю, но вот Ауд, чья супруга в лагере подле него... С недавних пор ловлю Эймвольта на том, что самый суровый из стражей облачных врат улыбается, когда думает, что его никто не видит.

— Есть такое выражение: «У войны не женское лицо», но многие войны возникали как раз из-за женщин... — я сказала, лишь бы поддержать разговор, не сильно задумываясь о смысле фразы.

— Да, но эта кампания не из-за женщины.

— А из-за чего?

— Из-за денег и непомерных амбиций трех правителей.

— Теперь я понимаю, как ты угодил в опалу...

— Я военный, а не дипломат, увы. И порою говорю то, что думаю.

— Не обижайся, но я считала и считаю, что самые великие победы в истории любой страны — это не военные, а дипломатические, ибо они ценны уже тем, что не льется рек крови...

— Если бы я мог предотвратить эту войну, то я бы сделал все, лишь бы ее не было...

— А если бы для этого пришлось убить человека? — Мой голос предательски сел, но Арий, этого, кажется, даже не заметил, твердо ответив:

— Убил бы. И пусть этот камень был бы на моей душе, но сотни тысяч жизней были бы спасены...

Я дернула чуть сильнее, заставив дракона зашипеть от боли.

— Извини...

Закончить фразу Арий не дал, поймал мою ладонь своей рукой и поднес к губам.

— Это ты извини меня. За все. Я только сейчас начинаю до конца понимать, какое счастье мне ниспослала судьба. И я не упущу его. Хочешь ты этого или нет, Кесси, но я буду за тебя бороться. Я мечтаю быть отцом твоих сыновей...

— Как сыновей? — перебила я Ария. — В день нашей свадьбы, помнится, когда мы беседовали у камина, речь шла об одной дочери.

— Знаешь, — дракон хитро усмехнулся, — если в паре нет любви, то родиться могут лишь девочки, да и то — редко. Если есть любовь, но нет благословения свыше: не встретил дракон свою истинную пару, нареченную небесами, но полюбил, — то в равной степени на свет могут появиться и мальчики, и девочки. А если ребенок зачат нареченными свыше — то только мальчики.

«И как это понимать?» — задала я сама себе риторический вопрос. Дракон же между делом откупорил какой-то пузырек с настолько вонючим зельем, что сероводород с аммиаком в сравнении с новым ароматом показались чуть ли не «Шанелью номер пять». Поморщившись, муж полил им на только что зашитую рану, а потом лихо выпил пару глотков прямо из горлышка.

— Пить это невозможно, но зато уже к утру рана почти заживет, — прокомментировал Арий, морщась, а потом пояснил свое предыдущее высказывание: — С того времени я кое-что узнал о нас с тобой.

«Влипла», — только и успело пронестись в моей голове, а муж уже стоял рядом.

— Про наш первый брачный вечер. У нас все началось неправильно, за что я и корю себя постоянно.

— Так, может, попробуем начать заново?

— А с чего?

Я понимала, что сейчас надо отвлечь Ария чем угодно, но отвлечь от мыслей о войне, о только что погибших. И этот разговор, плавно перетекший в иное русло, следовало поддержать, поэтому ответила в

шутливым тоне:

— Может, с романтики.

— Романтики? Букеты, признания и серенады под окном? — уточнил муж, изогнув бровь.

Вспомнился приказчик с рэпом под окнами Эрина, и я отчаянно замотала головой:

— Нет, только не серенады. Я этого не переживу.

— Сомневаешься в моих музыкальных данных?

— Нет, в своих слуховых. Как насчет просто прогулки под луной?

Арий вдруг отошел от меня, поклонился, хотя с оторванным рукавом и только что зашитой, еще не забинтованной, но уже покрывшейся коркой первичного тромба раной это выглядело весьма странно, и церемонно произнес:

— Прошу вашего позволения, госпожа Кассандриола, пригласить вас на вечерний променад.

Пришлось ответить в тон:

— С радостью, мессир, вот только думаю, что стоит сначала хотя бы переодеться.

— Всенепременно.

* * *

Когда мы вышли из палатки, на небе светила низкая, полная и манящая к себе, как золотая монета, луна. Ночь, по-летнему душная, с воздухом, раскаленным за день жарким солнцем и не успевшим еще остыть, радушно раскинула свои объятия.

— Куда мы идем?

— Ты же хотела романтики? Значит, будет для тебя сюрприз. Вот только до утра, пока рана не затянется как следует, я не могу обращаться, поэтому придется попросить Флейтвара об услуге.

Мы подошли к одной из палаток, и Арий извиняющимся тоном попросил подождать его снаружи. Буквально пару мгновений.

Как только он скрылся за пологом, о себе дал знать Фир:

— Я, конечно, тобой восхищен: не каждая найдет в себе мужество на фигурную штопку рваной раны. Но мой тебе совет: будь с этим драконом поосторожнее. Сдается мне, что сейчас, после прогулки, он, как и всякий законный муж, пойдет в атаку с намерением исполнить свой супружеский долг. К тому же самое лучшее средство для любого мужика, чтобы

отвлечься от тяжелых мыслей, — это хорошая ночка с девицей... Так что советую тебе пока подумать над стратегией поведения. — Фир, как всегда, был многословен.

— А ты что посоветуешь? — Меня интересовала практическая сторона вопроса, а не мотивы и разглагольствования о наиболее эффективных способах снятия мужского стресса.

— Не знаю, мне как-то еще не доводилось отбиваться от посягательств на мою честь, причем законных, — растерянно ответил усатый напарник.

В это мгновение полог откинулся и вышли Флейгвар и Арий.

— Нас милостиво согласились отвезти до Яльчика, — загадочно сообщил муженек. — Тебе стоит накинуть плащ, сейчас в небе уже прохладно.

Пока супруг возился с застежками моего одеяния, Флейтвар обернулся.

Дракон, не такой большой, как льдистый, с лобастой, умной мордой и шипастым хвостом, золотистого цвета, стоял перед нами, оттопырив крыло.

Муж, ни слова не говоря, подхватил меня на руки и взбежал по ости, как по сходне.

На мой невысказанный вопрос лишь ответил:

— Не беспокойся, шов уже не разойдется. Это превращаться мне нельзя, все остальное — вполне.

Полет оказался недолгим, да и смотреть, кроме как на луну и звезды, было особо не на что: ночь, как шалью, прикрыла все краски, оставив лишь силуэты.

Впереди показалась озерная гладь, а после к мерцающим водным бликам присоединился и шум водопада.

Дракон пошел на снижение, заложив крутой вираж и планируя по спирали вниз, и приземлился. После того, как мы с Арием спустились с Флейтвара, супруг хлопнул золотистого по крылу со словами:

— Спасибо, я твой должник. Прилетай, как только луна войдет в зенит.

Золотистый согласно кивнул, взмахнул крыльями, поднимая вихри опавшей хвои, и взлетел.

Мы с Арием остались одни. Берег озера, галька под ногами, в отдалении крупные валуны и хвойный лес за спиной. Небольшой ворчащий водопад, потоки которого бурунами расходились по озерной глади, и лунная дорожка. Похоже, муженек знал толк в романтических свиданиях.

Вот только его фраза: «Убил бы...» А что, если вправду он один из тех двоих? И как мне тогда ему мстить?

В альмавиве становилось жарко. Холодных потоков, как высоко в небе, здесь не было, но зато была духота летней ночи. Я расстегнула плащ, и он

упал к моим ногам, как поверженный защитник с крепостной стены. Потянулась, чтобы его поднять, но Арий опередил.

— Если жена захотела романтики, значит, стоит начать с легенд. — Мягкий баритон мужа успокаивал. — А самое главное сказание драконьего племени — о ней, — супруг кивком головы указал на полную, яркую царицу ночи.

— И о чем же оно?

— Обязательно узнаешь. Давай только сядем вон на тот валун.

Арий помог взобраться на булыгу и даже подстелил плащ, аргументировав тем, что эти камни очень коварны: пока светит солнце, сидеть на них хорошо, а ночью не замечаешь, как нагретый, казалось бы, валун начинает остывать и тянуть тепло уже из тебя.

Мы сели рядом, муж обнял меня и, задрав голову вверх, начал рассказ о луноликой красавице и её крылатом женихе Тойлере. О том, как юный дракон, едва только увидел лунную деву, что выезжает на своей колеснице на ночное небо, — сразу понял, что она его истинная нареченная, и влюбился. Но не одному ему по сердцу пришлась звездная царица. Керемет — проклятый бог — тоже положил глаз на красавицу, и один раз под утро взял да и украл ее с небосвода.

Я смотрела на решительный профиль Ария, на его светлые, отливающие серебром в лунном свете волосы, выбившиеся из короткой косы, на то, как во время рассказа улыбка нет-нет да и проскальзывала по его лицу, и на душе становилось грустно: это не мое место, я заняла его временно. И эта легенда, которую рассказывает дракон, тоже не для меня.

Пусть у драконов, в отличие от вечно сомневающихся людей, все просто: если это твоя истинная пара, то влюбляешься сразу, единожды и на всю жизнь. Только у нас с Арием — исключение. Даже догадываюсь, как господин Глиберус может совершить подмену так, чтобы дракон, если что и заметил бы, не придал этому значения.

Я слишком ушла в свои мысли, так что услышала лишь окончание легенды:

— Тойлер вызволил свою нареченную из темницы, но от долгого ожидания она почти истаяла. С тех пор Луна, хоть и вернулась на небо, каждый месяц убывает, вспоминая о днях в неволе, а потом снова наполняется счастьем от встречи с любимым. — Арий перевел дух, а потом повернулся ко мне так, что между нашими лицами не осталось и пяди. — Знаешь, я не хочу повторять ошибки Тойлера. Не хочу тебя терять. Что бы этот эльф тебе ни наговорил. Не отпущу. Потому что только с тобой я чувствую себя живым, счастливым, полным, а не половинчатым. Там, на

крыше, в наш первый поцелуй, я понял, почему мой отец, чтобы жениться на матери, в своё время отрекся от рода. Нареченное счастье выпадает очень редко.

С этими словами Арий поцеловал меня. Его губы, нежные, дарящие свежесть и жар одновременно, манили, и я поддалась, отвечая на этот призыв, древний, как сама жизнь. Легкое головокружение, его рука на моем затылке, объятья и одежда, которая стала вдруг лишней.

Почувствовала, как ладонь Ария соскользнула с моей шеи и переместилась чуть ниже, легко справляясь со шнуровкой платья. Я же инстинктивно прижималась к горячему мужскому телу все сильнее.

Он возобновил свою непредсказуемую ласку, сводя с ума одним только касанием губ. Его язык играл, дразнил, возбуждал.

На мгновение Арий откинулся, чтобы поцеловать уже мою шею, и издал какой-то утробный рык, но что самое поразительное: мне захотелось того же. Платье уже сдавало свои позиции, как некогда плащ, и тут оголенным плечом я почувствовала укол металла и холод камня. На долю секунды взгляд упал на кольцо супруга. То самое, которым он проверял подлинность моих слов.

В голове завертелся калейдоскоп фраз: «Ну же, будь хорошей девочкой, не упрямься. Я же знаю, ты специально для меня так оделась, и осталась наедине тоже специально», «Побывать моею дочерью всего-то...», «Девушкам надо быть осторожнее, принимая цветы от незнакомцев. Проклятия...», «Вы — шпионка», «Убил бы...». Разные люди, их говорившие, с разными интонациями. Я ухватила за мысль, хвостатой кометой промчавшуюся рядом. Кольцо.

— Кесси, что случилось? — Голос Ария, из которого исчезла страсть, но были забота и нежность.

— Извини, кажется, я еще не готова, — избитая фраза девушек двадцать первого века. Вот уж не думала, что и я когда-нибудь повторю её, да еще и в таких обстоятельствах. Сейчас мои мысли были совершенно о другом, но клише пришлось как нельзя кстати.

Арий, в отличие от моих современников, прореагировал не скрытым раздражением, запрятанным далеко внутри, а лишь печальным вздохом.

— Извини, это я виноват, слишком тороплю события.

Я грустно посмотрела на него, а руки непроизвольно обхватили оголенные плечи.

— Давай помогу со шнуровкой. Повернись спиной.

Дракон осторожно затягивал узелки в полном молчании, а потом все же не выдержал:

— Скажи мне имя этого подонка. Того, кто заставляет тебя так реагировать, вздрагивать даже...

Я обернулась к Арию, прижала свой палец к его губам, не дав договорить, и покачала головой.

— Просто дай мне время. Время, проведенное вместе, из него обязательно родится доверие.

— Хорошо. — Арий кивнул, а потом посмотрел на небо. До зенита время еще было. — Ты не против, если я сплываю? Очень жарко.

Я лишь кивнула. Мне сейчас хотелось побыть в одиночестве, подумать.

Муж быстро скинул одежду и решительно вошел в воду по пояс, а потом нырнул, скрывшись с головой. На поверхность он вынырнул в добрых пятнадцати метрах и уверенными гребками, без шума и плеска поплыл к центру озера. Я спустилась с валуна и подошла к воде.

— Наверное, Арию было очень жарко. Вода — ледяная, — произнесла я скорее для себя, трогая рукой озерную гладь, но отозвался Фир:

— Еще бы! Дракон был, так сказать, в полной боевой готовности, а ты... Вот сейчас и успокаивается мужик, как может.

— А ты где был? Что, остановить не мог? Порою слова сыплются из тебя водопадом, а тут — как воды в рот набрал.

— А зачем? — философски ответил Фир. — Вы люди взрослые, а мне опять же — интересное зрелище.

— Вуайерист членистоногий, — вынесла вердикт, но развить мысль мне не дал лунный блик, отразившийся в камне кольца. Арий снял не только одежду, но и свой амулет.

— Фир, кажется, я нашла ответ на многие наши вопросы.

— И какой же? — заинтересованно протянул таракашка.

— Детектор лжи. Или как ты назвал это колечко?

Усатый дузня, выбежавший на моё плечо, радостно потер лапами.

— Бери его, бери, пока дракон не видит.

— Он же сразу обнаружит пропажу?

— Ну, ты девочка находчивая, я в тебя верю, к тому же скоро прилетит наш транспортный дракон... Так что твоя задача — обеспечить дорогому супругу максимум впечатлений, чтобы он и думать забыл не только о кольце, но и о том, с которой стороны у портов завязка.

«Этому членистоногому хорошо: спрятался меж волос и в ус не дует», — мелькнула мысль, а руки уже ловко подхватили перстень и прятали его. Не в пресловутом корсаже (из которого все вываливается, стоит чуток попрыгать), а на пальце ноги, благо размерчик кольца подошел

(при моем тридцать шестом это оказалось не проблемой). Быстренько натянув чулок, а затем и башмак, я с невинным видом всмотрелась в озерную даль: дракон уплыл достаточно далеко.

— И эта девушка говорила о времени и доверии? — наигранно сокрушался Фир.

— Я надеюсь, что у настоящей Кассандриолы с Арием все будет именно так, — ответила я грустно.

На фоне луны показалась крылатая тень.

— О, а вот и Фирселий. Вовремя, — прокомментировал мой усатый напарник. — Ладно, я баиньки. Выкручивайся, — с этим напутствием таракан и закопошился, маскируясь в прическе.

— Ну, значит, и я тоже баиньки. — Моя реплика прозвучал в том же тоне, что и у таракашки.

Когда Арий вышел на берег, ему предстала идиллическая картина: золотистый дракон на лесной опушке, а рядом с ним на белом мхе, укрытая плащом, мирно спит девица.

Пришлось плотно смежить веки и выровнять дыхание, изображая глубокий сон, поэтому визуальная составляющая была для меня недоступна. О происходящем догадывалась лишь по звукам.

Копошение. Вздых Ария и слова: «Потерял, обидно, надо будет слетать сюда днем, наверняка закатилось между камней» — подействовали как лучшее снотворное, примилившее меня с вопящей совестью.

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

20.02.2016 по римскому календарю

23 травня 9785 года по веремскому летоисчислению

— Говори тише, разбудишь, — этот голос, пробравшийся в мой сон, был определённо знаком. Арий, не иначе.

Я почувствовала, как руки, доселе бережно державшие, аккуратно опускают меня на тюфяк.

— Давай выйдем, не стоит обсуждать Кесси при ней же, хоть и спящей, — так, а это уже Эрин.

Тихий хлопок полотнища ткани заставил меня, полусонную, насторожиться. Я нехотя разлепила веки и в полной темноте беззвучно (насколько на это способен человек спросонок) на карачках поползла к выходу.

Почему-то казалось важным узнать то, о чем будут говорить эти двое. Ткань палатки потакала этому моему желанию, с легкостью пропуская звуки и голоса извне.

— Арий, я тебя уважаю. Уважаю как друга, как бывшего сослуживца, но извини, заявляю свое право на Кассандриолу.

В ответ раздался характерный звук: плоть встретилась с плотью. Затем хрип и слова Эрина на выдохе, словно он боролся с болью:

— Знаю, заслужил. Ударь меня еще раз, если хочешь, но сам подумай, что ее с тобою ждет? Она совершенно другая, ей хочется жить и летать.

— Да, она не такая, как остальные, заметил. Или думаешь, я слепец, если молчу о ее оговорках, о ее поступках, что так нехарактерны для барышни из пансиона, о целом мешке тайн за ее плечами? Но она — моя жена, моя нареченная. И точка. Я от нее отступлюсь лишь в том случае, если Кесси сама мне об этом скажет, не иначе.

— Значит, она об этом скажет. Знаешь, хоть у драконов и есть понятие «нареченная», но у людей-то его нет. А я не привык отступать от своей цели.

— Держи. Это тебе. Расчет. Спасибо за услугу. — Голос Ария был выдержан в лучших традициях похоронного марша. Раздался звон металла. Не иначе на землю упал кошель с монетами.

— Я сейчас уйду. Мне нужно кое-что выяснить, и, увы, ответы на интересующие меня вопросы находятся за тысячу лин отсюда. А деньги, —

раздался повторный звон, похоже, эльф пнул пресловутый мешок, — оставь себе. Только учти, я не прощаюсь.

Окончания этого чисто мужского диалога дожидаться не стала, проделав на четвереньках задним ходом обратный путь до тюфяка. Единственное, что сделала почти на автомате, — сняла башмак, чулок и добытый перстень. Положила артефакт под тюфяк. Обувалась уже с закрытыми глазами, а потом провалилась в сон.

* * *

Утро началось с поцелуя. Нежного, невесомого, как перышко на воде. И шепота на ухо:

— Просыпайся, май тем юра тем.

— А что это обозначает? — Я высунула любопытный нос из-под одеяла.

— А это ты узнаешь, если согласишься позавтракать со мной.

— А аванс?

— Какой аванс? — недоуменно уточнил супруг.

— Ну хотя бы как переводится первое слово?

— С такой женой я точно не пропаду, — рассмеялся дракон. — Никто не говорил, что у тебя хватка, как у настоящего торговца?

— А кто-то мне говорил, что он ни в коем разе не дипломат, но сейчас виртуозно уходит от ответа...

— Хорошо, — сдался Арий. — «Май тем» — это «моя нареченная».

— А дальше?

— После завтрака. Сегодня утром я свободен, но, увы, скоро нужно будет идти в штаб, поэтому...

— Поняла, твоя соня уже встает. Отвернись!

На «твоя» улыбка расплзлась по лицу Ария, как масляная клякса на воде: ни с чем не перепутаешь и не скроешь.

— И пропустить самое интересное? Ни за что!

— Ах, так, ну держись, — почему-то захотелось подурачиться, запустить в наглеца подушкой.

И тут мысль словно наткнулась на стоп-кадр: «подушка — вечер — кольцо Ария». Потом я сообразила глянуть под одеяло: на мне не было ничего, кроме мужской рубашки.

— Кажется, кто-то все самое интересное уже рассмотрел... — протянула я.

— И поверь, остался весьма доволен!

А у меня в этот момент ладони вспотели, и вовсе не от стыда: вовремя я успела снять кольцо. Усилием воли совладала со своим лицом, оставив на нем уже маску беззаботности: дракон не должен ничего заподозрить. Игриво повела плечом, так что слишком широкий ворот рубахи съехал набок.

— И что же больше всего понравилось моему супругу? Это? Это? Может быть, это?

По мере перечисления взору Ария предстало плечо, голень и бедро, показавшиеся из-под края одеяла.

— Ты не поверишь, но все.

Супруг все же отвернулся, дав мне возможность переодеться. А я, натягивая платье и глядя на поднос с едой, заботливо принесенный мужем, подумала, что жизнь чем-то похожа на пресловутый шведский стол. Одни берут столько, сколько могут унести, другие — сколько позволяет наглость, а иные — совесть. Вот только, как много бы ты ни брал, но с собою ничего не вынесешь. Вот и мне, как бы ни хотелось, но унести из этого мира я не смогу ничего.

Палатка была залита солнечным светом, Арий беззаботно улыбался, и я решила для себя, что из этой реальности возьму хотя бы воспоминания. Вот эти. Поэтому стоит здесь и сейчас наслаждаться каждым коротким мигом счастья, не думая, что завтра будет лучше. Не будет. Потому как это самое пресловутое счастье — в каждой секунде, в каждом вздохе, в том, кто рядом. Во всех красках и полутонах чувств: любви, радости, боли, ненависти. А если жить лишь ожиданием, что вот-вот, еще чуть-чуть, и за горизонтом появится оно, дарёное фортуной, никогда не будешь счастлив. Никогда.

Так остро жить, как в эти мгновения, мне не хотелось никогда. Даже когда летела из чертова окна на февральский снег в канун Дня святого Валентина.

— Обещай, что этот день, это утро останется у тебя в памяти. — Я подошла к Арию со спины и обняла его.

— У нас еще впереди много...

— Просто обещай, и ничего больше.

— Обещаю.

Наш завтрак получился с настроением ранней осени, когда лучи солнца играют в золотистой листве, заставляя ее, еще не опавшую с деревьев, шуршать и перешептываться. Разговор о мелочах и шутки. Попытка Ария измазать мой нос джемом (блинчики, оказывается, могут

быть весьма коварны в ловких мужских руках) и мое неистребимое желание смеяться незнамо чему, видя на лице мужа ответную улыбку.

Но все, имеющее начало, имеет и конец. Супруг тяжело вздохнул и произнес нехотя:

— Извини, но мне пора.

— Я понимаю.

— Прошу, дождись меня. Зная неумный нрав моей любимой жены и то, что ограничивать ее бесполезно, я полагаюсь лишь на благоразумие оной, — полушутя-полусерьезно закончил он.

С этими словами муж целомудренно поцеловал меня в лоб, а потом, накинув китель, вышел.

— Эй, я понимаю, он-то влюбленный идиот, но тебя куда несет, напарница? — Голос таракашки был созвучен с мыслями, бродившими в моей голове.

— Знаешь, Фир, давай покончим с нашим расследованием как можно скорее, а то чем дольше я тут, тем тяжелее будет возвращение.

— Я только за. Тем более что, судя по последнему сообщению господина, которое я получил намеренно, как раз когда шнырял по тайникам Мериуса, Кассандриола уже почти поправилась...

Я решительно вздохнула и направилась к тюфяку. В топку романтику и чувства. На пятки наступает суровый реализм.

Под подушкой ждал артефакт.

— Давай так, — начала озвучивать свой план Фиру, — одеть кольцо на палец не могу, потому как не хочу, чтобы мои респонденты видели реакцию камня на их слова. Но знать, когда он засветится в ответ на ложь, должна. Так что придется тебе быть рядом с артефактом.

— Да нет ничего проще: кольцо на длинный шнурок, так, чтобы его не было видно в вырезе платья, а я уж, так и быть, поболтаюсь на нем, — выдал решение членистоногий напарник.

Ощущения от присутствия таракашки в районе груди были далекими от релакса, но пришлось потерпеть.

По обоюдному согласию с членистоногим Ватсоном начать решили с господина Зура. Предлогом же, избранным для сего randevu, явился разговор об особенностях воспитания Пайрем с пожеланиями семейного счастья, что было одобрено важным кивком Фира, когда я озвучила эту идею.

Искать нашего тайного любителя БДМС пришлось долго, прямо как профессионального резидента. Расспросила не меньше дюжины офицеров, невинно хлопая глазками и кося под альтернативно одаренную (почему-то

чем женщина глупее, тем мужчины охотнее с ней общаются), прежде чем удалось обнаружить Ронгвальда в оружейном павильоне.

Дракон увлеченно копался в каком-то странном механизме, напоминающем многоствольный мушкет, не иначе. Таких я в этом мире еще не видела.

— Простите, но вы — Ронгвальд Зур? — постаралась придать голосу как можно больше мягких нот.

— Да, чем могу быть полезен? — Мужчина выпрямился.

Высокий, с волосами, отливающими чернотой обсидиана, морщинами в уголках глаз и умным взглядом — действительно, он был та еще темная лошадка.

— Меня зовут Кассандриола Дирриеттинг, мы с вашей женой... — оборвала себя на полуслове, делая вид, что не знаю, как закончить фразу, и давая мужчине возможность почувствовать себя хозяином ситуации.

— Так это вас я должен благодарить за возвращение Пайрем?

— Скорее не меня, а ее благоразумие. Я лишь оказалась рядом.

— Полно, Пайрем мне все рассказала. И про монастырь, и про ваш разговор...

— О ней-то я как раз и хотела поговорить. — Я потупила взор, играя роль слегка смущенной барышни. — Видите ли, как я поняла, ваша супруга — девушка весьма строгого воспитания, в силу которого в вашей семье и произошло досадное недоразумение.

— И это недоразумение чуть было не стоило загубленной жизни одной юной девушки и полного разорения одного уже не столь юного джентльмена. — Зур неаристократично хмыкнул. — Я понял свою ошибку, и позвольте мне выразить вам отдельную благодарность за небольшой экскурс дня моей жены в особенности семейных отношений. Как я понял, приватного разговора с матушкой до свадьбы у моей супруги не было.

Лицо собеседника разгладилось, исчезли морщины, а взгляд потеплел: судя по всему, он в полной мере почувствовал себя спокойно. Значит, пора задать вопрос икс, которого он от меня не ожидает. Напряжение последних дней, желание покончить со всем этим пересилили осторожность.

— Скажите, Пайрем говорила, что её брак начался с вашего исчезновения из янтарной комнаты во время банкета. Куда вы уходили и что в это время делали?

Зур враз ошетинился, напомнив мне кобру, раздувшую капюшон:

— Вы забываетесь, сударыня. Это не ваше дело.

— Ответ. За оказанную услугу. Я вернула вам жену, рискуя собственной жизнью. — Маска милой, застенчивой девочки была

отброшена, в душе начала нарастать волна злобы, но не той бесконтрольной, что с Ликримией, не той, которую я едва удержала на опушке. В этот раз я прекрасно отдавала себе отчет.

Воздух между нами буквально искрил. От напряжения непроизвольно начали взрываться глиняные горшки, оставляя после себя масляные лужи с черепками. В вихревых потоках закружились мусор и щепа. Бочки с порохом, дробью и мешки с пыжами заходили ходуном.

«Я контролирую себя, я не вспыхну», — повторяла про себя.

Поединок взглядов, как два скрещенных клинка, и прозвучавшие слова Зура:

— Вижу, что вам каким-то немислимым образом удалось забрать у этого сучьего потроха то, что он когда-то отнял у меня. Свою силу, хоть и в руках другого, я всегда узнаю. Не могу сказать, что весьма рад этому, но вы и так получили награду...

— Так это вы убили архимага? — Вопрос, что называется, «в лоб». Затаила дыхание в преддверии ответа и реакции на него амулета.

— Нет, — выплюнул Зур, — хотя этот ублюдок в свое время отнял у меня все. Но кто-то успел прежде.

Мгновение ожидания, и Фир дал сигнал, что говоривший не солгал. Я выдохнула.

Сейчас, стоя друг напротив друга, оба обнажившие свою суть, мы были на равных, и каждый из нас это чувствовал. Напряжение постепенно спадало, оставляя после себя разруху и осколки, вкус пепла на губах.

— Я недооценил вас, хотя стоило повнимательнее отнестись к рассказу жены. Итак. Кто же передо мной сейчас? Такая же воровка силы, как и этот гаденыш? Если да — то тут уж, извините, поживиться у меня больше нечем. — Зур криво усмехнулся. — А может, агент тайной службы, расследующий убийство? В этом случае знайте — я соглашусь на любую ментальную проверку, но на эшафот вам привести меня не удастся. Или вы — бывшая ученица, решившая отомстить за смерть учителя? В этом случае, простите, но сразу предупрежу...

— Предупреждать не надо. Поскольку я не являюсь никем из перечисленных. Мне нужен был ответ, и я его получила.

Повернулась к Зуру спиной, внутренним чутьем зная: не ударит. Но дракон хлестнул, только словом:

— Теперь эта сила станет вашим проклятьем, а не сможете с ней совладать — она выльется из вас сама или кто-нибудь ее отнимет. И тогда вы станете такой же, как и я.

— Какой? — не удержалась от вопроса, обернувшись у самого выхода.

— Молящей о боли и злости, о самых низменных пороках в бесплотной надежде пробудить силу, которой у вас остались сущие крохи, и их не хватает даже на то, чтобы затеплить свечу.

— Если вы про свою тайную комнату, — бить ниже пояса было неэтично, но я должна была предупредить Зура о том, что наш разговор — приватный и о нем распространяться не стоит (а ничто не запечатывает уста лучше, чем осознание того, что противник информирован о тебе намного больше, чем тебе хотелось бы), — то не стоит нас равнять. Это — только ваш порок. И позвольте дать непрошенный совет: если хотите счастливой семейной жизни и сыновей, Пайрем никогда не должна догадаться о том, что ее супруг любит причинять и испытывать боль.

— Вы сказали, и я вас услышал. — Зур мне кивнул, а потом добавил: — Желаю вам найти того, кого ищете, потому что вы заслужили если не счастья, то хотя бы покоя.

Покинув палатку, я ощутила, что с этим драконом у нас гораздо больше общего, чем одна на двоих сила.

Шла, не разбирая дороги, пока не оказалась на краю лагеря. Разбуженная сила, не нашедшая выплеска, бурлила внутри, и мне нужно было успокоиться. Еще давило то обстоятельство, что в списке осталось всего четверо, и Арий среди них. Вдохнула и выдохнула несколько раз, заставляя сердце биться не так часто.

Осмотрелась. Место, где оказалась, можно было бы назвать околицей, будь я в деревне. Здесь находилось несколько выкопанных времянков, больше всего напоминавших дзоты. Из одной доносились весьма характерные звуки. Извечное женское любопытство — черта, погубившая не одну Еву, — заставило прислушаться.

— Ты мне скажешь, рогатый выродок, что за заклинание вы такое используете, что наши сотни и корпуса гибнут один за другим, подрываясь, и ни один амулет их не спасает.

Дальнейшие слова потонули в крике, а потом я почуяла тошнотворный запах. Так может пахнуть только обугленное мясо.

Костеря себя последними словами, направилась к времянке.

— Ты полная дура, что ли? — Фир была сама деликатность.

— Можешь считать, что так, — прошипела я в ответ, — но этого Дейрия я притащила сюда, и если его сейчас запытают до смерти... Извини, но мне еще знакомо понятие «совесть».

— А ты не слышала, что эту самую советь очень легко усыпить деньгами? — сыронизировал Фир.

— Знаю. И даже то, что купюры при этом хлороформом обрабатывать

не обязательно, — тоже. Но увы, это не мой случай.

— И связался я с честной, — протянул таракашка на манер ворчливой бабки, — вот с политиками и торгашами всегда просто: у них эта самая совесть никого никогда не грызет и на подвиги не зовет, а, придавленная толстым кошельком, лежит себе тихо и временами лишь поскуливает.

Под мерное ворчание членистоногого напарника я спустилась в землянку.

Картина, представшая перед моими глазами, заставила вздрогнуть. Да, я дитя двадцать первого века, видевшая на экране и кишки, и реки крови, но это все было далеко, по-киношному, не взаправду. А когда вот так, рядом, ты чувствуешь все запахи, кожей ощущаешь жар углей и видишь пятна запекшейся крови...

Дейрий сидел связанный на стуле, на его груди красовалось только что поставленное клеймо, а лицо и тело пестрело синяками и ранами.

— Приветствую прекрасную леди. Неужели столь очаровательное создание пришло проводить меня? — Вопрос демона, увидевшего меня первым, заставил его палача, стоявшего спиной, вздрогнуть и повернуться.

Мозги усиленно заработали, предлагая и тут же отбрасывая варианты стратегии и линии поведения: «глупышка, которая ошиблась дверью, — не подойдет: слишком нарочито; высокородная любительница садизма, решившая поразвлечься, — тут, боюсь, не вытяну роль; мелкая посыльная с поручением — возможно».

Поскольку у демона хватило ума не назвать мое имя, выбрала третий вариант и выплюнула реплику на опережение закономерного вопроса хозяина сей обители:

— Военный алхимик и помощница князя Зура, — представилась и выдохнула. — Князь послал меня к вам с поручением.

Пренебрежительный взгляд палача, будто бы говоривший: «Знавал я таких помощниц: лишь в горизонтальных опытах сии мамзели и хороши», — я проглотила. Плевать.

Сейчас мозг лихорадочно соображал в совершенно другом направлении. Первая фраза этой авантюрной партии была произнесена. Я прикрылась именем мужа Пайрем по двум причинам: он, как пусть и бывший, но все же маг, наверняка разбирался в боевых заклинаниях, к тому же место, где я его нашла, — оружейный павильон, в котором он возился с местной технической новинкой, — все это наводило на мысли определенного рода. Извилины усиленно заработали, анализируя только что услышанную фразу палача: «... что за заклинание вы такое используете, что ни один амулет не спасает...» и сопоставив ее с той

догадкой, которая у меня имелась относительно нового оружия демонов, я решила идти ва-банк:

— Ронгвальд разгадал секрет заклинания. Пытать заключенного уже не имеет смысла.

Удостоилась еще одного оценивающего взгляда дракона, уже более уважительного. Похоже, в его глазах я выросла с должности «секретутки» до «посыльной».

— Тогда, может быть, убить этого? — Палач — грузный мужчина, разменявший уже сотню зим, ткнул в сторону Дейрия клещами.

— Увы, — я, сцепив зубы, старалась придать тону как можно более безразличный оттенок, — пока велено оставить его живым и желательно целым.

Демон заинтересованно косил на меня незаплывшим глазом, не вмешиваясь в диалог. И на том спасибо.

— Жаль, — вздохнул палач.

— И мне жаль, — ответ прозвучал калькой.

— И что мне теперь князь прикажет делать?

— Вы свободны, а за заключенным должен явиться конвой. Демон, как оказалось, важная птичка, за которую правитель Чернолесья готов заплатить изрядный выкуп.

Дракон недовольно положил рабочий инструмент рядом с жаровней, и, снимая фартук (вот ведь хозяйственный, боялся замарать штаны чужой кровью), ворчливо пробурчал себе под нос:

— Эх, жаль, не я...

— Вы о чем? — решила вежливо и сочувственно уточнить.

— Да мне командир пообещал сто золотых, если выбью из этого субчика признание, что за оружие они используют и на какой магии оно основано, — пояснил заплечных дел мастер в сердцах.

В этот раз дракон удостоился моего внимательного взгляда: золотой перстень, явно маловатый, врезавшийся в кожу, наверняка чужой, украшал его средний палец, слегка наметившееся брюшко, цепкий, но не слишком умный взгляд. Похоже, что наш дорогой палач любит звонкую монету, а потому я решила сыграть в простушку, «по секрету» обмолвившуюся об открытии Зура.

— Вся соль в том, что это оружие основано только лишь на алхимии, магии в нем нет ни на медьку. Потому амулеты и бессильны. Демоны создали просто новую взрывчатку, гораздо сильнее дымного пороха, на основе древесных волокон, пропитанных селитрой...

Глаза дракона загорелись. Я буквально почувствовала, как он

соображает, и его следующий вопрос ждала с тщательно скрытым нетерпением:

— А князь доложил уже о своем открытии генералу армии, вы не знаете?

«Ого, уже на „вы“, эдак через час общения я и „почтенной госпожой“ стану», — подумалось некстати.

— Еще нет. Он послал меня в первую очередь к вам, чтобы не загубить «торговый материал», как господин Зур сам выразился.

По суетливо бегающему взгляду, по тому, как палач неосознанно тер большой палец о средний, как косил на выход, поняла: мужик ищет предлог, чтобы удалиться и поскорее доложить начальству, что он «сумел» выпытать тайну у заключенного. Авось и ему, под шумок, награда упадет, если поторопиться.

Не стала мешать дракону в этом стремлении души:

— Поручение князя я выполнила, разрешите удалиться. — С тем и вышла из временки.

Как только оказалась на улице, рванула за ближайшее мало-мальски пригодное укрытие, почетная роль которого выпала чахлому кусту акации. Притаилась.

Палача долго ждать не пришлось. Он вышел буквально следом за мной и припустил в сторону центра лагеря.

Я же ринулась обратно во временку.

— Ты что творишь? — Фир, вцепившийся в мои волосы, верещал на ультразвуке, когда я, недолго думая, подлетела ко входу.

— Спасаю этого козла рогатого, разве непонятно.

— Да тебя же за такое по режиму военного времени под трибунал и на ближайшем суку...

— Пусть сначала поймают. Жить и знать, что из-за тебя убили, — это все равно что изо дня в день слушать звук капающей воды, от которого не можешь избавиться. Только вместо жидкости будет совесть. Вроде бы перетерпеть какое-то время можешь, но когда этому нет конца, то постепенно обязательно сойдешь с ума.

Фир замолчал, переваривая услышанное.

Когда я вошла, первое высказывание, услышанное мною от Дейрия, было:

— Ведь не князек разгадал секрет нашего оружия, а ты. — Это был не вопрос, а утверждение.

— Ну я, и что дальше?

— Значит, все зря, — опустошенно выдохнул демон.

Меня в данную минуту, в отличие от связанного заключённого, интересовали вопросы более насущные и приземленные, нежели раскрытие великой оружейной тайны.

— Идти сможешь? А лучше — бежать.

Я плюнула на этикетное «выканье» — не до этого.

Рогатый поднял на меня недоуменный взгляд (правда, в одноглазом исполнении это выглядело слегка непривычно), а потом до него, как до приснопамятного эскимоса, оказавшегося в Африке, начало доходить: намечается побег.

Вот почему всем мужикам, вне зависимости от расы, надо все говорить прямым текстом: «Привет, это снова я. В этот раз я тебя спасаю, а не краду». Сразу попятить нельзя, что ли, раз пришла — значит, не просто так.

— Неужели, дорогая, ты решила меня спасти? — Судя по всему, рогатый тоже решил перейти на «ты» без брудершафта, в голосе демона появились мурлычащие нотки... — Я произвел на тебя такое неизгладимое впечатление?

— Если бы увидела тебя со вскрытой грудной клеткой, впечатление было бы еще сильнее.

Меж тем лихорадочно распутывала на совесть завязанные узлы.

— Не знал, что ты поклоняешься Вакху. Признаться, я не любитель, но вместе мы можем попробовать...

— Вот поражаюсь. Одной ногой в могиле, а мысли все о том же. Интересно, ты хоть одну юбку пропускаешь?

— Ты сейчас меня ругала или хвалила? — уточнил демон.

Ответить я не успела, потому как веревка наконец-то поддалась и Дейрий, обретший свободу, резко встал со стула, развернулся ко мне и поцеловал. Коротко, словно с жадностью припав к чаше с водой и так же резко оторвавшись. Я лишь успела почувствовать его наглый, напористый язык и властные губы, как все закончилось.

— Вот этого мне не хватало.

Оплеуха, которую я отвесила наглецу следом, получилась на диво звонкой.

Демон даже не скривился от боли, лишь широко улыбнулся.

— Прелесть, а ручка у тебя тяжелая. Но зато так бодрит... — весело протянул он.

И как прикажете мне реагировать на этого наглеца?

Рогатый меж тем, прихрамывая, направился к выходу и замер, не пройдя и пяти шагов.

Причина столь резкой остановки была весьма веская. Введенный арбалет. К оружию прилагался Флейтвар. На этот раз в лице парнишки не было ни юношеской простоты, ни растерянности. Его взгляд говорил красноречивее любых слов.

Черт, я недооценила мальчика, он, оказывается, противник посерьезнее Мериуса и Зура, вместе взятых.

— Жена генерала восточного фронта сбегает вместе с любовником? Да непростым, а врагом? Любопытно...

Взгляд Флейтвара был подобен дулу заряженного револьвера: во всяком случае, эмоций было столько же.

— Бастард, которому прочат трон, пришел в казематы, чтобы самолично убить заключенного? Любопытно... — протянула я в ответ.

Прицел тут же переместился с груди демона на меня. А все длинный язык. Прав был Фир, ой как прав: хорошая женщина — молчаливая женщина.

Я смотрела уже не на мальчишку, а на молодого, расчетливого и холодного мужчину, который без колебаний убьет и меня, и демона. Сейчас он держал арбалет одной рукой, в то время как вторая нащупала рукоять кинжала, висевшего на поясе.

Такой развязки, признаться, не ожидала, но, как говорят итальянцы: «*Finita la commedia*». Только почему тогда у этого «ля» такой матерный оттенок? И все же умирать, не выяснив до конца мучивший меня вопрос, не хотелось.

— Ну, теперь хотя бы знаю, кто повинен в смерти архимага, — сказала медленно, с расстановкой, глядя в глаза своему будущему убийце.

Как ни странно, рука Флейтвара дрогнула, всего лишь на мгновение, но этой доли секунды хватило для демона, который рывком бросился на противника.

Арбалетный болт, ушедший в сторону, вошел в стену по самое оперение, а на полу уже боролись двое. Дракон был молод и менее опытен, но Дейрий — измотан пытками.

Помочь я ничем не успела: короткий вскрик, и демон, скатывающийся с распростертого тела. В груди несостоявшегося правителя драконов торчал его же кинжал. По свистящим звукам, которые были слышны при судорожных, предсмертных вдохах, было понятно: пробиты легкие.

Я подскочила к парню, взяла в руки его лицо:

— Скажи, кто был там вместе с тобой? Кто? Имя?

— Этот... гад... лучил... зас... лугам, жаль... что... — Ручеек крови изо рта не дал дракону договорить. Его глаза быстро стекленели, взгляд

стал пустым.

Я истерически расхохоталась. Этот гаденыш провел меня дважды: в первый раз, когда я не смогла заподозрить в веселом, недотепистом пареньке одного из убийц, и второй — сейчас, когда его душа отправилась за грань, а Флейтвар унес тайну своего подельника в могилу.

Звонкая пощечина помогла прийти в себя.

— Извини, времени на успокоительные слова нет, а нюхательную соль, прости, взять запамятовал. — Дейрий был серьезен и сосредоточен.

Надо было бежать, и как можно быстрее, но почему-то ноги работать отказывались, в противовес голове.

Так и не поднявшись с пола, я задрала голову вверх и спросила:

— Зачем он хотел тебя убить?

— Полагаю, чтобы война точно не закончилась.

Судя по всему, в моем взгляде проскользнуло что-то, что заставило демона потратить драгоценные секунды на разъяснение:

— Как донесла разведка, драконы выкупили за немалые деньги двадцать шкатулок с «Грозовым шквалом» у Нериуса Победоносного. К слову, этого хватит, чтобы уничтожить все Чернолесье. Но и наши алхимики создали аналог сего грозного оружия, — тут демон почему-то улыбнулся, и его дальнейшие слова разъяснили столь странную реакцию: — рабочее название которого «Неваляшка». Сам не знаю, почему именно «Неваляшка», у наших ученых специфическое чувство юмора.

— И я так понимаю, силы противников стали равны?

Демон лишь кивнул. А до меня стало доходить: намечались переговоры, а лучше всего разбивает призрачную иллюзию перемирия именно личная месть. Умри Дейрий в плену, и правитель Чернолесья сейчас не сел бы за стол переговоров.

— А зачем ему нужна была война? — кивнула на труп.

— Так полагаю, чтобы занять престол батюшки, просто-напросто подстроив ему убийство. В условиях войны Флейтвар априори стал бы следующим наследником. Потому как бастард, пусть и молодой, но мужчина, успевший послужить на границе облачных врат, смыслит в военном деле больше, чем любая из трех девиц, проводших всю свою жизнь за пальцами и клавесином. К тому же, по слухам, Флейтвара воспитывали именно как правителя. Умного, хитрого, жестокого, умеющего лицемерить и лгать, — только такой сумеет удержать начавший расшатываться трон. Как ты убедилась сама, эту науку он усвоил отлично, для светского общества виртуозно играя роль недалекого паренька.

Я начала подниматься. Ноги не слушались, руки, измазанные в крови,

дрожали, в душе были пустота и раздрай.

— Думаю, стоит продолжить нашу милую беседу в другом месте. — Дейрий помог не упасть снова, когда меня зашатало.

Когда мы вышли наружу, показалось, что я попала в другой мир. Небо оттенка берлинской лазури, щебет птиц, легкое дуновение ветра в полуденный зной. Метелки ковыля и цветы пижмы. И крик Дейрия:

— На землю!

Демон резко развернулся ко мне и, накрывая мое тело своим, повалил навзничь. Спустя мгновение я почувствовала всю мощь ударной волны, напроць оглушившей. Было ощущение, что резко нырнула на запредельную глубину: легкие сжало в тиски, в ушах зашумело. А потом удар, словно на огромной скорости во что-то врезаешься.

Демон кричал, глядя мне в лицо, но я ничего не слышала, наконец, как сквозь вату, начали доходить обрывки слов:

— Нача... атаку... мне... срочно... отец... остановить...

Из всего этого я поняла лишь одно: бомбежка. Возможно, для этого мира — первая. Воронки от разорвавшихся еще вдалеке снарядов. Демоны все же решили продемонстрировать, на что способны их «Неваляшки». Если это не остановить, то весь лагерь за несколько минут превратится в одну братскую могилу... Но, похоже, Дейрий может прекратить все это...

Крылатая тень, спикировавшая сверху, была для меня полной неожиданностью. Приземлившийся в паре метров дракон, хромая, направился в нашу сторону, заставив рогатого изъясниться весьма витиевато и эмоционально.

Не слыша себя, я проорала:

— Это мой муж. Он не тронет тебя, беги в свой чертов дворец. Надо это остановить.

Дейрию два раза повторять не пришлось. Он рванул буквально из положения лежа. Краем глаза я увидела, как демон, сложив руки щепотью, словно кинул сгусток энергии в дверной проем одной из уцелевших времянок.

Белый шар, сорвавшийся с пальцев этого неунывающего бабника, плевком врезался в косяк и паутиной заполнил дверной проем, на доли мгновения превратившись в портал. Этому демону хватило, чтобы сигануть в телепорт, тут же схлопнувшийся за его спиной.

Как ни странно, комментарий Фира я услышала четко, без помех:

— Ничего себе, вот это профессионализм! С ходу создать матрицу для экстремального телепорта — впечатляет.

Меня же больше заботил дракон, смотрящий ненавидящим взглядом.

Его броня была пробита, из ран сочилась кровь. Я начала медленно подниматься, когда еще одна взрывная волна опрокинула меня навзничь. Арий покачнулся, накренившись, но устоял, а потом резко разбежался, расправляя крылья.

Я думала, что он просто улетит, но ящер в последний момент просто схватил меня лапами, как какого-то барана, отбившегося от стада. Арий быстро набрал высоту, и я смогла увидеть, как внизу тысячи сумевших уцелеть драконов встают на крыло. Правда, большинство сынов неба этого сделать так и не смогли: что мертвым до суетного мира.

Льдистый издал какой-то утробный, надсадный, отчаянный рык.

Горгулья, с зажатым в лапах бурдюком, визгливо огрызнулась рядом и сбросила ношу. Ее уродливое тело спружинило вверх, после чего она, усиленно работая крыльями, зашла на крутой вираж. Арий в два маха нагнал ее, просто перекусив одно из крыльев. Сломанное тело штопором полетело вниз. Я проследила за ней взглядом и ужаснулась тому, что творилось на земле: то, что недавно было лагерем, превратилось в месиво из воронок и обломков, где рваными полотнищами реяли остатки палаток и павильонов.

— Ааа! — крик Фира, не удержавшегося в растрепавшейся шевелюре.

Таракашка полетел вниз, туда, где смерть собирала самую богатую жатву.

На Ария налетело сразу с десяток горгулий, мстя за товарку. Они, как стая стервятников, начали загонять крупную, но раненую дичь. Муж уворачивался от них, отлетая все дальше от основного места сражения.

Меня мотало из стороны в сторону, все смешалось, превратившись в вязкую, кишащую кожистыми черными крыльями темноту.

«Он не умрет, он никогда не умирает. Эта членистоногая зараза обязательно спасется. Это же Фир», — была моя последняя мысль перед тем, как я почувствовала, что Арий падает. Дракон пытался выровняться, но его сил не хватило.

Горгульи от него отстали, видимо, посчитав, что ящер и так уже смертник.

Нас встречала каменная твердь. В паре десятков метров от земли Арий попытался замедлить падение, остервенело хлопая крыльями. Это отчасти помогло, но отняло последние силы.

Дракон начал стремительно менять обличье в воздухе: исчезли крылья, броня и хвост, но лапы, а вернее, уже руки, он не разжал. Мы так и полетели в обнимку, в гостеприимно распахнутые, как объятия тещи, встречающей на пороге загулявшего зятя, сосновые ветви.

Хвойные красавицы, низкорослые, вгрызшиеся корнями в каменистую почву, были невысоки, но разлаписты.

Я ударилась спиной об одну из ветвей, скатилась со второй, а за третью зацепился подол моей юбки. Неизвестной ткачихе, некогда корпевшей над станком и создавшей на диво прочное творенье, следовало поставить памятник. Именно ее работа в конечном итоге и спасла нам жизни, не дав сломать шеи. Арий держал меня уже на одном извечном мужском упрямстве, а я висела вниз головой в полутора метрах над камнями.

Сердце отбивало ритм похлеще любой чечетки, в ушах стучало, а воздуха не хватало.

Я перевела дух. Живы. Несмотря ни на что. Живы!

— Арий, мы не разбились!

Эйфория волной захлестнула меня, а вот для муженька, похоже, эта фраза стала финальной, как для бегуна, одолевшего марафон и первым разорвавшего финишную ленту. Он разомкнул объятия и кулем повалился на землю.

Я болталась на манер откормленной летучей мыши, неведь что забывшей в полдень на сосновом суку. Правда, не долго. Ткань, решившая, что миссия по спасению ненормальной девицы выполнена, с чувством выполненного долга затрещала, и я упала на Ария.

Дракон даже не застонал, что меня насторожило. Приложила указательный палец к его шее. Пульс слабый, но прощупывался. Дыхания же почти не было слышно. Зато раны обильно сочились кровью.

— Черт, что же делать?

Нагой супруг ответил мне молчанием. Отчаяние, услужливо стоявшее за плечами, давило, но я гнала мысли о смерти Ария прочь. Почему, чтобы понять, насколько мне дорог этот несносный, порою до жути прямолинейный, иногда властный дракон, надо было его потерять? Сейчас сама себе могла признаться: я влюбилась. Влюбилась, хотя делала все, чтобы этого не произошло, потому как понимала: я заняла чужое место. И рано или поздно мне придется его освободить. А если не захочу сама, мне в этом помогут. Как говорится, читайте справочник: «Всемирная история отравлений», том второй, параграф седьмой. Почему-то в способе моего устранения господином Глиберусом не сомневалась. Алхимику, да еще придворному, как-никак надо оправдывать почетное звание. Поэтому-то и запрещала себе думать об Арии до последнего. Но сейчас...

Подняла лицо к небу, в бессильной попытке высказать творцу все, что о нем думаю, и увидела кружащих горгулий. Мы им были пока не видны,

но сомневаться в намерениях этих тварей не приходилось.

Я лихорадочно осматривалась. Вход в пещеру, прикрытый кустарником, был в пол человеческого роста, но я все же каким-то чудом его углядела.

Взвалила на закорки руку Ария, еще раз взглянула на путь длиною всего в двадцать шагов — моя личная зеленая миля — и пошла вперед.

Смутно помню, как затащила мужа под сводчатый каменный потолок, как, сняв остатки платья и разодрав подъюбник, пыталась перевязать ему раны, как была готова продать душу за пузырек того вонючего зелья, что мгновенно заживляет раны.

Ночь наступила вдруг. Темная, звездная и пронзительно тихая. Даже цикады не выводили своих серенад.

Дракон открыл глаза и мутным взором нашел меня.

— Я скоро уйду, поцелуй меня, — прошептал он растрескавшимися, запекшейся кровью губами.

Наклонилась над ним и осторожно коснулась его щеки, шеи, лба, губ. И почувствовала, как в Арии начинает пробуждаться жизнь.

Супруг нашел в себе силы улыбнуться:

— А я не верил легендам. — Он тяжело выдохнул. Слова давались ему с трудом. — Говорят, что магия любящего непорочного сердца единожды способна залечить любые раны у дракона. Именно поэтому мои далекие предки грешили тем, что похищали невинных дев...

А мне вспомнился сон, тот самый. И я потянулась к супругу, зная, что может его спасти.

Уже уверенно поцеловала Ария, без тени смущения. Просто почувствовала: так надо. Так правильно и именно так и должно быть.

Батистовая рубашка — то единственное, что еще оставалось на мне, — полетела в сторону.

Жар двух обнаженных тел, скрытых тайной ночи.

— Это самый дивный бред, что может привидеться умирающему, — прошептал дракон с закрытыми глазами.

— Пусть бред, главное, чтобы он помог тебе выжить, — ответила я скорее для себя, нежели для супруга.

Я осторожно, опираясь на локти, нависла над ним и почувствовала, как рука мужа легла мне на спину и его ладонь начала медленно ее поглаживать. Это движение породило волну мурашек и предвкушение большего. Зов, древний, как само мирозданье, заставил теснее прижаться к груди Ария. Я почувствовала, как сильно забилось его сердце: так же, как и моё.

— Любимая, — стон, сорвавшийся с губ дракона.

Я вдыхала запах его кожи, чувствовала жар горячего сильного тела, видела в сумраке ниточки белесых шрамов на плечах — это было единственно важным. Нас двое, и эта ночь — наша и только. Пусть завтра будь что будет, но сейчас я сделаю все, чтобы он был жив.

Дракон хрипло рыкнул и, перекатившись, подмял под себя. Я чувствовала, как с каждым вздохом, с каждым прикосновением к нему возвращаются силы, жизнь.

Приятная тяжесть, предвкушение и отголоски страха, которые тут же смолкли, едва губы супруга властно впились в мои.

В этот раз Арий не отдавал себе отчета, что эта ночь — наша первая, что надо быть нежным и осторожным. Он брал свое по праву, не открывая глаз.

Его ладони, скользящие по моему телу, колено, решительно раздвинувшее мои. Но я этого ждала, я этого хотела.

Он обнял меня, прижимая еще ближе, а потом на мгновение замер и приподнялся на локтях. Я чувствовала, как подрагивает его тело, не сомневаясь, что и сама, если бы не лежала спиной на камнях, дрожала бы точно так же.

— Я — твоя, а ты — мой, — выдохнула и сама потянулась, чтобы поцеловать дракона.

Но он успел первым, на этот раз не жадно, а словно заново пробуя вкус моих губ. Из его груди донесся полустон-полурык, заставивший меня окончательно потерять голову. Я впилась ногтями в его спину в попытке быть ближе, а Арий, принимая игру, прикусил мою губу.

Он разорвал поцелуй всего лишь на мгновение и припал к ложбинке ключиц, а потом начал спускаться все ниже, меж затвердевших полушарий, по животу, туда, где зарождается человеческая жизнь.

Его последний поцелуй заставил вздрогнуть всем телом, выгнуться в немой мольбе о продолжении. Арий, словно почувствовал мое почти болезненное страдание, неозвученный стон, приблизился, и я почувствовала твердость мужского тела, напряженного, решительного.

Мои ярость, надежда, радость с отголосками стыда. Его сила, нежность, уверенность. Наше участвовавшее дыхание — одно на двоих.

Я лежала, закинув руки за голову, и он навис надо мной, как грозовой шквал, как буря, готовая обрушиться в любую секунду. И в этот единственный миг ощутила себя полностью побежденной. Вся кожа была как один сплошной ожог, и я не могла даже пошевелиться.

Немой стон вырывался из груди, когда Арий, ворча и напрягаясь,

боролся с пламенем, что разгорался внутри него все сильнее. Дракон вдыхал так, словно каждый глоток воздуха — последний, пытаясь балансировать на той грани, что отделяет ожидание от действия.

Но в этот раз торопила я. Мне было мало нашего неполного единения, мне хотелось большего: радости, которую обретают мужчина и женщина, ощущение целостности, одной на двоих, сводящее с ума. Удары сердца, которые не удастся сдержать, и его проникновение.

— Арий! — Имя, слетевшее с губ непроизвольно, заставило дракона сорваться в бездну.

Я чувствовала себя грешницей, задыхающейся от счастья. Боль — плата за женскую суть, растекшаяся внизу живота, — уходила, оставляя после себя ощущение полноты и удовлетворения.

«Все правильно. Кровь в обмен на кровь», — откуда родилась эта мысль — и сама не знала. Только понимала: она верна.

Ощущая на себе тяжесть тела мужа, уже не знала: кричу я или молчу, сжимаюсь или расслабляюсь, а лишь чувствовала то, что внутри меня осталась часть его. Та часть, от которой расходились волны тепла.

Арий, тяжело дыша, приподнялся, а потом вновь обрушился на меня, начиная двигаться в ритме, породившем когда-то и нас: то тесно соприкасаясь телами, то отдаляясь на невыносимо долгие мгновения. Движения дракона становились все быстрее.

Его рот накрыл мой. Язык, напористый и нахальный, начал вытворять все то же, что и Арий: то проникая глубже, то чуть касаясь моих губ.

Я почувствовала, что еще немного — и сорвусь вслед за супругом, что еще одно мгновение, и эйфория накроет, как волна, с головой. Не стала сопротивляться бушевавшему шторму.

Вспышка молнии, тайфун, шквал. Когда ты ничего не видишь с широко открытыми глазами. Наши стоны в унисон.

Я чувствовала, как внутри меня кипит его суть. Мои ноги, обхватившие его; руки, которыми я обвила его шею. Каждый толчок словно рвал изнутри, обжигал. Это был танец. Танец двух тел, покрытых потом, замешанным на крови, в безумном, головокружительном ритме.

Финальные аккорды первобытной мелодии любви и мой вскрик, когда он прижался к моей шее губами. Вершина остроты и блаженства. Я почти физически ощутила, как напряжение Ария, рожденное внутри него, собравшись воедино, изливается в семени, наполняящем меня.

Мы оба вздрогнули, и муж, уставший, опустился на меня.

Импровизированная повязка сползла с его груди. На месте еще недавней раны был лишь шрам. Я провела по нему рукой, улыбаясь.

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

21.02.2016 по римскому календарю

24 травня 9785 года по веремскому летоисчислению

Я улыбалась ему, вновь пришедшему дню, покрывалу тумана, что скрыло нас и все утро, оставив лишь призрачные силуэты. Лучи солнца едва пробивались через белесую эфемерную преграду, боязливо топтались на входе в пещеру, застенчиво, сантиметр за сантиметром приближаясь к батистовой рубашке, что вчера была так небрежно сброшена мною.

— Скажи, почему для того, чтобы ты забыла свой страх, нам сначала надо было чуть не разбиться, а мне еще и получить ранения? — Сонный голос Ария был такой же, как это утро: с поволокой неги.

— Может, для того, чтобы у меня появился еще больший страх: потерять тебя? Перед ним-то и померк прежний.

Дракон отчего-то заулыбался: широко, искренне, от души.

— Я могу это расценивать как признание в любви?

Ответное фырканье отразилось от сводов пещеры. Арий обнял меня.

— Мы двое глупцов. Счастливых глупцов.

Я лишь согласно кивнула. Отчего-то в душе было хорошо, спокойно и уютно среди этих серых камней, в холодной пещере утром на изломе лета.

— Знаешь, когда мы состаримся, для наших детей и внуков надо будет придумать красивую легенду о том, как коварный дедушка-дракон Арий похитил невинную прекрасную деву, гулявшую на поляне...

От его слов мне стало грустно. «Увы, дети будет твои и Кесси, а вернее, дочка, и то, если повезет. Конечно, при условии, что драконы гендерные линии зависят от любви, а не от чего-то другого». Чтобы не дать зародившимся внутри слезам воли, я отвела взгляд и начала подниматься.

Сразу нахлынуло и ощущение холода, и одиночества, что скорее типично для приезжего в шумном мегаполисе, и близости конца. Я зябко повела плечами и подошла к рубашке. Встряхнула ее и побыстрее натянула на голое тело.

Арий, почувствовавший перемену, тоже поднялся, подошел сзади, обнял.

— Что случилось?

Простой вопрос, ответ на который мне и самой хотелось бы знать.

— Ничего. Ничего, что было бы фатальным. — Повернувшись, я

подняла на него взгляд. — Просто знай. Как ты там говорил: «май тем юра тем». Так вот, ты для меня тоже и «май», и «тем», и «юра», и «тем».

А потом все же нашла в себе мужество произнести фразу, озвучивать которую мне жутко не хотелось:

— Нам надо выбираться отсюда.

Супруг, поджав губы, принял мои слова.

— Кристаллов экстренного телепорта у меня, увы, уже нет, поэтому придется по старинке.

— Это как?

Для меня дремучей древностью были три способа передвижения: на четырех, на трех и на двух. Причем ни на четвереньках, ни с посохом, ни пешим шагом протопать пол драконьей империи я особо не рвалась.

Все оказалось прозаичнее: для драконов «по старинке» означало махать усиленно крыльями на манер упитанной утки, которую хозяин откормил для праздничного стола, а она возьми в последний момент и улети почти из-под топора. Правда, в отличие от пернатой, Арий покрывал расстояния значительно быстрее. Прискальные леса сменились равнинами с излучинами рек, а затем и полями. На одном из них и был разбит точно такой же драконий лагерь. Целый.

Это, конечно, был еще не глубокий тыл, но все же.

Арий приземлился и после того, как я благополучно спустилась с его шеи, перевоплотился, не испытывая и тени смущения за свою наготу. Драконы удивления при виде обнаженного соплеменника тоже, впрочем, не выказали. Судя по всему, самой стеснительной в собравшемся обществе была я.

Мужчины поздоровались так, как это умеют только они: без слов, лишь пожимая друг другу руки.

Мне на плечи кто-то накинул свой китель, а Арий без придворных расшаркиваний начал диалог, в ходе которого выяснилось: атака на то, что некогда было нашим лагерем, закончилась так же внезапно, как и началась. Тех, кому удалось выжить, отправили в столичные лазареты, а сегодня с утра прилетел вестник с приказом: прекратить любые военные действия.

— Не иначе, будут переговоры. Вот только кому с кого контрибуцию требовать? Не пойму. Вроде как мы проиграли, но опять же, на территории Чернолесья. Да и это заклинание, которое самое мощное, людскими магами созданное, опять же у нас, — подвел итог беседы дородный офицер.

Говоривший был полон угрюмой решимости бороться с демонами-супостатами, не хуже, чем фермер, чей урожай на корню сожрал колорадский интервент. Данная невольная ассоциация была вызвана

наметившимся пивным брюшком, лихо загнутыми усами и съехавшей на бок фуражкой. Именно таков в моем сознании был образ типичного садиста-огородника.

— Вы сможете помочь мне с женой добраться до столицы? — Вопрос Ария заставил офицера присвистнуть.

— Сейчас, почитай, все телепорты перегружены под завязку.

— Знаю, но мой лагерь был разбит. И я за это в ответе. Если не явлюсь с отчетом, это означает...

— Что вы либо умерли, либо дезертир, — закончил за мужа офицер. А потом добавил: — А если явитесь — трибунал. Как командир, потерявший корпус в бою.

Сказал и замолчал, вперив в Ария взгляд, словно пробовал на прочность, на излом.

— Есть такие понятия, как честь и долг. И я в ответе за тех, кто не вернулся из этого сражения. Если суд посчитает, что моя жизнь искупит отчасти вину, — значит, так тому и быть.

У меня при этих его словах подкосились ноги, а офицер лишь коротко кивнул:

— Уважаю. И помогу.

Поношенная солдатская одежда для меня и Ария, несколько переходов через телепорты, рамки и пространство которых были отчего-то ядовито-красного цвета, и, наконец, та самая комната, в которой я очутилась в первый раз. Тот же стол, гнутые спинки стульев и портрет Ликримии в рамке. Впрочем, последний был тут же выкинут Арием в мусорное ведро, едва только муж заметил, куда я смотрю.

— Её больше нет и никогда не будет. Обещаю. Только ты и я.

— Чтобы были ты и я, нужно еще кое-что.

— Что? — Дракон насторожился.

— Чтобы мы оба были живы. И если в моем случае все вроде бы ясно, то...

Арий стал предельно серьезен.

— Знаешь, случиться может все что угодно, но до эшафота навряд ли дойдет. Скорее всего... — И вдруг оборвал сам себя на полуслове, а потом, вздохнув, продолжил: — А ты готова жить со мною в ссылке?

— Главное, чтобы жить, а не помнить.

Он крепко обнял меня, а потом, подхватив на руки, произнес:

— Распоряжусь, чтобы Нария о тебе позаботилась.

Когда мои камеристка увидела нас, грязных, со следами крови, в одежде с чужого плеча, она лишь всплеснула руками, но причитаний так и

не последовало, лишь ее короткое:

— Слава небесному престолу, хозяин!

Дракон вздохнул, а потом начал отдавать распоряжения, так и не спуская меня с рук, словно чувствовал, что может потерять.

— Я отнесу тебя в нашу спальню. Пожалуйста, дождись меня.

— Обещаю.

Знала бы я, что не смогу его сдержать...

После того, как Арий ушел, я встала с постели и подошла к зеркалу. Рассеченная скула, колтун на голове, круги под глазами.

— Шикарно выглядишь, — сказала я своему отражению.

— Глядя на тебя, понимаешь всю глубину выражения: ранняя побудка может превратить спящую красавицу в невыспавшегося монстра!

Выдержка мне изменила, и фраза, сказанная менторским тоном, заставила заорать и отскочить от зеркала.

— А раньше ты бы просто кинула первую попавшуюся вазу на звук, а потом уже разбиралась, кого чуть не угробила. — Фир, развалившийся на подушках и скрестивший нижние пары лап, в верхних держал мундштук. Виртуозно выпуская колечки дыма, он олицетворял собой самую безмятежность.

— Ты меня напугал!

— Я старался, — самодовольно произнес он, а я облегченно выдохнула.

— Как тебе удалось?

— Спасти? Просто: активировал амулет экстренного перемещения. Личная разработка господина Глиберуса, кстати. Правда, у него один минус: с помощью него можно перемещать тела весом не больше походной чернильницы, ну да я же гораздо легче. Вот только, скажу тебе по секрету, активировать его в полете, когда не знаешь, где небо, а где земля... Ладно, приземлился на загрибок какой-то горгулье. С него и прыгнул уже сюда. Правда, при перемещении в облако амулета попала и часть той самой горгульи. Хочешь, покажу? — оптимистично завершил таракашка.

Я не сомневалась, что сей трофей станет одним из любимейших в коллекции моего членистоногого дуэньи, но видеть ошметок головы этой летающей твари мне не хотелось.

— Нет, спасибо, давай в другой раз.

— Жаль.

— Не то слово, но лучше в другой.

Фир укоризненно посмотрел на меня, а потом движением фокусника таки выудил из пространственного кармана, но не горгулий скаल्प, а всего-

то-навсего газету.

— Вот, пока тебя не было, я решил насладиться чтением.

— К чему ты клонишь?

— К тому, что здесь уже опубликованы списки погибших и раненых под Кичиером. И в них значатся аж два имени. Среди погибших — Кеттиль Полин, а раненым — Ауд Эймвольт.

В голове мелькнула крамольная мысль: «Может, участь вдовы для Айвики — лучшая из зол?»

— И? — Я напоминала альтернативно одаренную студентку, которой для получения «удов.» требовалось вспомнить хотя бы название сдаваемого предмета. Экзаменатор, в роли которого нынче был Фир, перебрал уже все наводящие вопросы и подсказки, а я никак не могла догадаться.

— Молись, чтобы убийцей оказался Ауд.

— Почему?

— Все приходится разжевывать: одному ты косвенно, но отомстила. Не отвлеки своей репликой Флейтвара, кинжал торчал бы не в его груди, а в твоей. А вот к смерти Йолина ты, увы, не имеешь никакого отношения, следовательно, и к мести тоже, а архимаг перед смертью сказал именно что «отомсти». Арию же, как я полагаю, тебе мстить будет гораздо сложнее.

И тут мои мысли заматались, как костяшки на счетах в руках умелой торговли. Вопрос, который я задала, был совершенно не по теме:

— Фир, скажи, какие указания относительно меня тебе дал твой господин?

— Умна, когда не надо, ты очень сообразительна и умна. — Таракан отбросил мундштук и сцепил лапы. — Вообще-то он приказал мне тебя убить. Сделать так, чтобы ты исчезла из этого мира, но перед этим оставила склянку со своей кровью и волосы — то, что необходимо для ритуала, призванного перенести твою татуировку на руку Кесси.

— И почему же ты не выполнил его поручение?

— Знаешь, у меня, как ни странно, тоже есть совесть. И я буду чувствовать себя последним подонком, если дам тебе бокал с ядом. Как-никак, мы столько пережили вместе. Признаться, с Кассандриолой я чувствовал себя всегда именно что слугой, а с тобой — почти другом. Так что извини, но убить тебя у меня лапа не поднимается.

— Значит, все же яд, — невпопад констатировала я. — Твой господин предсказуем.

Фир недовольно помотал головой.

— Поэтому я и хочу, чтобы ты избавилась от «подарочка» архимага как можно быстрее и я отправил бы тебя обратно в твой мир. В этом, увы,

вам с настоящей Кассандриолой будет тесно, да и зов у твоего дракона может пробудиться, почувствовать подмену, если ты будешь где-то здесь. Он же вроде как вынюхал в тебе свою нареченную небесами, чтоб его!

— Хорошо, что ты предлагаешь?

— Наведаться к этому Эймвольту в госпиталь. Узнаем, что он делал в тот вечер. Кольцо Ария все еще при мне.

— Лучше бы при тебе была удача, — незлобиво парировала я, а руки уже открывали дверцы шкафа.

«Только бы это был Ауд...» — как мантру твердила я про себя. Хотя, если верить словам Земиры, он собирал цветочки в то время, когда архимаг отправился в мир иной.

Платье цвета бурбона. Самое простое, со шнуровкой спереди. Я подозревала, что и сегодня мне придется сбегать из дома: Нария навряд ли отпустит добровольно, а посему пусть она остается в неведении, что я уже переоделась, умылась, привела себя в порядок и была готова к вылазке.

— Как мы выберемся? Есть идеи?

— А ты сможешь управлять своей силой? Так же, как при разговоре с Зуром? Чтобы не терять контроля? — вопросом на вопрос ответил Фир.

— Постараюсь. Но зачем?

— Для активации телепорта нужна энергия, если ты сможешь мне ее дать и гарантируешь, что не угробишься при этом сама и не спалишь всех вокруг, то я мог бы ее вычленить и перенаправить в рамку портала. Навести конечную точку выхода на ближайший общественный телепорт в Актыре проблем не составит.

На том и порешили. Вот только когда мы, как тати, прокрались к рамке портала, предчувствие кольнуло меня:

— Фир, а яд, которым Глиберус поручил меня отравить, у тебя с собой?

— Обижаешь, напарница. — Таракашка помахал в воздухе маленькой капсулой. — Отборный. Если растворить в вине — действует мгновенно, в воде — эффекта ждать придется чуть подольше.

— Дай мне, — я протянула руку.

В ладонь мне упала стеклянная горошина, внутри которой плескалась почти прозрачная жидкость с голубоватым оттенком. Я спрятала ее в подвеску шатлена, висевшего на поясе.

— Все, готова, — выдохнула, как перед прыжком в пропасть.

Таракашка, вольготно расположившейся у меня на плече, согласно кивнул, подтверждая, что он таки тоже. Начала перебирать воспоминания, как четки на бусах: счастливые моменты и те, что заставляли вскипать

кровь в жилах, и с удивлением поняла: для того, чтобы контролировать силу, не нужна ярость. Нужна грань, что отделяет ненависть от умиротворения. И этой межой стал образ Ария. Ухватила за него и пошла по кромке лезвия. С одной стороны было море силы, отданной архимагом, с другой — Фир и весь мир.

Энергия текла через меня, танцуя на ладонях языками пламени, а таракашка с сосредоточенным видом перенастраивал ее, вливая в портал, пространство которого постепенно наполнялось светом.

У меня было странное, нереальное ощущение, как будто присутствуешь в двух мирах сразу.

— Все, можешь заканчивать, энергии хватит, чтобы через несколько миров пройти, не то что до Актыра, — удовлетворенно протянул мой усатый напарник.

Образ плотины стал медленно таять, как и сила.

— А ты молодец, научилась управлять собой и энергией, даже жаль будет, когда ты уйдешь. Из тебя бы могла получиться неплохая магиня...

— Или труп.

— Второе — вернее, — подтвердил таракашка, тоже вспомнив о своем господине.

— Скажи, а Глиберус с самого начала хотел пустить меня в расход? — решила уточнить я перед тем, как шагнуть в телепорт.

— Нет, но все поменялось, как только посол делегации драконов заявил о том, что будет не помолвка, а свадьба.

В голове промелькнула мысль, но, как комета Галлея, оставила после себя лишь тающий трек. Что-то было в словах таракашки, но что?

Махнув на эфемерную вертихвостку рукой, я вошла в телепорт.

По ту сторону меня встретила пестрая толпа. Шумная, суетливая, почти вокзальная. Именно такие ассоциации возникли при виде снующих в разные стороны мужчин, женщин, детей. Среди них были и драконы, и эльфы, и если я правильно поняла, то и вампиры с троллями.

Созерцание было недолгим. В спину врезались.

— Что, общественным телепортом пользоваться не умеешь, голытьба? — раздался сзади визгливый голос профессиональной базарной бабы. — Нечего на дороге столбом стоять, переместилась — кыш в сторону. А то ишь чего, пускают всякую бедноту босяцкую через рамки...

Повернулась. Говорившая напоминала больше всего хряка в балетной пачке: тройной подбородок, утянутые корсетом тела, грудь, вываливающаяся из декольте подросшей опарой, и золото, блестевшее на даме не хуже гирлянд на новогодней елке.

— Извините, не знала, что через телепорт можно провозить еще и БТР. — Мой голос был полон смирения и раскаяния. Даже книксен сделала.

Но, как известно, непонятное слово заведомо считается еще большим оскорблением, чем даже известный мат. Фрау, похоже, что-то такое уловила и, воинственно уперев руки в бока, набрала в грудь побольше воздуха.

Я же, видя, что в телепорте показался уже следующий, просто сделала несколько шагов назад.

Дама, которую я мысленно окрестила танком в шлепанцах, успела только открыть рот, как в спину ей врезался сэр аналогичных габаритов, этакий откупоренный браток из девяностых местного разлива. Оба повалились на пол. Судя по началу диалога, у обоих было эквивалентное воспитание, потому как прозвучало:

— Что, сытуха, телепортом...

— Ты страшная женщина, — прокомментировал Фир. — Организовать пробку на ровном месте, так, чтобы заблокировать один из главных Актырских телепортов, — это талант.

— Только в пробке люди ощущают равноправие, — философски заметила я.

— Ладно, пошли уже. Где-то здесь должна быть карта города. Наш Ауд в госпитале Святого Горгония.

Лавируя меж людских (и не только) потоков, мы с Фиром добрались до выхода из здания. Рядом с аркой висело полотно. Художник, конечно, был не гений, но в педантичности и скрупулёзности ему нельзя было отказать. Нужный госпиталь обнаружился в нескольких кварталах от телепортационного зала.

Пешая прогулка по булыжным улицам и мостовым была бы прекрасной, проходи она в молчании, но голос таракашки, которому досталась роль навигатора, время от времени комментировавший: «Поверни направо, через сто шагов, у дерева, сверни налево...» — портил все. Конечно, подсказки членистоногого дуэньи помогали сориентироваться, но в то же время и неимоверно раздражали.

Наконец, мы добрались до «пункта бэ».

В приемный покой я попала как раз в тот момент, когда одна сестра милосердия сменяла на посту другую. Дождавшись окончания данной процедуры, обратилась к милой молоденькой девушке в зеленом чепце:

— Скажите, я могу увидеть Ауда Эймвольта?

— Простите, а кем вы ему приходитеесь? — проявила бдительность последовательница заветов Гиппократы, ответив вопросом на вопрос.

Я перебирала варианты: сестра? А вдруг Ауд — единственный ребенок

в семье? Матушка? На роль родительницы я не тянула еще больше. А потом пришло озарение: эта милосердная сестричка еще только пришла, значит, Земиру, если даже та и была уже здесь, местная ресепционистка в глаза не видела и не знает, как выглядит мисс Эймвольт.

— Его супруга, — ничтоже сумняшеся ответила я и, дабы дальнейших вопросов не последовало, задрала рукав с витиеватой вязью рун.

Не знаю, были ли у Ауда такие же или другие, но медсестра больше никаких вопросов задавать не стала.

— Палата номер двадцать семь, по коридору и направо.

Поблагодарив, я отправилась в указанном направлении.

О том, что больных и раненых много, свидетельствовало хотя бы то, что через приоткрытые двери палат было видно: пустующих коек нет. Я толкнула дверь, на табличке которой рунами было выведено: «палата номер двадцать семь». Мне повезло. Она оказалась одноместной.

То ли Ауд считался местной VIP-персоной, то ли командиров принято было пользоваться в отдельных апартаментах, но так или иначе, Эймвольт был один. Вот только, судя по числу бинтов и его бледному виду — глаза закрыты, дыхание поверхностное и редкое, — дракон пребывал в глубоком, возможно, искусственном, сне.

— И как нам его допросить? — задала я риторический вопрос.

Фир, высунувшийся из прически, деловито покрутил усами, перебежал на плечо, а потом по моей руке спустился на покрывало.

— Попробуем разбудить. Делать-то нечего...

Таракашка забежал на лицо спящего, уперся передними лапами ему в кончик носа и выдохнул комоч синеватой энергии в ноздри дракона.

— Только не говори, что и меня ты так же будил.

— Хорошо, говорить не буду, но правды это не отменяет.

Ауд открыл мутные глаза.

— Где я?

— Во сне. Это все тебе снится. — Я старалась, чтобы голос был мягким и обволакивающим. — Скажи, что ты делал в день своей свадьбы во дворце, когда вышел из янтарной комнаты?

Лицо мужчины исказила болезненная судорога, словно ответ на вопрос требовал титанических усилий.

— Помню, что вышел из зала, помню темный коридор, — с трудом выговорил он и напрягся, словно не мог продолжить. В молчании прошло несколько минут. Наконец, он снова заговорил: — Дальше как стена. Только просьба Земиры нарвать букет белых роз, которые росли на клумбе...

— Белых роз? — уточнила я, а сердце уже выстукивало бешеную дробь.

— Да. — Дракон выдохнул и отрубился.

— Первородный мрак, Керемет тебя разбери! — Фир бушевал. — Не мог он отключиться чуть попозже...

— Белых роз, белых роз, — повторяла я вслух, а в голове звучал голос Земиры: «Он подарил мне букет пионов...» — Фир, мы с тобой идиоты. Надо было обратить на это внимание сразу.

— Ты о чем? — Таракашка перестал пинать в сердцах скулу Эймвольта, абсолютно безразличного к этакому надругательству.

— Скажи мне, когда цветут эти самые пионы в вашем мире?

До напарника, как до жирафа, начало доходить:

— В цветне, — протянул он. А потом, окончательно утвердившись, вынес вердикт: — Они месяц уже как отцвели. На клумбах даже королевского сада их в день вашей свадьбы уже точно не было...

— А Земира говорила именно что о пионах...

Скрип открывающейся двери заставил обернуться. На пороге стояла супруга Эймвольта. Она сделала шаг вперед, а потом плотно закрыла дверь и повернула ключ, вставленный в замок.

— Королевские ищейки уже несколько раз были у Ауда, все пытались обвинить его в смерти этого мракобесьего архимага, но ни один из них не был так внимателен...

— Значит, Ауд и Флейтвар. Главный страж и бастард, что начал службу под его крылом... — протянула я.

— Нет, он не убивал этого придворного лизоблюда! — сузившиеся глаза Земиры метали молнии. — В день нашей свадьбы Ауду было поручено следить за наследником правителя драконов, и когда этот мальчишка ускользнул из зала, мой муж последовал за ним. Я поспешила за супругом, но чуть-чуть не успела, и мы разминулись. Когда же нашла мужа, он помогал стереть кровь с жилета Флейтвара. Сосунок еще все приговаривал: «Я не должен был позволять ему убивать архимага...»

— И кто же этот самый «он»? — задала я вопрос ставшей поразительно откровенной Земире.

— Не знаю, да мне это и безразлично. Единственное — не Ауд, в чем он и поклялся в первую же ночь. Но вот о твоей смерти я буду скорбеть. Жаль. Ты задавала слишком тонкие вопросы. Не знаю, кто тебе это поручил: тайная ли королевская канцелярия, или это твое любопытство, заставившее даже солгать, чтобы проникнуть в палату моего мужа...

С каждым словом она подходила все ближе. Атласный поясok платья

девушки уже не был предметом ее гардероба. По тому, как уверенно она держала его в руках, было понятно: меня собрались задушить.

— Зачем? — я задала вопрос в попытке невесть зачем оттянуть время. — Я буду молчать. Мне нужно лишь имя настоящего убийцы.

— Тебе — может быть, но не дознавателям короля. Если только станет известно о причастности моего мужа к убийству — его ждет виселица. Я не хочу рисковать его жизнью и намерена бороться за свое счастье до конца.

— Ты его действительно любишь... — я смотрела ей прямо в глаза.

— До безумия. — С этими словами Земира вдруг резко развела руки с накрученным на ладони шелковым поясом и как кобра атаковала.

Реакция у нее была слишком быстрой, я не успела увернуться, и на шее затянулась петля.

Прекрасных дам спасают рыцари на белых конях, на худой конец, истинные джентльмены с револьвером в руках. Я же, судя по всему, на благородную донну не тянула, ибо за мою жизнь вступился лишь таракан. Зато какой.

Фир с кличем, которому позавидовал бы и Чингачгук, выудил из прически шпильку и со всей дури воткнул ее в руку Земире. То ли напарник так перепугался за меня, то ли его сила была несоразмерна росту, но шпилька прошила ладонь девушки насквозь. Жаль, что при этом он сам от резкого взмаха отдернутой руки отлетел на кровать.

Противница на несколько мгновений ослабила хватку, и я, уцепившись за пояс руками, оттянула удавку, а потом и вовсе скинула ее через голову.

Развернувшись лицом к сопернице, увидела, как она вытаскивает из ладони то, что до этого у меня ассоциировалось лишь с украшением. Да, теперь я совершенно по-другому относилась к этому милому аксессуару прически. По сравнению со шпильками из нашего мира местные образчики парикмахерских аксессуаров были гораздо прочнее, с острым окончанием, как у сапожной иглы, тяжелые и выполнены с изрядной долей изящества: навершие той, что досталась в дар Земире, украшала миниатюрная бабочка.

Девушка не оценила подношения Фира, отшвырнув его в сторону.

Я отступала, не сводя взгляда с противницы. Не хватало воздуха, перед глазами все плыло. Шаг. Еще один. Ощутила, как уперлась в рукомойник, стоявший у стены. Не глядя, рукой нашарила полотенце. Оно было не просто влажным, мокрым. Не иначе сиделка, сполоснув его, повесила сушиться. Что же, тем лучше.

Взяв полотенце за край, второй опустила так, чтобы он мазнул пол, собирая на себя грязь, а потом резко, наотмашь, хлестнула как ремнем, метя в глаза противнице. От первого удара Земира увернулась. Но если она

думала, что после первого замаха я отступлюсь, то тут девушка просчиталась.

Дали о себе знать славянские корни, и я, как приснопамятная жинка, привечавшая муженька скалкой, от души прощлась по Земире несколько раз, а потом поймала ее таким же захватом, что и она меня прежде. Накинула петлю из полотенца ей на шею. Только душить не стала, а с силой развернула по кругу. В результате оппонентка рукопашного спора со всей дури врезалась в стенку.

Сочный, характерный звук свидетельствовал: что-то она себе точно сломала. Понимая, что сочувствие в данной ситуации приравнивается к смерти (причем моей), подскочила к Земире, и, схватив ее сзади за волосы, несколько раз ударила о стену. По красному пятну, оставшемуся после соприкосновения лица девушки с твердью, поняла: сломан был нос.

— Я не хочу убивать ни тебя, ни Ауда, но если ты сейчас же, сию секунду не поклянешься, что не будешь больше вредить ни мне, ни моей семье, я, видит небо, прикончу вас обоих.

В молчании прошло несколько томительных мгновений, а потом прозвучал словно разорванный в клочья, гнусавый и хлюпающий в крови голос:

— Я, Земира Эймвольт, перед небесной твердью, землю, первородным огнем и водой клянусь, что ни словом, ни делом, ни мыслями, ни бездействием не буду вредить ни тебе, ни всей твоей семье.

Она замолчала, а я оттянула ее волосы еще сильнее, а потом подсказала:

— Слуги, муж.

— Клянусь, что ни мой супруг, ни иной верный соратник не будут мстить тебе и твоим близким. Такова моя клятва крови.

После сказанных слов я отпустила девушку и отошла на несколько шагов назад.

Фир стоял на кровати, покачиваясь на шести лапах. Его изрядно штормило: видимо, приложился он знатно, но когда Земира повернулась к нам лицом, таракашка рухнул на брюхо на разъехавшихся от удивления лапах. Я же схватилась за спинку кровати: лицо той, что пыталась еще пару минут назад меня убить, было кровавым месивом.

— Вот это я понимаю, милая женская беседа, — протянул таракашка. — Попили чайку, перемыли косточки товаркам.

Земира с ненавистью смотрела на меня, в бессильной злобе сжимая и разжимая кулаки, по которым проскальзывали электрические разряды. Я впервые видела, как реально действуют слова обета в этом мире, сдерживая

того, кто их дал. По спине пробежал холодок: упомяни девушка в клятве имя той, кому она ее по идее приносит — Кассандриоле, — и магия бы не сработала, потому как я — не Кесси. Хотя, с другой стороны, теперь Земира, сама того не зная, может спокойно попытаться убить дочку Глиберуса: ей-то она обетов не давала.

— Я тебя ненавижу, — прошипела бывшая противница.

— Охотно верю, — я подхватила таракашку, который шустро скрылся у меня в прическе, — но твою ненависть, в отличие от затянутой удавки на шее, я переживу. Лишь только искренне надеюсь, что наши пути больше никогда не пересекутся. — Твердо взглянула в глаза своему невольному врагу. — И чтобы ты была спокойна: я не собиралась и не собираюсь разглашать тайну причастности Ауда к смерти архимага. Мне нужно было лишь имя настоящего убийцы.

Когда я выходила из госпиталя, сестра милосердия, выполнявшая роль местной ресепционистки, провожала меня крайне недоуменным взглядом.

Эх, чует мое сердце, пойдет сплетня о том, как подрались у кровати умирающего жена и любовница. С точки зрения стороннего наблюдателя — это самое простое объяснение тому, что с небольшим интервалом в палату мужчины сначала вошли две женщины, обе именующие себя супругами сэра Эймвольта, а потом поочередно вышли: одна растрепанная, вторая же и вовсе с расквашенным носом.

За порогом лазарета я тяжело вздохнула. Кто бы ни оказался убийцей: покойный ли Иолин или Арий, — из этого мира мне не выбраться. Потому как первого я при всем желании убить уже не смогу, ибо он уже более суток как мертв, второго — просто не хочу. В итоге же Глиберус прикончит меня.

Шла куда глаза глядят, наблюдая, как один булыжник под ногами сменяет другой. Фир, прекрасно понимавший причину моего состояния, тоже не выказывал желания скрасить променад светской беседой. Сколько времени мы так бродили — точно судить не могу но, судя по всему, изрядно. Солнце начало клониться к закату, когда меня в спину вдруг ударили. Не сильно, но, ощутимо. Я не успела развернуться, как перед носом замахала крыльями какая-то полупрозрачная птица. Внутри этой дивной зверушки просматривались очертания письма, точнее, записки.

— Возлюбленной Ария от супруга. Лично в руки, — прочитало создание.

— Что стоишь? Подставляй ладони. — Фир, вылезший из прически, оживился. — Это магический вестник. Еще повезло, что дракон указал в качестве получателя «возлюбленную», а не «Кесси», а то бедному вестнику пришлось бы махать крыльями до королевства людей.

Я сложила ладони лодочкой перед собой, и мне в руки тут же упал пергамент. Прозрачная птичка с чувством выполненного долга вспорхнула вверх и улетела. Развернула послание. Оно было коротким, но настолько неожиданным, что я перечитала его дважды.

«Дорогая моя, нежно любимая супруга. Прошу тебя заранее меня простить за невозможность выполнить обещание всегда быть с тобою рядом. Меня все же ждет не ссылка, а пеньковая вдова, но не из-за разгрома под Кичиером. Едва я явился к правителю, как тут же был арестован дознавателями Нериуса из-за обвинения в убийстве некоего архимага. Я клянусь, что не совершал того, что вменяют мне в вину, и надеюсь, что хотя бы ты, в отличие от следователей, которые и слышать не желают о ментальном считывании памяти или иных других проверках, поверишь в то, что я невиновен. Казнь состоится завтра на рассвете.

Навеки твой любящий муж Арий».

Я вертела в руках пергамент, задумчиво глядя на шпиль одного из зданий. Тому, что следователи не хотят дополнительных проверок, не удивилась. Дознаватели, судя по всему, собрали солидную доказательную базу, нашли козла отпущения, и если сейчас выяснится, что Арий невиновен, — искать по новой? В нашем мире, если не ошибаюсь, такое дело зовется «глухарем», и за этакий «висяк» можно лишиться квартальной премии. В этом же мире законы более суровы, и дознаватели могут лишиться головы, а она всяко дороже кошелька. Вот и идет на эшафот невиновный.

— Неужели Иолин? — я задала риторический вопрос Фиру.

Таракашка, сидевший у меня на плече, лишь развел лапы в стороны. Мне нужен был совет. Умный, данный сторонним наблюдателем. И был один эльф, который мог бы его дать. А еще присутствовало ощущение, что мы с таракашкой что-то упустили. Имя, которое всплывало несколько раз, но все как-то мимо.

— Фир, нам надо найти Эрина. И чем скорее, тем лучше.

— Тогда на почтовую станцию. Солнце еще не село. Возможно, наш ушастый знакомый недалеко и вестник сумеет быстро его отыскать. — Членистоногий напарник почуял, что дела начинают набирать стремительный оборот, и в предвкушении потер лапами. — Видишь купол

с восьмилучевой звездой? Нам нужно туда: почтовые здания всегда украшает именно этот символ.

Я припустила в указанном направлении. Буквально залетев в зал, я лихорадочно начала искать того, кто бы мне мог помочь. По подсказке Фира подошла к противному даже на вид, низенькому, увешанному бородавками, как бродячий пес репьями, гоблину, стоявшему на табурете у стойки приема заказов в синей униформе. С ходу выпалила:

— Мне нужен вестник. Самый быстрый. Цена не имеет значения.

После чего была удостоена внимательного взгляда и ехидной фразы:

— А деньги-то есть?

Я про себя чертыхнулась: о том, что великий классик некогда называл отчеканенной свободной, я как-то позабыла. На помощь пришел Фир, шепнув: «У тебя в ушах сережки, каждая из которых тянет на сотню золотых». На этот раз меня спасла извечная женская черта, заложенная даже на подсознательном уровне: желание быть чуточку красивее. Еще направляясь в монастырь, вдела в уши серьги, а потом так про них и забыла: маленькие гвоздики не мешали и не напоминали о себе. Я и подумать не могла, что ношу на себе такую сумму.

Быстро сняла одну сережку и протянула ее гоблину.

— Вот, этого хватит с лихвой на самого быстрого вестника.

— Вообще-то мы берем только деньгами, — служащий начал торг за другую сережку.

Я поняливо сняла и вторую.

— Самый быстрый вестник недешев, — протянул он в попытке поживиться еще чем-нибудь.

— Мне обратиться с аналогичным предложением к другому служащему?

Жажда наживы боролась в душе гоблина с опасением потерять то, что уже предложено, но осторожность победила.

— Хорошо. Сейчас сниму с жердочки самого быстрого из наших вестников. Вот вам пергамент и перо. Пишите послание.

Служащий уже собирался уходить, когда с подачи Фира я остановила его вопросом:

— Скажите, здесь есть рамка телепорта?

— Да, в соседнем зале. Для экстренных перемещений.

С этими словами он удалился.

«Дорогой Эрин! Я согласна на ваше предложение. Целиком и полностью, но взамен мне нужна ваша помощь. Немедля.

Обещаю, что открою все карты и сниму маску. Ожидаю вас в зале почтового отделения Актыра.

Теперь ваша Н.»

«Да, именно так. Ничего больше, — подумала я, пробегая строки взглядом. — Эльфа влечет тайна и возможность ее раскрыть, как сильнейший из магнитов. И даже если ему наплевать на чувства ко мне, желание разгадать загадку Кассандриолы должно сподвигнуть его прийти на эту встречу».

После того как вестник, принесенный гоблином, заглотил записку и через открытое окно взмыл в небо, потекли минуты ожидания, каждая из которых была подобна пытке на раскаленной жаровне.

Фир попытался меня успокоить:

— Я слышал, что самые быстрые вестники в полете обгоняют даже драконов, да что там драконов, они до линии горизонта долетают за пятьдесят счетов.

Я вздохнула и обернулась к окну, перебирая в памяти события прошедших дней, начиная с того, как выпала из окна аудитории 13 февраля.

Голос эльфа, раздавшийся из-за спины, застал меня врасплох.

— То, что вы, дорогая, никакая не Кассандриола, я выяснил доподлинно. Упомянутая девица, кстати, как две капли воды на вас похожая, ныне обретается в загородном поместье месье Глиберуса, и мне отрадно, что свое послание вы подписали не ее инициалом.

Не поворачиваясь к нему, я ответила;

— Наталья. Наталья Русова.

Эльф подошел ко мне и встал рядом, тоже глядя в окно.

— Что, простите?

— Вы спрашивали мое настоящее имя. Это оно. И давайте уже на «ты».

— Согласен. Итак, я жду. И не только твоей истории, но и причин, побудивших согласиться на мое предложение.

Я кивнула, соглашаясь. Вот только всей правды этому ушастому пройдохе знать ни к чему, как и того, что я в итоге задумала.

— Эрин, ты оказался прав. Никакая я не рафинированная светская барышня. Шпионка. Фискалка. Наушница. Актерка. Лицедейка. Называй как хочешь. — Я перевела дух. Надо было строить фразы обтекаемо: не говоря сути, а лишь на нее намекая. Вдруг у этого шпиёна тоже есть кольцо, распознающее правду, как и у Ария? — И я должна была найти

убийцу архимага, действуя параллельно и независимо от дознавательского отдела, который озвучит официальную версию, которая бы всех устроила. Королю была нужна голая, не прикрытая титулами и регалиями правда. В средствах и способах мне дали карт-бланш. Единственное условие — полная самостоятельность. Поэтому и поменялась местами с Кассандриолой Глиберус. Как ты верно заметил, мы с ней удивительно похожи. Кто заподозрит следователя в супруге одного из подозреваемых?

Эрин лишь присвистнул:

— Не думал, что тайный сыск Нериуса способен на такие хитроумные комбинации.

— Все бывает, — невесело улыбнулась. — Знаешь, я даже нашла одного из убийц. Им оказался Флейтвар.

Замолчала. Эрин выжидающе смотрел на меня и спустя минуту решил нарушить тишину.

— А второго? Ты сказала, одного из... значит, по логике, должен быть как минимум второй.

— Роль второго прочат Арию, но, знаешь, у меня создалось ощущение, что мы кого-то упустили. Кого-то, кто на голову выше всего списка.

— Что ты хочешь от меня? Какую цену я должен заплатить за то, чтобы ты была со мною рядом?

— Узнай, что такого было обнаружено при Арии, что ментальное считывание памяти следователи посчитали излишним? Амулет архимага, оружие убийства или, может быть, на месте преступления были улики, указывающие на дракона...

— Сколько у меня времени?

— До полуночи.

— Хорошо.

Эрин развернулся ко мне и поцеловал. Его губы были напористые, жаркие, смелые. Язык, что вторгался, завоевывал, покоряя. Это длилось всего несколько мгновений.

— Я привык получать аванс. — Он победно улыбнулся, и, развернувшись, поспешил к выходу, бросив через плечо: — Жди меня в ресторации «Дейнстрор». Я выясню все, что тебя интересует, еще до того, как на небе появится первая звезда.

Когда он вышел, я вцепилась пальцами в подоконник. Пусть алхимик подписал мне приговор и я отныне потенциальная смертница. За жизнь, свою и своего любимого, я еще поборюсь. И пусть для этого придется солгать, украсть, убить. Это того стоит. Сейчас я как никогда понимала Земиру.

В ресторацию не спешила. Привела себя в порядок, как одежду, так и мысли.

Еще один кусочек головоломки встал на место: Эрин исчез не просто так, а проверять «легенду» Кассандриолы. Ушлый, однако, эльф мне попался.

Я шла по парку, через который пролегал путь до «Дейнстрора». Маршрут мне услужливо обозначил гoblin, даже карту нарисовал. Не иначе как это был «комплимент от шефа» в исполнении карлика за сережки, которые стоили как двадцатка самых быстрых вестников.

— Интересно, на чем я так прокололась? — задала вопрос вслух.

Фир, сидевший в моей прическе, тут же прокомментировал на ухо:

— Скажи лучше, в чем ты не прокололась. Я таких случаев не припомню, хотя на девичий склероз и не жалею. Кассандриоле теперь придется изображать глубокую амнезию, причем фрагментарного плана. С лестницы ее, что ли, столкнуть для достоверности? — протянул он задумчиво. — Хотя нет, лестница для такого маловата, лучше сразу с колокольни. И раз пять, чтобы наверняка у дракона сомнений не возникло в том, что жена последнюю память отшибла...

— Фир, тут такое дело... — Я не хотела подставлять таракашку, который и так пошел против своего господина, помогая мне. Для Ария же будет неожиданный сюрприз, когда ночью он узнает, что его жена вновь невинна. И объяснить сей факт настоящей супруге будет ой как непросто. — Кесси — девушка?

Напарник понял меня с полуслова.

— Только не говори, что еще и эту проблему решать! — По моему взгляду напарник понял: таки да, решать, потому как первая брачная ночь состоялась.

— Ну, не тебе лично...

— Еще лично не хватало! Но кандидата придется же подыскивать.

— И тестировать на профпригодность? — невинно уточнила я.

— Да чтоб тебя! Оставил вас двоих всего-то на ночь — и вот результат!

В моем же воображении выросла вереница из кандидатов на «решение деликатной проблемы Кассандриолы», Фир, сидящий за столом во главе очереди и грозно поводящий усами с криком: «Следующий!». Совсем как на собеседовании на должность директора.

Усатый, которому взгрустнулось от новой головной боли, резко сменил тему:

— И все же, что ты задумала?

— Давай присядем. Вон там как раз есть лавочка, под дубом.

Когда мы разместились со всем возможным удобством, я попросила Фира:

— Достань, пожалуйста, наш список. Тот, где отмечены имена вышедших из янтарной комнаты.

Таракашка, сидевший у меня на коленях, мановением лапы достал пергамент, уже изрядно потрепанный, замусоленный и с кучей дополнительных обозначений.

Я пробежалась взглядом по именам и титулам. Еще и еще раз. Взглянула на заглавие: «Имена женихов и их друзей».

— Фир, а почему тут нет главы драконьего посольства?

— Ну так он же не прибыл вместе с делегацией... Как-никак глава представительства, он уже с неделю как был при дворе Наурия, договаривался о церемонии, согласовывал пары...

Под моим пристальным взглядом таракашка хлопнул себя лапой меж усов.

— Я идиот! За Саликом Чейдрой никто и не следил, потому как он был свой и для драконов, и для нас. Это только на вновь прибывших обращали пристальное внимание, а он уже примелькался.

Кивнула, соглашаясь, а потом добавила.

— Мог, это точно. И еще, помнится, по рассказу Нурии, именно этот человек был причиной того, что Арий попал в опалу. Теперь я не удивлюсь, если он крайне способствовал следствию в том, чтобы одеть петлю на шею Дирриетгинга. А вот насчет мотива убийства, думаю, стоит спросить у него самого.

— И ты вот так собираешься заявиться к главе посольства, главному советнику правителя драконов с заявлением: «Я знаю, это вы убили архимага»? Извини, но, если ты так считаешь, то ты — болванка.

На этот антикомплимент я лишь пожала плечами.

— Говорят, что умные учатся на чужих ошибках. В данном случае моя забота — предоставить им качественный учебный материал. А перед визитом я бы все же хотела узнать, что сумеет откопать Эрин. Ну и взять его для подстраховки.

В ресторацию мы с Фиром прибыли, когда начало смеркаться, зажглись фонари, серые тени, сплетаясь клубками змей, стали растворяться в сумраке. Швейцар поначалу, видя мой непрезентабельный, хотя и приведенный в относительный порядок вид, кривился и не хотел пускать. Однако, услышав почти гадючье шипение: «Прокляну и испепелю!» (причем в исполнении усастика, сидевшего на плече, я лишь кивком головы

подтвердила: правда), — струхнул и услужливо открыл дверь со словами:

— Милости просим, госпожа магика.

И даже проводил за отдельный столик в углу. Пока шла, удостоилась нескольких в меру любопытных взглядов. Публика здесь собралась разношерстная, я бы не сказала, что это была голубая кровь и белая кость, но все же и не середнячки, повыше.

Эрин появился спустя час, когда я допивала шестой стакан воды (оказалось, что в данном заведении сидеть просто так, ничего не заказывая, не принято), а поскольку с наличием было как в том анекдоте: «Лучше всего понимаешь, что такое деньги, когда их нет...», то и дегустировала лишь эту живительную влагу.

Сидя вполоборота к залу, краем глаза заметила, как эльф шел к моему столику, слегка пошатываясь. Когда он наклонился, чтобы вместо приветствия поцеловать, уловила характерное амбре.

Я успела уклониться от губ леголассообразного, а вот Фир, сидевший на плече и до этого момента скрытый со спины от эльфа волосами, — нет. Не знаю, кто был больше удивлен: таракан, впервые в жизни поцелованный женщиной, или остроухий, облобызавший членистоногого болтуна. Так или иначе, но заорали оба. Эрин к тому же еще и протрезвел.

— Вот, разреши представить моего напарника: Фирселий. Фир, кстати, с тобой уже знаком.

Эльф лишь ошарашенно упал на стул и протянул ноги.

— Ты настоящий секретер, хранящий кучу тайн. Вроде узнал о тебе, а оказывается, что имеется еще двойное дно...

— Это мило, сравнивать девушку с комодом, но меня больше интересует, что удалось узнать и почему ты в таком виде?

— Столько вопросов и недовольства... Такое ощущение, что я уже женат, — проговорил Эрин, но потом все же начал рассказ. — Следователем по делу Ария оказался один из моих бывших противников, еще того времени, когда я работал главой отдела разведки княжества Элирелии. А с верными врагами разговор лучше идет за бутылочкой вина, да и языки благородный напиток хорошо развязывает. Вспомнили былое, как козни друг другу строили, ну и слово за слово выяснилось, что основное доказательство обвинения — при Арии был обнаружен клинок, которым и убили архимага. Вот только загвоздка: Дирриетгинг утверждает, что сей кинжал был ему подарен не так и давно, и угадай кем?

— Саликом Чейдрой, — сказала, как выстрелила.

Эрин аж дернулся, хотя говорила я негромко.

— Тебе Арий сказал? — Он был крайне удивлен. — На него не

похоже. Этот дракон будет молчать до последнего, не втягивая женщину в мужские разборки, — слишком благороден.

— Нет, сама догадалась.

Эльф внимательно посмотрел на меня.

— Знаешь, я влюбляюсь в тебя все больше: кого что возбуждает в женщине, но меня больше всего орган из двух букв — ум.

— А Салик? — я постаралась вернуть разговор в прежнее русло.

— Естественно, все отрицает, ссылаясь на то, что ничего подобного никому не дарил. Сама понимаешь. Слово против слова, в этой ситуации кто больше соврет, тот и прав, а Чейдра искусный лгун, в отличие от чистоплюя Ария.

Я вертела в руках салфетку. Эрин замолчал в ожидании.

— Знаешь, мне придется попросить еще об одной услуге.

— Догадываюсь, какой.

— И все же озвучу: я заставлю Чейдру признать свою вину, но мне нужно, чтобы его слова слышали дознаватели. Сможешь? Подстрахуешь?

— Ты могла бы и не спрашивать. — С этими словами эльф достал небольшой кристалл. — Держи, это амулет связи. Ваш разговор услышит весь дознавательский отдел Наурия, это я гарантирую. Но как только выйдешь из кабинета Чейдры, знай, с Арием ты больше не встретишься. Он мой друг, но делить тебя с ним я не намерен. Между дружбой и любовью, извини, компромиссов не приемлю.

— Понимаю и принимаю.

* * *

Час спустя, стоя в вестибюле особняка главы посольства драконов, я была удостоена вопроса управляющего:

— Как вас представить, госпожа?

В мыслях промелькнуло: «Супругу Ария или госпожу Дирриеттинг он навряд ли примет, а вот...»

— Представьте как бедную женщину, что была свидетельницей разговора троих: Флейтвара, архимага и его светлости.

Все верно, с шантажисткой Салик встретится. Хотя бы для того, чтобы узнать, что мне известно, и заткнуть мой рот навеки.

Спустя пару минут вновь явившийся управляющий, уже гораздо более серьезный и собранный, произнес лишь одно слово:

— Прошу, — и проводил меня в кабинет.

Салик был точно таким же, как в день свадебной церемонии: серые глаза, коротко стриженные русые волосы с проблесками седины, щеточка усов и голос, чуть шелестящий, напоминающий об огненно-золотистой листопадной осени.

Я вошла, и внутри меня начало зарождаться знакомое чувство тревоги. Именно такое я ощутила тогда, стоя в нише. Сомнений не осталось: именно он убийца архимага.

— Чем вам обязан, неизвестная донна? — Светский вопрос, за которым — бездна.

— Ну, не такая уж и неизвестная, хотя моё имя — Айвика — навряд ли врезалось вам в память... — протянула я, задумчиво осматривая кабинет. Имя, которым я назвалась, было не случайным. Ничто не должно указывать на то, что я как-то связана с Арием. Но блеф, на который решилась, должен был быть с ароматом правды. — Мы с вами уже встречались в тот самый день, когда делегация драконов посетила дворец Нериуса Победоносного. И да, разрешите присесть? Разговор будет долгим.

Я старалась вести себя непринуждённо и по-великосветски, задавая тон всему разговору. Мне нужен был вежливый собеседник, не отринувший норм этикета. Салик не обманул ожиданий.

— Чаю, кофе?

— Чай, если позволите.

Хозяин утвердительно кивнул, а потом позвонил в колокольчик, дабы дать распоряжение слуге (оное было исполнено практически мгновенно). После того, как принесли поднос, на котором помимо чайничка и двух чашек были пахлава, щербет, фрукты и прочие сладости, наш разговор возобновился.

— Там было много девиц, признаться, всех не упомянуть.

— Да, но и кавалеров в зале собралось изрядно. Но вы поразили меня в самое сердце, как и архимага, правда, его — в прямом смысле этого слова, кинжалом из алькулара.

От этого прямого, я бы даже сказала, наглого заявления лицо Салика вспыхнуло свирепым огнем, который, впрочем, он тут же погасил.

Пользуясь тем, что внимание собеседника на мгновение ослабло, мои пальцы ловко открыли одну из подвесок шатлена, ту самую, с капсулой.

— Какие у вас есть доказательства, чтобы бросаться столь вескими обвинениями?

— Личное свидетельство подойдет? У вашей милой беседы была одна неожиданная свидетельница, видевшая все своими глазами, и даже то, как кинжал пронзает грудь архимага, не желавшего идти на сотрудничество.

Как кровь из артерии брызнула на жилет Флейтвара...

Последнюю фразу я произносила по памяти, надеясь, что Земира ничего не перепутала, описывая встречу с Аудом в коридоре.

— И что вы хотите за молчание? — Салик перешел от слов к делу.

— Что может быть нужно бедной вдове? Деньги... И я исчезну из вашей жизни раз и навсегда, прямо завтра.

— Хорошо. Сколько?

— Сто тысяч золотых. Немедля. — Я называла наугад, но по одобрителю копощению Фира поняла — угадала.

— Сумма немаленькая.

— Ровно такая, чтобы молодая вдова навсегда покинула пределы империи драконов.

Салик недовольно заворчал и поднялся из кресла. Он направился к секретеру, а я, пользуясь тем, что он на мгновение отвернулся, вылила яд в чайник. Рисковать, наливая в чашку, я была не намерена.

Успела ровно в тот момент, когда хозяин кабинета повернулся. Передо мной легла шкатулка.

— Что это?

— Сами понимаете, в монетах я такие суммы не храню. Это украшения. Их стоимость чуть больше, чем указанная вами цифра. А теперь я жду клятвы о вашем молчании.

— И я ее дам, но прежде хотелось бы узнать, пока есть возможность говорить на данную тему: что вас сподвигло?

Салик смерил меня мрачным взглядом, но, похоже, чувства, бушевавшие внутри него, требовали выплеска, и он произнес:

— Любовь к Родине и желание не допустить кровопролития.

— Тогда почему в союзниках Флейтвар?

Хозяин, видя, что беседа принимает светский оборот, разлил чай по чашкам. Когда прозвучал вопрос, он поднял на меня хитрый взгляд.

— Мальчишка хотел власти, но кто сказал, что в итоге он бы ее получил? Просто наш император был против идеи тайной сделки с архимагом, а мне нужен был тот, кто пообещает этому королевскому лизоблоду денег. Много денег, и может дать гарантии по выплате.

— Так бастард — разменная монета?

— Увы, это политика... — Салик лишь развел руками, поднося чашку к губам.

Я сделала то же самое.

— Архимаг, на свою беду, оказался слишком жаден и несговорчив. Пришедший ему на смену согласился гораздо быстрее. Если бы демоны не

создали аналог, эта война была бы блицкригом. А так, придется сесть за стол переговоров. Хотя лучше уж мир, замешанный на крови и интригах, чем кампания, вытягивающая из казны последние крохи и губящая сотни тысяч жизней.

Передо мной сидел умный, сильный, хитрый противник. Политик до мозга костей, и я осознала: живой не выйду.

— В чашке яд? Поэтому-то так быстро согласились на отступные? — ткнула пальцем в небо. А может, хозяин и перестраховался? Может, за дверью меня поджидали и арбалетный болт, и удавка, да мало ли...

— Вы проницательны, приятно иметь дело с такими людьми. Жаль, что вы не на моей стороне. Я специально приказал слуге, перед тем, как вы вошли, нанести на края вашей чашки отраву.

— Что же, жаль, что все так получилось. А я мечтала уехать к любовнику на родину... — Я печально смотрела на фарфоровый ободок.

— Жизнь вообще редко бывает справедливой.

— Если уж мне суждено сегодня переселиться в мир теней, может быть, вы доставите мне удовольствие и выпьете со мной по последней чашке? Раз уж в вашей отравы нет.

— Только из уважения к вашей выдержке.

Салик поднес свою чашку к краю моей. Раздался мелодичный звон. «Прямо как бокалы шампанского, только праздник сомнительный. Двое отравителей перехитрили друг друга», — подумалось вдруг.

Хозяин выжидающе смотрел на меня. Как я подношу фарфор к губам, как делаю глоток. И лишь после этого залпом выпил свой напиток.

Во рту стало вязко, на языке был привкус брюквы. Именно так нам в свое время описывали действие знаменитого токсина. Перед глазами все начало расплываться. «Как банально, цикута, — подумалось вдруг. — Значит, мучиться придется с полчаса. Конвульсии не самая приятная вещь. Цианида пожалел, зараза».

Я выпила всего глоток, в отличие от Салика, который опрокинул в себя дозу значительно больше и уже хрипел.

— Маркобесье отродье, — прошипел он, падая на ковер.

Нашла в себе силы ответить, чувствуя, что еще немного, и меня начнет колотить в предсмертных судорогах:

— Отомстила.

Сознание начало угасать. Перед тем как провалиться в темноту, я услышала, как сквозь наушники, крик Фира, обращенный к Эрину, ворвавшегося в кабинет:

— В портал ее, срочно в портал!

МЕСЯЦ СПУСТЯ

19.03.2016 по римскому календарю

22 звездня 9785 года по веремскому летоисчислению

Звук, действующий на нервы до зубовного скрежета, заставил нехотя открыть глаза. Так противно может нудеть только кардиограф, на мониторе которого видны ритмичные скачки зеленой линии: вверх-вниз, вверх-вниз, в такт сокращениям главной человеческой мышцы. Побелка потолка, по которой прошла трещина, намекающая: под ней скрыт руст. Неистребимый больничный дух и жесткое одеяло, которым я укрыта до подбородка. Ночь в больнице. Ветер, завывающий на улице о зимних холодах. Береза, чьи голые ветви нет-нет, да и стучат по оконной раме.

Я в своем мире. Сомнений быть не могло. Тело, которое до этого абсолютно не ощущалось, начало оживать, давая знать о себе. Фиксатор на шее, руки горячие, словно плетью по ним прошли, бинты, стягивающие ногу от самого бедра и до пятки. И жуткая боль. Везде.

Застонала, мне показалось, негромко. Еще и еще раз. Из глаз текли слезы. Изуродованное тело и вдребезги разбитое сердце. На мгновение мелькнула мысль: а может, просто все это пригрезилось в бреду?

Сжав зубы, невероятным усилием достала руку из-под одеяла. Катетер, введенный в предплечье, а под ним татуировка, та самая, свадебная. «Все-таки все это было взаправду», — горькая и радостная мысль одновременно.

Пролежала так до утра, благо мои соседи по палате были молчаливы: реанимация как-никак. Утром, с обходом, когда солнце только задумывалось, стоит ли вообще показываться, пришла врач. Серьезная, сосредоточенная женщина увидела меня, открывшую глаза, и произнесла:

— А, наша суицидная очнулась. Ты о чем думала, мамаша, когда из окна сигала, да еще и отравимшись? Никак не о своих родителях, враз поседевших, и уж точно не о своем еще не родившемся ребенке...

Из всего сказанного я уцепилась лишь за последнее, такова, видно, наша женская натура:

— Как ребенке?

— Да ты, никак, не знала?

Я молчала, силясь осмыслить сказанное. Женщина, кажется, поняла мое состояние, потому как смягчилась и пояснила:

— Да... Ты, видно, и сама не знала, когда решила счета с жизнью

свести. Беременная ты. Четвертая неделя пошла. Ну, теперь хотя бы понятно, отчего решила убиться. Что, поматросил и бросил?

Я лишь прикрыла веки, обозначая кивок и соглашаясь. Пусть так. Версия собеседницы хотя бы выглядела правдоподобной. От психиатра, конечно, не отвязаться, но хотя бы не психушка. Мозг привычно начал работать, уже планируя, что скажу родителям, друзьям. Только пальцы сжали простыню в бессильной злобе: Лихославский выкрутился. Опять. Какая я у него по счету жертва? И ведь не докажешь, что хотел изнасиловать. Времени прошло изрядно, да и куда мне сейчас... Ребенок. При этом слове внутри меня что-то перевернулось. Я вдруг резко ощутила, что если до этого была готова на что угодно: выпить чашу с ядом, прыгнуть с шестого этажа, взвести арбалет, драться не на жизнь, а на смерть, то сейчас ориентир ценностей сместился. Внутри меня жизнь, и я обязана сделать все, чтобы ее сохранить. Вот так. Кривая улыбка фортуны, что является неверной подругой удачи: хотела забрать из того мира хотя бы воспоминания, а взяла еще кое-кого.

Видимо, на моем лице что-то такое промелькнуло, раз врач, присев на край кровати, внимательно посмотрела на меня и произнесла:

— Вижу, умирать раздумала.

Возразить: «Да я как бы и не собиралась», — не могла: сил говорить просто не было, поэтому жрица Гиппократы лишь продолжила свой невольный монолог:

— Тебе еще повезло. С такой верхотуры и не насмерть, да еще с запредельной интоксикацией. Хотя, когда тебя привезли в операционную, скажу честно, думала, что через час зашивать все разрезы, что я сделала скальпелем, будет уже патологоанатом. Открытые переломы обеих ног, левой руки, трещина нескольких ребер и сотрясение мозга. Однако ты выжила, хотя и продержали мы тебя после операции в искусственной коме три недели.

Значит, передо мной не просто врач, а хирург, которая меня оперировала. Признаться, до этого момента думала, что операционная медицина — прерогатива мужчин.

Пересиливая боль, через «не могу», я прошипела всего два слова, разорвавшие мои связки, казалось, в клочья:

— Как ребенок?

— Ну, теперь точно знаю: умирать не будешь и даже на поправку пойдешь. Смертники о детях не думают. А с ребенком твоим все в порядке, если еще чего не начудишь, родится нормальный кроха... Во всяком случае, когда ты решила отравы наглотаться, эмбрион еще к стенке матки

прикрепиться не успел, так что малышу еще до родов крупно повезло. — Женщина в белом халате впервые за время нашего разговора, нет, не улыбнулась, просто стала чуть менее суровой. — Еще день-два полежишь здесь, под наблюдением, а потом, если все будет хорошо, переведем тебя в палату.

Двое суток показались мне пыткой. За это время я успела перебрать все воспоминания, не только недавних дней, но, казалось бы, с рождения. Даже выдумала легенду для мамы с папой, которая бы вписывалась в мировоззрение обычного человека: почему через восемь месяцев они станут дедушкой и бабушкой. Да, перспектива матери-одиночки хотя и не была радужной, но отчего-то не пугала. Может, потому, что было с чем сравнивать. Главное, я жива, и, надеюсь, Арий тоже жив. Пусть и с другой, в другом мире...

Когда перевели в хирургию, первыми посетителями были, конечно же, мама с папой. В бахилах и белых халатах, уставшие, с кругами под глазами, но улыбающиеся. Задушевного разговора в палате на восемь человек не получилось, но самую главную новость я все же им сообщила. Отец ничего не ответил, лишь стиснутые до зубовного скрежета скулы побелели, а мама расплакалась:

— Дурочка. Ты из-за этого решила с собой покончить? Неужели думала, что мы тебя... Наташ, ты нам любая нужна, а внук или внучка — это радость. Тебя вырастили, и его тоже поднимем. Ты только... — По ее щекам текли слезы.

Отец все же не выдержал:

— От кого?

Конечно, проще всего было ответить: «Он умер». Но я вспомнила себя 13 февраля, веселую, беззаботную. Так не выглядит человек, потерявший любимого.

— Пап, он уехал. Далеко. Очень. И даже не знает, что я беременна.

Отец больше не стал ничего говорить, но по его лицу я поняла — к этому разговору мы еще вернемся, и не раз. Мама же решила перевести диалог на другую тему:

— Что тебе принести из дома?

— Ручку и тетрадь, чтобы было удобно писать. Видно, когда головой об асфальт ударилась, мысли в голове появились. Вот и хочу записать.

— Хорошо, доченька, но ты, пожалуйста, больше так не умней. — Мама попыталась пошутить, и я улыбнулась ей в ответ, хотя хохма и вышла корявой. Сейчас главное было не в словах, а в том, что они рядом.

На следующий день, когда пришла мама и подруга Анжела, принесшая

от группы целый мешок фруктов с пожеланиями скорейшего выздоровления, я стала обладательницей целого набора ручек и общей тетради со спиральной пружиной.

Писать было неудобно. Рука не слушалась, но я упорно вела дневник. Описывала день за днем события, недорассказанные бумаге. Становилось легче. В этом мире, как и в том, я могла поделиться абсолютно всем лишь с белыми листами.

Через неделю мне разрешили сидеть: позвоночник, в отличие от ребер, оказался крепким. Одна тетрадь была полностью исписана. В палате я получила прозвище «летучая мамашка». Кто-то из женщин меня жалел, кто-то презирал. Мне было все равно, но ровно до того момента, пока бедовая Варька (женщина далеко за сорок, с ампутированной правой грудью и неиссякаемым оптимизмом) вбежала в палату и сообщила:

— Летучая, к тебе там жених пришел. Красиивый... Высокий, светловолосый, а глаза-то, глаза. Не будь твоим, в коридоре охмурять бы начала. Встречай, щас будет.

Я же в первый момент внутренне сжалась. Высокий, красивый, из этого мира? Лихославский? Пришел каяться? Угрожать? Заставить замолчать?

Внутри меня что-то закипело. Еще месяц назад я бы попыталась избежать грядущего разговора любым способом: закатила бы истерику, всполошила всю палату, притворилась бы впавшей в кому на худой конец. Но не сейчас. Я, как боец, внутренне приготовилась к словесному спаррингу.

Запал моментом угас, когда я увидела его. Во фланелевой клетчатой рубашке, потертых джинсах, с обрезанными волосами и обеспокоенным взглядом, в котором сквозила какая-то одержимость, я бы даже сказала, безумство.

Арий. Это не мог быть он. Он остался в том мире. И тем не менее.

Так получилось, что лежащей в палате была я одна. Арий обвел моих соседей взглядом и попросил:

— Можно нам поговорить. Наедине.

Женщины гуськом, друг за другом, начали выходить. Я была уверена, что, как только закроется дверь, к щели припадет не одно любопытное ухо.

— Все, полог поставил! Можете говорить о чем угодно, влюбленные... — Фир, вылезший из волос дракона, был, как всегда, неподражаем.

Но мы оба молчали, лишь смотрели друг на друга. Таракашка не выдержал.

— Я что, зря магичил? — А потом, ощутимо дернув Ария за ухо, прошептал так, чтобы я точно услышала: — Ну, давай, что завис, ящер, как репетировали.

Арий подошел ко мне, встал у кровати на одно колено и голосом, в котором слышалось волнение, произнес:

— Я все знаю. И про подмену, и про Салика Чейдру, и про то, что мой мир — не твой. Поэтому я здесь, Наташа, и если ты согласишься быть моей женой, мне будет совершенно не важно, что нас свяжет: брачная клятва или запись в ЗАГСе.

Последнюю аббревиатуру он выговорил старательно, словно она была зубодробительной.

Я смотрела на него, на руку, в которой он держал кольцо, которое даже на вид было мне явно велико, со здоровенным камнем посередине, и не могла сдержать улыбки. А потом схватила, но не украшение, а воротник рубашки, притянув Ария к себе, и прошептала ему прямо в губы:

— Если ты, ящерица хвостатая, надеялся на «нет», то ты жестоко просчитался. Я выйду за тебя замуж и в этом мире тоже, и нашего ребенка через восемь месяцев из роддома тоже тебе придется встречать.

Лицо опешившего дракона, переваривающего новость о том, что он скоро станет папой, я запомнила на всю жизнь. Как и его руку, которую он осторожно с моего разрешения положил на живот. Было такое ощущение, что он притронулся ладонью к величайшей драгоценности.

Испортил все Фир, который невесть каким образом оказался у меня на плече.

— Ну вот и отлично! А ты волновался. Я же говорил, что моя девочка любит тебя, дурака крылатого!

Фир трещал, заполняя паузу и болтая за семерых.

Как оказалось, ничего с подменной не вышло. Хотя и татуировку Кассандриоле нанесли, и красиво ее на камнях разложили, дабы сомнений не возникло: девица выпала из окна и по причине этого потеряла память. Арий, вернувшийся из острога, только дотронулся до ее щеки, как заподозрил неладное. Три дня нарезал круги в небе, пока его супруга поправлялась, а потом не выдержат и устроил ей допрос. Кесси держалась, как могла, но дракон в ярости оказался совершенно непредсказуем. Когда девица наотрез отказалась говорить, он просто схватил ее за шею и наклонил лицо к зажженным свечам канделябра. Когда волосы Кассандриолы вспыхнули, Фир, бывший свидетелем сей сцены, не выдержал первым и, обнаружив себя, рассказал Арию о подмене.

Дракон же, недолго думая, схватил таракашку и через порталы

заявился к Глиберусу. О содержании чисто мужского разговора мой усатый напарник умолчал, лишь обмолвившись, что после randevu его уже бывший господин стал изрядно заикаться и с перепугу вывел формулу трансграничного переноса энергии, над которой до этого корпел двенадцать лет.

Арий же, после того как узнал, что его так ловко обманули, сначала разозлился (и на меня, кстати, тоже), но удержал его от необдуманных поступков... Эрин, явившийся к нему с бутылкой вина и серьезной беседой. Начал эльф с того, что завидует хозяину дома: его женщина его по-настоящему любит и готова на все, чтобы его спасти. Не то что отдать себя другому, даже умереть. За что тут же и получил в глаз. Леголасообразный, в душе которого тоже бушевала буря, ответил тем же. Как результат — разговор этих двоих продолжился лишь тогда, когда в кабинете хозяина не осталось ни одного целого предмета мебели, включая гардины. Эльф рассказал Арию о случившемся без утайки, лишь сокрушаясь о женском коварстве и великий силе любви, которая, увы, к нему никакого отношения не имеет.

После такой чудно проведенной ночи за бутылкой бурбона дракон отписал письмо матушке и отправился в наш мир.

— А как же ты здесь? На земле же нет других драконов и магии... — начала было я, но была перебита насмешливым хмыканьем Фира.

— Это пока у тебя магического дара не было, для тебя в этом мире не существовало ни драконов, ни оборотней, ни вампиров, ни магии. Поверь мне, дорогая. Они здесь есть, хотя и искусно скрываются среди обычных людей. Кстати, местная община крылатых Ария принимать сначала категорически не хотела. Его, потомственного князя, обозвали даже грязным нелегалом и вшивым иммигрантом.

— Чему ты был несказанно рад, — с усмешкой прокомментировал Арий.

— Но ведь помогли же потом и с документами, и с адаптацией, когда узнали причину, по которой ты решил покинуть свой мир, — парировал таракашка. — Так что, Наташ, подумай еще раз. Стоит ли за него выходить замуж? — с нарочитой серьезностью пошутил Фир. — Это там он был приближен к трону и к плахе. А тут этот дракон пока обычный заправщик на АЗС. Пистолеты в бензобаки вставляет...

Арий лишь скептически вскинул бровь, глядя на таракашку:

— Я не твой нынешний дружок-напарник. Церемониться за такие советы не буду, да и Эрину, если что, его длинные уши тоже надрать могу.

— Ты променял меня на этого? — Вот тут моя натура возмутилась.

Этот усатый предатель, не успели мы закончить расследование, нашел себе нового напарника? И кого? Этого шпиёна?

— Не надо на меня так смотреть. Мы отлично сработались, — словно оправдываясь, начал Фир, но его оборвал звук открывающейся двери и фраза:

— Где этот стервец, из-за которого моя...

Отец, пришедший навестить дочь, оказался нечаянным свидетелем нашей встречи с Арием.

— Папа, разреши тебе представить, Ар...

— Арсений. — Арий перебил меня. — Ваш будущий зять.

От такой наглости папа опешил, а мама, стоявшая за его спиной, лишь икнула. За их спинами маячили все жительницы больничной палаты.

— Хорошо, Арсений. Выйдем, поговорим.

Мы с мамой обеспокоенно переглянулись.

Запись в дневнике пять лет спустя

15.05.2021

Сегодня годовщина нашей свадьбы. Арий в детской комнате опять воюет с нашими близнецами и маленьким принцем, пытаюсь уложить драконят-непосед спать, а я пишу эти строки в дневнике. Оглядываюсь на пять лет назад. ЗАГС. Платье, не белое и не пышное. Животик, который еще не виден. Лишь самые близкие друзья. Отец, еще не до конца свыкшийся с мыслью, что свекровь его кровиночки — дракон, причем не в переносном смысле этого слова. Мама, косящая глазами на эльфа с тараканом на плече, и в третий раз спрашивающая: «А он точно традиционной ориентации?» Дейрий, рога которого спрягала пышная шевелюра, под ручку с Ликримией. Демон пояснил так свой выбор: если он станет правителем, убить или отравить его королеву будет весьма проблематично, как и их детей. Кстати, он оказался прав. Своих отпрысков драконесса, проявившая неслабый материнский инстинкт, к трем годам научила пользоваться кинжалом и отличать основные яды по запаху. Но самое главное, она без ума любила этого рогатого ехидну. Хвостатый же бабник, на удивление, стал образцовым семьянином. Хотя о том, как Ликримия соблазняла главу посольства демонов, можно было бы сложить целую сагу.

Регистратор, произносившая торжественную речь, сбивалась в тот день несколько раз, а потом плюнула и зачитала окончание по бумажке: больно уж необычная компания, не по внешнему виду, а по ощущениям,

собралась в одном зале.

А спустя положенный срок Арий с двумя свертками на крыльце роддома, счастливый до неприличия. Кстати, супруг на удивление быстро адаптировался в наших реалиях, за пять лет пройдя путь от простого заправщика до регионального директора отдела добычи нефти. Я же перевелась на заочное отделение и полтора года посвятила тому, что училась управлять своими способностями. Сейчас, официально, я домохозяйка. Неофициально — ловец душ, но это уже совсем другая история.

Арий, вернувшийся из детской, хитро улыбнулся.

— Наши непоседы без няни совсем расшалились.

— Ничего, скоро у нее закончится отпуск, — я прекрасно понимала мужа. Чтобы крохи заснули, требовалась немалая выдержка, эрудиция, сноровка и воображение. Одну и ту же сказку по несколько раз на ночь они слушать отказывались, а иногда и требовали изобразить героев рассказа. Мне, сдавшей «иллюзии» на магкурсах на трояк, это хоть как-то удавалось, а вот дракону приходилось туго.

Муж поцеловал меня. Нежно, страстно, чувственно.

— Мммм? — На связные мысли я была не способна. Арий, как и прежде, заставлял меня потерять связь с действительностью за считанные мгновения.

— Как насчет сестрички для наших малышей?

— Ты неисправим...

— Я знаю, но я упорный, и плевать на то, что у нареченных небесами девочек не бывает. Мы и в этом будем исключением.

* * *

Выписка из истории болезни психиатрического отделения пациента Лихославского Е. К.: *«Delirium tremens прогрессирует. Сегодня у пациента отмечено очередное обострение. Он утверждал, что видел говорящего таракана, а в окно его палаты заглядывал дракон с фразой: „Я буду мстить тебе за Наташу до конца твоих дней“.* Пациент требует, чтобы его чистосердечное признание в изнасиловании пяти его бывших студенток отправили в полицию, а его самого посадили в бронированную камеру.

Рекомендации к лечению: назначить пять кубиков гидроперидола внутривенно два раза в сутки и продолжить наблюдение за состоянием

больного».